

ISSN 1996-0522

С **О** **Ц** **І** **У** **М**
И
ВЛАСТЬ

№ 1 2020

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 05.03.2020 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 11,2. Тираж 500 экз.

Заказ № 52/113.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

Беляев Александр Васильевич
Средний класс и интеллектуальный
потенциал общества..... 7

ВЛАСТЬ

Кирчанов Максим Валерьевич
Политизация интеллектуалов
в ранних постсоветских обществах
(грузино-кавказские параллели)..... 19

**ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ**

**Гордеев Сергей Сергеевич,
Зырянов Сергей Григорьевич,
Подопригора Александр Васильевич**
«Эффект колеи» в развитии
социально-экономического
пространства региона.
Часть 2. Кризисная трансформация
«эффекта колеи» и её последствия
для Челябинской области 30

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
- С. В. Борисов* — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- Филип Иванович* — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
- Виктория Лезьер* — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледаев* — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
- Г. Л. Тульчинский* — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Чупров* — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понделков* — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

**Абдурахимов Юрий Васильевич
Иванов Олег Петрович**

Выбор отраслевых приоритетов перехода старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири к экономике неоиндустриального типа: на примере Челябинской области (Часть 2)..... 44

**Буторина Ольга Сергеевна,
Терещук Екатерина Александровна**

Комплексный анализ динамики инновационного развития Челябинской области 59

Бурянина Оксана Александровна

Основные направления государственного регулирования и поддержки инновационной деятельности предприятий (на примере Челябинской области)..... 74

КУЛЬТУРА

Tillmanns Maria daVenza

How doing Philosophy with Children enhances Proprioception of Thinking and Emotional Intelligence..... 90

Тиллманнс Мария да Венза

Как философствование с детьми способствует развитию проприоцепции мышления и эмоционального интеллекта 96

Дядык Наталья Геннадьевна

Концептуальное искусство как способ философствования: живопись вместо философии..... 104

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 128.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

ИСТОРИЯ**Нехамкин Валерий Аркадьевич**

Структура теории в современном историческом познании (на примере концепций причин поражения РККА в начальный период Великой Отечественной войны): философско-методологический анализ 116

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012

Issued by Russian Surveillance Service

for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 05.03.2020.

Format 70×108 1/16

Reference sheet area 11,2. Issues — 500.

Order № 52/113.

Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Alexander V. Belyaev

Middle class and society's

intellectual potential 7

POWER

Maksim V. Kirchanov

Politization of intellectuals

in early post-Soviet societies

(Georgian-Caucasian parallels)..... 19

ECONOMICS
 AND MANAGEMENT

Sergey S. Gordeev,

Sergey G. Zyryanov,

Aleksander V. Podorigora

“Path dependence” in developing

socio-economic space of the region.

Part 2: crisis transformations

of the “path dependence”

and its consequences

for the Chelyabinsk region 30

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

José Barrientos Rastrojo — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)

S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)

E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)

Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)

Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)

Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)

V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)

V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

S.G. Zyrianov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

A.V. Pavraz — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)

A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)

O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)

Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)

A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

N.B. Kostina — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)

Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

V.G. Grafskiy — LLD, Professor
(Moscow, Russia)

A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)

S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)

A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

O.V. Artyomova — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)

L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)

I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

S.S. Zagrebin — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

S.V. Nechaeva — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Yuriy V. Abdurakhimov,

Oleg P. Ivanov

Selecting industry priorities
for the transition of the old industrial
regions of the Urals and Western Siberia
to the neo-industrial type of economy
(Part 2)44

Olga S. Butorina,

Ekaterina A. Tereschuk

Comprehensive analysis
of the innovative development dynamics
of the Chelyabinsk region.....59

Oksana A. Buryanina

The main trends in state supporting
enterprises innovative activities
in the regional aspect (as exemplified
by the Chelyabinsk region)74

CULTURE

Tillmanns Maria daVenza

How doing Philosophy with Children
enhances Proprioception
of Thinking and Emotional Intelligence.....90

Tillmanns Maria daVenza

How doing Philosophy with Children
enhances Proprioception
of Thinking and Emotional Intelligence.....96

Natalia G. Dyadyk

Conceptual art as a way
of philosophizing: painting
instead of philosophy104

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 128.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

HISTORY

Valery A. Nekhamkin

The theory structure in modern historical knowledge (as exemplified by the concepts of the causes of the Red Army defeat in the initial period of the Great Patriotic War): philosophical and methodological analysis..... 116

Для цитирования: Беляев А. В. Средний класс и интеллектуальный потенциал общества // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 7—18. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-07-18.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-07-18

УДК 316.443

СРЕДНИЙ КЛАСС И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВА

Беляев Александр Васильевич,

Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры педагогики и психологии
профессионального образования,
доктор педагогических наук, профессор,
Российская Федерация, 355009,
г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1.
E-mail: andis-1@yandex.ru

Аннотация

Введение. В социологии тенденция сокращения среднего класса, структурных изменений в его составе преимущественно рассматривается в русле социально-экономических последствий: сокращение производства и налоговой базы, увеличение нагрузки на бюджет, угроза ослабления социальной стабильности, подрыв веры в социальную справедливость. Однако процесс сокращения среднего класса (в сочетании с рядом других факторов) ведёт к более глубоким деструкциям: к снижению интеллектуального потенциала общества, к деградации и депрофессионализации населения.

Цель. Описание социально-психологического портрета представителя среднего класса и предварительный анализ гипотезы о научной целесообразности введения коэффициента изобретательской активности как одного из критериев развития интеллектуального потенциала общества.

Методы. Сущностный анализ, обобщение независимых характеристик, наблюдение, сопоставительное и контрастирующее сравнение, балансовый метод.

Научная новизна. Предложен дополнительный критерий оценки представителя среднего класса — личностное достоинство как показатель морально-психологической идентичности, соответствия не только стандартам потребления, но и эталонным представлениям об интеллектуальном потенциале, личностной самодостаточности. Рассмотрены факторы, оказывающие влияние на интеллектуальный потенциал общества, на процессы деградации населения. Показана возможность применения коэффициента изобретательской активности как инструмента оценки интеллектуального потенциала общества.

Результаты. Проведён предварительный анализ социально-психологических деструкций, порождённых сокращением среднего класса. Выявлено наличие корреляционной зависимости уровня интеллектуального потенциала населения региона и доли семей среднего класса.

Выводы. Низкий уровень зарплат, не позволяющий работникам науки, образования войти в состав среднего класса, сокращение малого и среднего бизнеса, переход предпринимателей в государственные структуры ведут к интеллектуальной деградации общества, деградации значительной части трудовых ресурсов. В условиях снижения качества профессионального образования необходим поиск новых критериев оценки интеллектуального потенциала общества.

Ключевые понятия:

критерии идентификации,
достоинство,
качество образования,
интеллектуальная деградация,
коэффициент изобретательской активности.

Введение

В развитых странах средний класс является опорой государства, обеспечивающей его стабильность, устойчивое развитие. В США, например, средний класс составляет 51 % населения. В Германии в группу «средняков» входят 82 % населения (это пенсионеры, квалифицированные рабочие, научные работники, преподаватели, госслужащие с доходом от 1 до 4 тыс. евро в месяц). Преимущественно из среднего класса выходит молодёжь, ориентированная на получение высшего образования, подготовленная к обучению в вузе, мотивированная в дальнейшем к профессиональному росту.

По этим причинам особенно актуальной становится проблема изучения способности среднего класса обеспечить воспроизводство профессионалов, обладающих высоким уровнем развития человеческого капитала. Исследование данной проблемы предполагает выявление условий, факторов, оказывающих существенное влияние на развитие интеллектуального потенциала не только среднего класса, но и всего общества в целом.

В настоящее время в научном сообществе тревогу вызывают усиление тенденции сокращения среднего класса, структурные перекосы в его составе. В последние годы, отмечают специалисты, особенно заметным стал переход представителей бизнеса на госслужбу. В итоге в структуре среднего класса значительно увеличилась доля чиновников, силовиков — тех, кто создаёт своё благополучие за счёт административных преимуществ. В то же время в составе среднего класса всё меньше становится доля предпринимателей, представителей науки, образования культуры, что является одной из причин уменьшения в экономике количества высококвалифицированных работников [11].

Другим негативным, имеющим латентный характер последствием сокращения среднего класса является угроза снижения в России интеллектуального потенциала. Отлучение работников науки и образования от стандартов потребления среднего класса — основная причина деградации интеллигенции как социальной общности, что неизбежно порождает декалфикацию и депрофессионализацию значительной части трудовых ресурсов.

Впервые термин «средний класс» как альтернатива марксистскому классовому подходу был введён в зарубежной социологической науке (П. М. Блау, О. Д. Данкен,

1967). В современных зарубежных и отечественных исследованиях значительное внимание уделяется уяснению сущности, структуры понятия «средний класс», критериев оценки соответствия стандартам, оценки его роли в условиях трансформаций (С. М. Блюмин, 1989; Г. А. Здравомыслов, 2001; Е. М. Аврамова, 2003; Г. М. Андреева, А. И. Донцов, Г. Г. Дилигенский, 2002; Н. Е. Тихонова, 2007; М. К. Горшков, 2008; Т. М. Малева, Л. Н. Овчарова, 2009; С. В. Мареева, 2009; А. Ф. Борисов, 2018). Научные подходы к изучению среднего класса в системе стратификационной модели современного российского общества, критерии оценки обобщены в исследованиях О. П. Овчинниковой, А. А. Алексеёнок (2011). Ключевые факторы, условия, определяющие характер процесса формирования среднего класса в России с позиции факторной модели управления качеством жизни населения рассматриваются С. Г. Захаровой и С. А. Борисовым (2018) [8].

Эксперты преимущественно выделяют следующие критерии идентификации среднего класса: материальный достаток, владение средствами производства, профессия (должность), образование, образ жизни, социальный статус (Л. Григорьев, А. Салмина, О. Кузина, 2009).

В других исследованиях отмечается важность таких показателей, как владение недвижимостью; соответствие потребления высоким потребительским стандартам; наличие накоплений; занятость в сфере интеллектуального труда или в предпринимательстве; самоидентификация в стратификации социума [17].

В отечественной социологии обращается внимание и на то обстоятельство, что именно средний класс аккумулирует в себе национальные и европейские культурные ценности, что находит выражение в образе жизни, в социальном самоопределении, в наличии гражданской позиции (А. С. Моисеев, 2012).

Методика социального измерения интеллектуального потенциала общества представлена в трудах В. К. Левашова (2008), А. Б. Докторовича (2009). В работах указанных авторов, в частности, описана динамика корреляционной зависимости интеллектуального потенциала с двумя показателями индекса развития человеческого потенциала — уровнем грамотности населения и наличием среднего специального и высшего образования.

В завершение обзора литературы следует констатировать: проблема изучения тенденции изменений в составе среднего

класса и проблема развития интеллектуального потенциала общества исследуются изолированно друг от друга, что становится причиной недостаточности научных знаний об их корреляционных связях.

Изменения в российском обществе, связанные с понижением качества образования, не могут не отражаться на методике исчисления коэффициента развития человеческого капитала. В мировой науке для определения коэффициента развития человеческого капитала (более широкого понятия по отношению к понятию «интеллектуальный потенциал общества») одним из четырёх критериев оценки является совокупный коэффициент охвата населения средним специальным и высшим образованием. В опубликованном ООН ежегодном отчёте об индексе человеческого развития за 2018 г. Россия занимает 43-е место и входит в группу лидеров [18]. Однако в условиях российского общества используемый для исчисления индекса критерий охвата населения высшим образованием, к сожалению, теряет свою научную объективность в связи со снижением качества образования.

Необходим иной критерий, более строгий по своей научной объективности. В качестве такого критерия (показателя) мы предлагаем коэффициент изобретательской активности (количество поданных заявок на изобретение на 10 тыс. населения). Несмотря на его исходную ограниченность (за пределами измерений остаются представители, например, гуманитарного образования, других специальностей, не подающие заявки на изобретения), он всё же позволяет, по нашему мнению, иметь объективные знания о состоянии интеллектуального потенциала общества.

Цель данной статьи — предварительный анализ гипотезы о научной целесообразности введения коэффициента изобретательской активности как одного из показателей, который может быть использован при исчислении индекса развития интеллектуального потенциала общества. Достижение цели предполагает решение следующих задач:

- выявление негативных последствий процесса сокращения среднего класса, его структурных изменений;
- социально-психологический анализ личностного достоинства как морально-психологического фактора развития интеллектуального потенциала среднего класса;
- оценка последствий снижения качества образования для среднего класса, общества;

- описание возможностей применения коэффициента изобретательской активности в качестве маркера интеллектуального потенциала региона.
- Последовательное решение данных задач отражает структуру публикации.

Методы и материалы

Методы социально-психологического анализа, сопоставительного и контрастирующего сравнения направлены на объяснение сущностных признаков, на выявление их порождающих причин, характеристику установок, мотивов поведения представителей среднего класса, их зависимость от ценностных ориентаций. Балансовый метод позволяет осуществить характеристику и оценку влияния разных факторов на обобщающий критерий (показатель), когда сравниваются разные качества, признаки одного объекта.

Материалы исследования включают отчёты Аналитического центра при правительстве Российской Федерации, экспертные оценки Аналитического кредитного рейтингового агентства, консалтинговой компании «Константа», данные Роспатента, Роспатента, аналитические реферативные обзоры РИА «Новости», ИА «Regnum».

Критерии идентификации среднего класса

В общем значении средний класс — это социальная группа людей, имеющая устойчивые доходы, достаточные для удовлетворения широкого круга материальных, социальных, духовных потребностей [4; 19]. Каждая семья стремится к обретению материального достатка, достижению желаемого социального статуса. Чем выше материальное обеспечение каждого члена семьи, чем больше возможностей для удовлетворения витальных потребностей, потребности в самореализации, тем выше уверенность в будущем. Такие семьи в социальной стратификации относят к среднему классу. Семьи, соответствующие потребительским стандартам среднего класса, как правило, считают себя счастливыми, испытывают положительное отношение к окружающим, к власти.

Важно подчеркнуть: своё благосостояние главы семейств среднего класса обеспечивают собственным трудом, испытывают личную ответственность за результаты труда. Именно эту особенность считают главным достоинством среднего класса лидеры западноевропейских государств. По оценке

экономиста и бывшего канцлера ФРГ Людвиг Эрхарда, характерной чертой среднего класса являются «чувство собственного достоинства, уверенное и стабильное социальное положение, независимость существования и суждений, смелость поставить свое существование в зависимость от результативности собственного труда и желание заявить о себе в свободном обществе и свободном мире» [2]. Когда в обществе ядро среднего класса составляют труженики, то они становятся приверженцами ценностей гражданского общества: самостоятельности и независимости, свободной и честной конкуренции (равенство в их представлении — это равенство всех перед Богом и законом), критически относятся к власти, понимают, что их личное благо зависит от блага общественного. Однако в абсолютном отношении стандартам потребления (по данным, приведённым в докладе «Российский средний класс в фокусе разных теоретических подходов: границы, состав и специфика») соответствуют только 7 % населения, которые составляют в России ядро среднего класса [23].

В ядро среднего класса входят граждане с высоким уровнем образования. Эксперты преимущественно выделяют следующие критерии идентификации среднего класса: материальный достаток, владение средствами производства, профессия (должность), образование, образ жизни, социальный статус [5].

В других исследованиях отмечается важность таких показателей, как владение недвижимостью; соответствие потребления высоким потребительским стандартам; наличие накоплений; занятость в сфере интеллектуального труда или в предпринимательстве; самоидентификация в стратификации социума [17].

Ценности среднего класса

Семьи, относящиеся к среднему классу, экономически активны, не только потребляют, но и создают материальные и духовные ценности, формируют представления о будущем развитии страны [14].

Это люди, постоянно занятые повышением качества своей жизни, жизни своих детей, улучшением своих потребительских стандартов. Причём семьи среднего класса обеспокоены не только улучшением материального благополучия, но и формированием образа жизни, ориентированного на правовые и нравственные ценности: уделяют время, ресурсы на самообразование,

образование своих детей, путешествуют, поддерживают здоровый образ жизни, интересуются искусством. В личностном плане им свойственно стремление к независимости, к инновациям, к нонконформизму. Более половины граждан, представляющих средний класс, — это люди, обладающие достаточно высокой правовой культурой, сторонники сильного государства. Осознание неотчуждаемости прав человека, понимание свободы как пространства, поведение в котором регулируется правовыми и моральными нормами, — необходимые ценности среднего класса. Ведущим мотивом жизненной позиции такой личности, обладающей в достаточной мере выраженной готовностью к автономной деятельности, является удовлетворение жизненных потребностей, чувство ответственности за самореализацию, прежде всего, перед собой и, вместе с тем, перед обществом и государством; критическое отношение к власти, творческая активность [20; 22].

Одной из характеристик социально-психологического портрета представителя эталонной семьи среднего класса является наличие чувства собственного достоинства: профессионального, нравственного, национального. Чувство собственного достоинства — это осознание своей социальной значимости, высокий уровень самоуважения. Как морально-психологическое понятие достоинство — это осознание личностью своей самоценности, это эталонный образ человека, осознающего свою ответственность перед самим собой [7]. Личность, обладающая достоинством, требует и от других людей адекватной оценки её значимости, уважения к ней, признания соответствующих прав и возможностей.

Профессиональное достоинство формируется в результате осознания человеком себя как профессионала, способного добиваться успеха благодаря наличию соответствующих компетенций. Представитель среднего класса добивается удовлетворяющих его потребительских стандартов благодаря собственному труду, опыту, высокой профессиональной квалификации. Профессиональное достоинство — это и признание профессионального сообщества, уважение коллег за достигнутые результаты в профессиональной деятельности. С профессиональным достоинством тесно связано материальная самоудовлетворённость личности. Человек уважает себя за то, что у него есть материальные возможности для удовлетворения личных витальных потребностей, потребностей членов своей се-

мый. Особую гордость испытывает человек, когда он имеет возможности для оказания помощи нуждающимся, когда способен потратить часть средств на благотворительность. Как законопослушный гражданин, налогоплательщик, представитель среднего класса ощущает свою связь с государством и обществом, свою полезность, испытывает удовлетворение за выполнение гражданского долга.

Нравственное достоинство обусловлено чувством самоуважения за соблюдение нравственных норм, когда человек живёт по совести, когда ему не стыдно перед собой, детьми за свои жизненные поступки. Когда он живёт по принципам: относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе; делай, как должно, а там будь, что будет.

Национальное достоинство — это гордость, осознание того обстоятельства, что тебе нечего стыдиться перед своими соплеменниками, что ты верен культуре, традициям своего народа, что ты вносишь свою посильную лепту в его процветание, в его будущее.

Экономическое достоинство связано с отношением к собственности, добытой честным трудом, чувством самоуважения человека за достигнутую им материальную независимость, за обеспечение благосостояния своей семьи, за достигнутый в жизни успех, позволивший удовлетворить материальные и духовные потребности.

Политико-правовое достоинство выражается в осознании личностью своих прав (экономических, политических, социальных), убежденности в их гарантии, в требовании их гарантии, в усвоении демократических ценностей, чувстве уверенности в их правовой защищенности.

Нравственное достоинство представителя среднего класса характеризуется усвоением общечеловеческих морально-этических норм и ценностей, убежденностью в собственной самоценности и ценности любой другой личности, требованием к уважению личной индивидуальности, чувством самоуважения за верность принципам, самодвижение к идеалам. Нравственное достоинство — это и проявление высокой требовательности не только к окружающим, но и к себе, наличие эмоционального интеллекта.

Таким образом, осознание главой домохозяйства среднего слоя наличия личностного достоинства зависит от социального статуса, профессионализма, обеспечивающего коммерческий успех, образования,

правовых гарантий, отношения к себе и окружающим, соответствия материального достатка потребительским стандартам.

Последствия сокращения среднего класса

Характерной особенностью трансформаций в современном российском обществе, по оценкам информационных агентств, экспертов, является тенденция к сокращению численности среднего класса, к изменению его состава. Исследователи отмечают, что в структуре среднего класса заметно увеличилась доля работников силовых структур (с 5,4 % в 2007 г. до 9,5 % в 2015 г.). А доля работников науки, культуры, некоторых видов бизнеса (например, промышленности, торговли, строительства), напротив, заметно снизилась [3].

Если в 2013 г. к среднему классу, по расчётам специалистов Института социологии РАН, относилось 18 % населения, то в 2015 — 10 % [20]. По данным Агентства FinExpertiza, в Ставропольском крае, например, в 2018 г. начали действовать 1592 предприятия, в то же время закрылось 5450 компании. Ставропольский край вошёл в пятёрку худших регионов России по соотношению закрывшихся и вновь созданных предприятий. Причинами таких отрицательных результатов, по оценке председателя совета директоров FinExpertiza Е. Трубниковой, стали барьеры, препятствующие доступу к рынкам сбыта, высокая кредитная ставка, отсутствие необходимых для успешного ведения бизнеса компетенций, дефицит квалифицированных кадров, просчёты в информационном обеспечении¹.

По результатам исследований сотрудников Института социологии РАН, в России значительная часть среднего класса занята в госсекторе (54,5 %), причём наибольшая доля приходится на промышленность (электроэнергетику, транспорт, строительство). И совсем мало — в сельском и лесном хозяйстве, коммунальном хозяйстве, в науке и научном обслуживании [21].

Такие структурные изменения ведут не только к сокращению производства товаров и услуг, но и к уменьшению налогов, к усилению давления на бюджет: теперь

¹ Ставропольский край вошёл в пятёрку худших регионов России по соотношению закрывшихся и вновь созданных предприятий. URL: <https://news.1777.ru/61238-stavropolskiy-kray-voshel-v-pyaterku-hudshih-regionov-rossii-po-sootnosheniyu-zakryvshih-sya-i-vnov-sozdannyh-predpriyatij> (дата обращения: 06.01. 2020).

новоявленные госслужащие будут получать зарплаты из бюджетных средств.

Не все представители среднего класса смогут стать чиновниками: какая-то часть пополнит слои бедного класса, другие, скорее всего наиболее квалифицированные и способные, уедут из страны, где, по их мнению, нет достаточных условий для реализации жизненных устремлений.

Сокращение численности среднего класса, его структурные изменения имеют и более глубокие последствия: ведут к утрате веры в справедливое устройство общества, к ослаблению социальной стабильности. В развитых странах именно средний класс обеспечивает процветание и развитие государства и общества. Когда основу общества составляют люди, обладающие финансовой независимостью, способные к проявлению социальных и экономических инициатив, то складываются условия для баланса интересов государства и общества, для обеспечения их развития.

Интеллектуальный потенциал общества

Интеллектуальный потенциал, понимаемый как совокупность человеческих, материальных, финансовых ресурсов, выражает способность общества к открытию новых знаний, созданию новых технологий, производству продукции. Интеллектуальный потенциал находит своё выражение в ключевых областях интеллектуальной деятельности — науке и образовании [13].

Потенциал среднего класса взаимосвязан с интеллектуальным потенциалом общества. Для вычисления индекса интеллектуального потенциала в качестве критерия используется количественный показатель населения, имеющего среднее и высшее образование.

Однако в современных условиях «масовизации» высшего образования, когда обладателями дипломов становятся люди, имевшие значительные пробелы в школьном обучении, мало способные к освоению компетенций в соответствии с государственными образовательными стандартами, установленными для высшей школы, совокупный коэффициент охвата населения средним и высшим образованием как один из четырёх критериев оценки интеллектуального потенциала утрачивает объективность, то есть перестаёт быть валидным. Сомнения в ценности дипломов отечественных вузов всё чаще выражаются на государственном уровне. По заявлению члена

Конституционного суда РФ К.В. Арановского, обязательность дипломов теряет конституционно-правовые основания по причине того, что дипломы имеют низкую репутацию и не гарантируют квалификацию их обладателям [15].

На этом основании могут быть подвергнуты сомнению и методики расчёта индекса развития человеческого потенциала [6; 9; 10].

В современных условиях более точным, по сравнению с показателем охвата населения средним и высшим образованием, используемым для оценки интеллектуального потенциала, по нашему мнению, может быть коэффициент изобретательской активности. Коэффициент изобретательской активности — это количество патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчёте на 10 тысяч населения.

Проиллюстрируем практическое применение данного показателя в сравнении рейтинга регионов по доле семей среднего класса с рейтингом регионов по коэффициенту изобретательской активности [1; 12]. В качестве примера приведём положение пятёрки лидеров по доле семей среднего класса в регионе (см. табл. 1).

Средний коэффициент изобретательской активности по России в 2018 г. составил 1,70 [12]. Число выше 1,70 будем считать «выше среднего»; выше 2,30 — «значительно выше среднего»; менее 1,70 — «ниже среднего»; менее 1,0 — «значительно ниже среднего». Доля семей среднего класса в России в 2019 г. составила 14,2 %. Соответственно более 14,2 % — «выше среднего»; более 20 % — «значительно выше среднего»; менее 14,2 % — «ниже среднего»; 9 % и менее — «значительно меньше среднего».

Лидерами рейтинга по доле семей среднего класса являются регионы, где добывают нефть, газ, другие природные ресурсы. Высокая зарплата, сравнительно небольшая стоимость жилья в этих регионах обеспечивают материальный достаток, позволяющий, несмотря на высокие цены, немалой части населения соответствовать стандартам потребления среднего класса. При этом коэффициент изобретательской активности в этих регионах значительно низкий. При высокой прибыли, получаемой в регионах от использования природных ресурсов, потребность в инновационных разработках по существу отсутствует, поэтому нет и потребности в привлечении в регион специалистов с высоким интеллектуальным потенциалом. По этой причине сокращение или увеличение доли семей среднего класса в данных

Таблица 1

Сравнительная характеристика рейтингов лидеров регионов по доле семей среднего класса, коэффициенту изобретательской активности и средней зарплате в 2017 и 2018 гг.

Регион	Доля семей среднего класса в 2018 г., в %	Коэффициент изобретательской активности, в ед.		Средний уровень зарплат в регионах в 2018–2019 гг., в руб.
		2017 г.	2018 г.	
Ямало-Ненецкий автономный округ	45,2	0,58	0,70	70 620
Магаданская область	34,5	0,49	0,35	55 880
Чукотский автономный округ	33,8	Нет	Нет	56 100
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	32,1	0,25	0,22	61 930
Сахалинская область	27,4	0,04	0,08	51 260

регионах не оказывает существенного влияния на уровень интеллектуального потенциала, на интеллектуальную ёмкость труда проживающего в них населения.

Иную картину можно увидеть, например, в центре России, в ЦФО, где полезные ископаемые не является основным источником наполнения бюджета¹. В Центральном округе, за исключением Москвы, в регионах доля семей среднего класса коррелирует с коэффициентом изобретательской активности: обе величины преимущественно низкие (см. табл. 2)

Только в двух регионах — Московской и Калужской областях — мы видим соответствие в плюсовую сторону величин доли среднего класса (выше среднего — соответственно 19,3 и 14,3 %) величине коэффициента изобретательской активности (соответственно 4,48 (значительно выше среднего) и 1,77 (выше среднего)). Высокий уровень средней по региону зарплаты позволяет предположить, что в ряды среднего класса в данных регионах попали представители научной интеллигенции, способной к созданию инновационной, интеллектуально ёмкой продукции. В шести регионах доля семей среднего класса ниже средней величины по России: Липецкая область (11,9 %), Ярославская (11,8 %), Воронежская (11,2 %), Рязанская и Тульская области (11,0 %), Белгородская область (9,6 %). Коэффициент изобретательской активности в данных регионах также ниже среднего. Низкий уровень зарплат в регионах не стимулирует пополнение научной интеллигенции, что позволяет говорить об интеллектуальной стагнации данных регионов.

В 16 субъектах РФ коэффициент изобретательской активности ниже среднего, в

¹ Зарплаты в России. URL: <https://visasam.ru/russia/rabotavrf/zarplaty-v-rossii.html> (дата обращения: 11.10.2019).

30 регионах России значительно ниже среднего. Намечилась устойчивая тенденция снижения коэффициента изобретательской активности в стране. Так, в 2015 г. коэффициент изобретательской активности составлял 2,0. В 2016 г. снизился до 1,83. В 2017 г. был равен 1,55. В 2018 году — 1,70.

В тридцати регионах доля среднего класса ниже среднего, в тридцати одном регионе — значительно ниже среднего. В итоге 61 регион по доле семей среднего класса не соответствует даже среднему уровню по России. Сокращение численности среднего класса ведёт не только к экономическим и финансовым потерям, но и, как уже говорилось выше, к структурным деформациям. В рядах «средняков» всё меньше становится владельцев малых и средних предприятий, квалифицированных специалистов, научной и творческой интеллигенции, и в то же время увеличивается доля представителей госаппарата, начальствующего состава, работников силовых структур, менеджеров частных предприятий.

Несколько выделяется из общего ряда Воронежская область: коэффициент изобретательской активности выше среднего (2,02), однако доля семей среднего класса ниже установленной средней величины (11,2 %). Наличие такой особенности позволяет предположить об отсутствии достаточных условий для приобретения научно-технической интеллигенции более высокого социального статуса. Главным барьером является низкий уровень зарплаты (средняя зарплата в регионе составляет 26 070 руб.). При этом следует иметь в виду, что Росстат включает в среднюю зарплату социальное страхование, перечисление в пенсионный фонд, налоги — все отчисления, которые делает работодатель. В реальности, таким образом, работники получают на руки меньшую

**Сравнительная характеристика рейтингов регионов ЦФО
по доле семей среднего класса, коэффициенту изобретательской активности
и средней зарплате.**

Регион	Доля семей среднего класса в 2018 г., в %	Коэффициент изобретательской активности, в ед.		Средний уровень зарплат в регионах в 2018—2019 гг., в руб.
		2017 г	2018 г.	
Московская область	19,3	4,17	4,48	42 460
Калужская область	14,3	2,15	1,77	27 060
Липецкая область	11,9	0,49	0,43	24 640
Ярославская область	11,8	1,13	1,47	26 620
Воронежская область	11,2	1,94	2,02	26 070
Рязанская область	11,0	1,32	1,61	21 340
Тульская область	11,0	0,99	0,94	25 520
Белгородская область	9,6	1,03	1,05	27 280
Смоленская область	9,0	0,46	0,34	20 020
Костромская область	8,7	0,68	0,74	22 550
Владимирская область	8,4	1,64	1,85	22 700
Курская область	8,3	2,08	2,76	25 850
Брянская область	6,7	0,54	0,52	20 790
Тамбовская область	6,6	0,64	0,79	21 450
Орловская область	6,1	0,75	0,85	16 830
Ивановская область	5,6	6,40	5,75	21 120

сумму. По информации Росстата, средний доход научного сотрудника равен 53 800 рублей. А по данным населения — 19 100 рублей. К примеру, в Перми оплата труда научных сотрудников не достигает даже 10 000 рублей. В 30 других регионах — от 10 до 20 тысяч рублей. В городе Санкт-Петербурге размер зарплаты варьируется от 20 до 30 тысяч рублей. В Москве от 80 до 90 тысяч. В Новгородской области доктор биологических наук получает около 16 520 рублей¹. Так, по данным Росстата, средняя зарплата научных сотрудников воронежских вузов составляет 32 963 рубля в месяц. Однако в реальности картина иная: по результатам опроса Общественного телевидения России, научные сотрудники в воронежских вузах получают 16 667 руб., то есть почти в два раза меньше².

Такая негативная ситуация позволяет предполагать, что в данном регионе в значительной степени складываются предпосылки для миграции научно-технических работников в более привлекательные для них агломерации. Основание для такого прогноза дают и события в Казани. В респу-

¹ Зарплата научных сотрудников в 2018 году. URL: <https://infinica.ru/zarplata-nauchnyih-sotrudnikov-v-2018-godu.php> (дата обращения: 12.10.2019).

² Гребенкина А. Преподаватели воронежских вузов: наша зарплата вдвое меньше, чем по статистике. URL: <https://www.vrn.kp.ru/daily/26670.7/3691571/> (дата обращения: 11.10.2019).

блике Татарстан доля семей среднего класса ниже среднего по России — 11,9%. Коэффициент изобретательской активности равен 1,86, что выше среднего.

В соответствии с майским Указом Президента РФ зарплата ученых в Татарии должна составлять примерно 68 тыс. рублей. Однако в настоящее время научные сотрудники получают 15—30 тыс. рублей. Прежде всего, по этим причинам научные работники Казани вышли с протестом на одиночные пикеты³.

Как «массовизация» высшего образования ведёт к снижению качества образования, так и низкая зарплата значительной части работников науки и образования не может обеспечить качественную подготовку специалистов. Поэтому расчёты интеллектуального потенциала, выстроенные на таких исходных данных, как количество населения с высшим образованием, не соответствуют сложившимся реалиям.

Заключение

Одним из маркеров (показателей) состояния интеллектуального потенциала среднего класса является личностное достоин-

³ Учёные Казани вышли на одиночные пикеты из-за низких зарплат. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2742135.html> (дата обращения: 11.10.2019).

ство (профессиональное, нравственное). К ряду негативных последствий процесса сокращения среднего класса, его структурных изменений относится не только ухудшение экономических показателей (сокращение производства, налоговой базы), но и утрата достоинства, интеллектуальная деградация, декалфикация значительной части трудовых ресурсов. Свидетельством этому является крайне низкая научная организация труда, когда миллионы людей заняты бесполезным трудом, не способствующим их профессиональному и интеллектуальному развитию. Усовершенствованный труд отличается от неусовершенствованного тем, отмечает американский экономист Фриц Махлуп, что в усовершенствованный необходимо вкладывать средства, которые, делая труд более производительным, увеличивают физические и умственные способности человека [24]. Приобретаемые тружеником в результате вложения ценные качества — это и есть человеческий капитал. Однако региональные власти вынуждены тратить значительные средства не на увеличение физических и умственных способностей человека, а на организацию пропаганды несуществующих успехов и достижений, разного рода праздников, презентаций, выставок, ярмарок, других пиар-акций с целью сокрытия недостатков, репутационных потерь, порождаемых неэффективностью менеджмента, непрофессионализмом¹.

Современная система отечественного высшего образования не соответствует реалиям рынка труда, потребностям работодателей и продолжает выпускать специалистов, не имеющих достаточного уровня квалификации. Снижение качества высшего образования, девальвация дипломов об окончании вузов актуализируют потребность в альтернативном образовании, которое может быть получено дистанционно, на курсах, стажировках, самообучением. Для развития малого и среднего бизнеса среднее специальное образование не менее полезно, чем высшее. В условиях, когда появляются новые профессии, колледж может оказаться более востребованным молодёжью, чем университет, так как способен своевременно учесть запросы работодателя, дать профильные компетенции в более сжатые сроки. В университетах в магистерские программы, в частности, по направлению «Педагогическое образова-

¹ Перекрест В. Миллионы россиян занимаются работой, которая никому не нужна. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27069/4138795/> (дата обращения: 07.01. 2020)

ние», целесообразно, на наш взгляд, включить дисциплину «Социальное предпринимательство в образовании», изучение которой будет способствовать усилению практической направленности образования, мотивировать обучающихся на применение своих сил и способностей в деятельности, имеющей социальную значимость и коммерческий результат.

Количество населения, имеющего высшее образование, как критерий для расчёта интеллектуального потенциала общества утратил свою валидность (ввиду утраты доверия к дипломам об окончании вуза) и должен быть заменён на критерий, имеющий научную объективность и верификацию, подтверждаемые доверием экспертов.

В качестве такого критерия (показателя) мы предлагаем использовать коэффициент изобретательской активности. Предварительный анализ его возможностей в качестве маркера интеллектуального потенциала показаны на примере сравнительной характеристики рейтинга регионов в совокупности с показателями доли семей среднего класса и средней зарплаты.

Таким образом, дальнейшее изучение вопросов выявления и интерпретации корреляционных связей процессов изменения состава, структуры среднего класса и состояния интеллектуального потенциала общества возможно, как показал предварительный анализ, посредством применения междисциплинарного подхода, интегрирующего результаты исследований социальной философии, социологии, социальной психологии, педагогики профессионального образования.

1. Анализ изобретательской активности в регионах Российской Федерации. URL: <https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/a-iz-akt-2018.pdf> (дата обращения: 08.01.2020).

2. Бахвалова М. В России исчезает средний класс // Banki.ru. URL: <https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/index.php?article=33553>(дата обращения: 12.11.2019).

3. Борисов А. Средний класс, его зарплата, образование и недвижимость — критерии успеха 2018 // Reconomica. URL: <https://reconomica.ru/> (дата обращения: 05.12.2019).

4. Горшков М. К. Средний класс в современной России / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова ; Институт социологии РАН. М., 2008. 320 с.

5. Григорьев Л. М. Российский средний класс: анализ структуры и финансового

поведения / Л. М. Григорьев, А. А. Салмина, О. Е. Кузина. М. : Экон-Информ, 2009. 148 с.

6. Докторович А. Б. Социологический анализ и методика оценки развития интеллектуального потенциала // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2012. №1. С. 143—154.

7. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь / М. И. Еникеев. — М. : Изд-во Проспект, 2008. 560с.

8. Захарова С. Г., Оценка условий формирования среднего класса в России с позиции факторной модели управления качеством жизни населения / С. Г. Захарова, С. А. Борисов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 14—24.

9. Индекс развития человеческого потенциала 2018. URL: <https://tjournal.ru/flood/76687-indeks-razvitiya-chelovecheskogo-potenciala-2018> (дата обращения: 05.01.2020).

10. Индексы и показатели развития человеческого потенциала: обновление статистики в 2018 году. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files> (дата обращения: 03.10.2018.)

11. Как живёт средний класс в России в 2019 году: доходы и перспективы // Ostrovrusa. URL: <https://ostrovrusa.ru/sredniy-klass-v-rossii-dokhod> (дата обращения: 10.10.2019).

12. Коэффициент изобретательской активности. URL: gks.ru/storage/mediabank/patent_14.xls (дата обращения: 20.10.2019).

13. Левашов В. К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 25—36.

14. Мареева С. В. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 55—63.

15. Мнение судьи Конституционного суда РФ К. В. Арановского. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision430475.pdf> (дата обращения: 25.12.2019).

16. Молочников Н. Р., Крюченко Н. Н. Средний класс в России: критерии отнесения // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 11(1). С. 147—149.

17. Оценка среднего класса в России // Constanta. URL: <https://constantina.co/news/20180621-otsenka-srednego-klassa-v-rossii> (дата обращения: 10.10.2019).

18. Российское образование в контексте индекса человеческого капитала // Бюллетень о сфере образования. Вып. 18. Декабрь 2018. Аналитический Центр при правитель-

стве Российской Федерации. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20277.pdf> (дата обращения: 06.01.2020).

19. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Е. М. Авраимова и др. ; под ред. Т. Малевой. М. : Гендальф, 2003. 506 с.

20. Средний класс в современной России: 10 лет спустя // Институт социологии Российской академии наук. URL: <https://www.hse.ru/data/2016/01/22/1137785882/full.pdf> (дата обращения: 04.01.2020).

21. Средний класс по-русски // Наука и жизнь. 2008. №10. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/14801/> (дата обращения: 08.01.2020).

22. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность 15 лет спустя / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М. : Вест мир, 2018. — 312 с.

23. Тихонова Н.Е. Российский средний класс в фокусе разных теоретических подходов: границы, состав и специфика // Динамика средних классов: между экспансией и неопределенностью : материалы российской-французской конференции, 3 октября 2019 г. URL: https://isp.hse.ru/data/2019/10/04/1541835897/03%20Natalia%20Tikhinova_03-10-2019_RU.pdf (дата обращения: 08.01.2020).

24. Machlup F. The Economics of information and Human Capital. Princeton, 1984. 644 p.

References

1. Analiz izobretatel'skoj aktivnosti v regionah Rossijskoj Federacii. Available at: <https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/a-iz-akt-2018.pdf>, accessed 08.01.2020 [in Rus].

2. Bahvalova M. V Rossii ischezajet srednij klass. Available at: <https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/index.php?article=33553>, accessed 12.11.2019 [in Rus].

3. Borisov A. Srednij klass, jeho zarplata, obrazovanije I nedvizhimost'- kriterii uspeha 2018. Available at: <https://reconomica.ru>, accessed 05.12.2019 [in Rus].

4. Gorshkov M.K. (2008) Srednij klass v sovremennoj Rossii. Moscow, 320 p. [in Rus].

5. Grigor'ev L.M., Salmina A.A., Kuzina O.E. (2009) Rossijskij srednij klass: analiz struktury I finansovogo povedenija. Moscow, 148 p. [in Rus].

6. Doktorovich A.B. (2012) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologija I politologija*, no. 1, pp. 143—154 [in Rus].

7. Enikejev M.I. (2008) *Psishologicheskij enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, 560 p. [in Rus].

8. Zasharova S.G., Borisov S.A. (2018) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nyje nauki*, no. 1 (49), pp. 14—24 [in Rus].
9. Index razviti'a chelovecheskogo potenciala 2018. Available at: <https://tjournal.ru/flood/76687-indeks-razvitiya-chelovecheskogo-potenciala-2018>, accessed 05.01.2020 [in Rus].
10. Indexy I pokazateli razvitiya chelovecheskogo potenciala: obnovlenije statistiki v 2018 godu. Available at: <http://hdr.undp.org/sites/default/files>, accessed 03.10.2018 [in Rus].
11. Kak jyvot srednij klass v Rossii v 2019 godu: dohody I perspektivy. Available at: <https://ostrovrusa.ru/srednij-klass-v-rossii-dokhod>, accessed 10.10.2019 [in Rus].
12. Koefficient izobretatel'skoj aktivnosti. Available at: gks.ru/storage/mediabank/patent_14.xls, accessed 20.10.2019 [in Rus].
13. Levashov V.K. (2008) *Sociologicheskiye issledovanija*, no. 12, pp. 25—36.
14. Marejeva S.V. (2015) *Sociologicheskiye issledovanija*, no.1, pp. 55—63 [in Rus].
15. Mnenije sud'i Konstitucionnogo suda RF K.V. Aranovskogo. Available at: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision430475.pdf>, accessed 25.12.2019 [in Rus].
16. Molochnikov N.R., Kr'uchenko N.N. (2013) *Mezhdunarodnyj journal eksperimental'nogo obrazovanija*, no. 11 (1), pp. 147—149 [in Rus].
17. Ocenka srednego klassa v Rossii. Available at: <https://constantia.co/news/20180621-otsenka-srednego-klassa-v-rossii>, accessed 10.10.2019 [in Rus].
18. Rossijskoje obrazovanije v kontexte chelovecheskogo kapitala. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20277.pdf>, accessed 06.01.2020 [in Rus].
19. Srednije klassy v Rossii. Ekonomicheskiye I social'nyje strategii (2003). Moscow, 506 p. [in Rus].
20. Srednij klass v sovremennoj Rossii: 10 let spust'a. Available at: <https://www.hse.ru/data/2016/01/22/1137785882/full.pdf>, accessed 04.01.2020 [in Rus].
21. Srednij klass po-rossijski. Available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/14801>, accessed 08.01.2020 [in Rus].
22. Stolicy I regiony v sovremennoj Rossii: mify I real'nost' 15 let spust'a (2018). Moscow, 312 p. [in Rus].
23. Tihonova N.E. Rossijskij srednij klass v fokuse raznyh teoreticheskikh podhodov: granicy, sostav I specifiki. Available at: https://isp.hse.ru/data/2019/10/04/1541835897/03%20Natalia%20Tikhinova_03-10-2019_RU.pdf, accessed 08.01.2020 [in Rus].
24. Machlup F. (1984) *The Economics of information and Human Capital*. Princeton, 644 p. [in Eng].

For citing: Belyaev A.V. Middle class and society's intellectual potential // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (81). С. 7—18. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-07-18.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-07-18

UDC 316.443

MIDDLE CLASS AND SOCIETY'S INTELLECTUAL POTENTIAL

Alexander V. Belyaev,

North-Caucasus Federal University,
Professor of the Department Chair
of Pedagogy and Psychology
of Vocational Education,
Doctor of Education, Professor,
The Russian Federation, 355009,
Stavropol, ulitsa Pushkina, d. 1.
E-mail: andis-1@yandex.ru

Abstract

Introduction. In sociology, the tendency of the middle class reduction, structural changes in its composition is mainly considered within the framework of socio-economic consequences: decline in production and taxation base, the increasing impact on the budget, the threat of weakening social stability, and derogation of faith in social justice. However, the process of reducing the middle class (in combination with a number of other factors) results in deeper destructions: decrease in the society's intellectual potential, in the population's de-qualification and deprofessionalization. The aim of the study is to describe the socio-psychological portrait of a middle class representative and to analyze the hypothesis of the scientific practicability of introducing the coefficient of inventive activity as one of the criteria for developing the society's intellectual potential.

Methods. The author uses ontological analysis, generalization of independent characteristics, observation, comparative and contrasting comparison, balance method.

Scientific novelty of the study. The author proposes an additional criterion for evaluating a middle class representative: personal dignity as an indicator of moral and psychological identity, complying not only with consumption standards, but also with sample ideas about intellectual potential, personal self-sufficiency.

The author considers the factors affecting the intellectual potential of society, on the processes of population's de-qualification and shows that it is possible to use the coefficient of inventive activity as a tool for assessing the intellectual potential of society.

Results. The author makes a preliminary analysis of the socio-psychological destructions caused by the middle class reduction, points out the correlation dependence of the region's population level of intellectual potential and the share of middle-class families.

Conclusions. The low level of salaries that does not make it possible for people employed in science and education to become part of the middle class, the reduction of small and medium-sized businesses, and the transfer of entrepreneurs to government institutions result in intellectual degradation of the society and de-qualification of a significant part of the workforce. In the context of a decline in the quality of professional education, it is necessary to search for new criteria to assess the intellectual potential of society.

Key concepts:

identification criteria,
dignity,
quality of education,
intellectual degradation,
coefficient of inventive activity.

Для цитирования: Кирчанов М. В.
Политизация интеллектуалов
в ранних постсоветских обществах
(грузино-кавказские параллели) //
Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 19—29.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-19-29.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-19-29

УДК 323.396 + 329.17

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В РАННИХ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ (ГРУЗИНО-КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)

Кирчанов Максим Валерьевич,

Воронежский государственный университет,
факультет международных отношений,
доцент кафедры регионоведения и экономики
зарубежных стран,
доктор исторических наук.
Российская Федерация, 394018,
г. Воронеж, Университетская площадь, 1
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Аннотация

Введение. Автор анализирует феномен политизации интеллектуалов в ранних постсоветских обществах Грузии, Армении, Абхазии и Азербайджана. Предполагается, что в советский период гуманитарии обслуживали политический режим, идеологически и культурно его легитимируя.

Цель. Распад СССР привел к либерализации общества, содействуя политизации интеллектуальных сообществ. Поэтому целью автора является анализ двух уровней политизации интеллектуалов, включая «ответственность» и «предательство».

Методы. Методологически статья основана на принципах изучения интеллектуальных сообществ, предложенных Полом Бараном и Эдвардом Саидом, которые могут быть трансплантированы в контексты ранней постсоветской истории Закавказья.

Научная новизна исследования. Представлена новая интерпретация роли интеллектуалов, основанная на анализе оригинальных источников на грузинском языке.

Результаты. Показано, что: 1) лидеры Армении и Абхазии в советский период были лояльными интеллектуалами, которые делали академическую карьеру; 2) будущие лидеры Азербайджана и Грузии тоже были университетскими интеллектуалами, но с политическими амбициями; 3) властвующие интеллектуалы не смогли стать эффективными менеджерами, предпочитая использовать язык национализма; 4) история ранних постсоветских элит актуализирует проблемы ответственности и предательства интеллектуалов, потому что их правление хронологически совпало с политическим и экономическим кризисом, а также этническими конфликтами.

Выводы. Показано, что политизация интеллектуальных сообществ привела к негативным результатам, содействуя маргинализации гуманитарных интеллектуалов в современных обществах потребления.

Ключевые понятия:

интеллектуалы,
интеллектуальные сообщества,
Закавказье,
элита,
национализм,
предательство интеллектуалов,
ответственность интеллектуалов,
правящие интеллектуалы.

Формулировка проблемы

Интеллектуалы играют особую роль в жизни большинства современных обществ. Вклад и роль интеллектуалов в процессы модернизации и трансформации традиционных групп в современные общества не вызывает сомнения в историографии [5; 12]. Кроме этого, в научной литературе показана значительная роль интеллектуалов в развитии правого [4; 9; 11] и левого [1] дискурса, а также национализма как совокупности культурных и социальных практик воображения сообществ [2] и изобретения традиций [20]. Эти противоречивые роли интеллектуалов неоднократно становились предметом не только собственной интеллектуальных, культурных, но и политических и идеологических дебатов и дискуссий. В целом следует признать, что тема участия интеллектуалов в общественной жизни принадлежит к числу идеологически мотивированных и политизированных. В этой ситуации дефиниции «ответственность интеллектуалов» или «предательство интеллектуалов» успели стать не только общими местами историографии, но и изобретенными историографическими традициями.

Цель и география статьи

Российский историк А. Чубарьян полагает, что «гуманитарии составляют основной процент власти»¹. Поэтому в центре авторского внимания в этой статье будут проблемы интеллектуальной вовлеченности в политические процессы в 1990-е гг. в национализирующихся обществах Закавказья в контекстах «ответственности интеллектуалов» и «предательства интеллектуалов». Географические рамки ограничены Грузией, Арменией, Азербайджаном и Абхазией как странами, которые в ранний постсоветский период пережили приход интеллектуалов в политику, что стимулировало дискуссии о роли и месте последних в обществе, их политической и культурной ответственности и/или безответственности.

Методология

Методологически и теоретически эта статья восходит к принципам изучения роли и места интеллектуальных сообществ, предложенных в текстах западных интеллекту-

алов, включая Пола Барана [3] и Эдварда Саида [18], которые, как полагает автор, могут быть трансплантированы в контексты ранней постсоветской истории Закавказья. Суммируя теоретические идеи авторов, основные особенности места интеллектуалов в обществе мы можем сформулировать следующим образом.

Согласно П. Барану, в современном капиталистическом обществе интеллектуал облуживает существующую систему, критикуя ее крайне ограниченно и только в рамках своих узких корпоративных компетенций; большинство усилий интеллектуалов сосредоточены на легитимации сложившейся системы и наделение ее рациональными смыслами; между идеями интеллектуалов как идеальными конструкциями и реальностью существует конфликт, который они не в состоянии решить, но могут только рефлектировать относительно последнего; тем не менее одна из основных ролей и функций интеллектуала сводится к социальной и культурной критике исторически сложившихся отношений и институтов, хотя степень восприятия этой критики обществом и элитами может быть различной; интеллектуалы могут становиться как сторонниками, так и жертвами политического режима — поэтому они несут ответственность как за выбор собственной роли (критик режима / сторонник режима), так и за сохранение традиций гуманизма и прав человека или их подмену другими альтернативными ценностями.

Что касается Э. Саида, то, комментируя роль интеллектуалов, он указывал на несколько факторов: современный мир подвергнут значительной идеологизации, а интеллектуалы становятся участниками этого политического противостояния; в ряде случаев интеллектуалы предпочитают оставаться «молчаливым большинством», избегая прямого осуждения действий политических элит; интеллектуалы способны ставить неудобные вопросы, но фактически не в состоянии что-либо изменить; интеллектуалы могут заблуждаться, поддерживая «неправильный» (недемократический, склонный к идеологически, религиозно или этнически мотивированному насилию) политический режим; интеллектуальные группы не являются стабильными, а их коллективная социальная и культурная память подвержена амнезии и склонна вытеснять и маргинализировать политически неприятные моменты; интеллектуалы должны оставаться ответственными гражданами, будучи способными сопротивляться своему государству, если оно отстает от ценностей гуманизма;

¹ Новоселова Е. Древний грек в отставке. Академик Александр Чубарьян. Почему гуманитарии сегодня не в цене // Российская газета. 2012. № 202 (5875). URL.: <https://rg.ru/2012/09/04/grek.html>.

современные интеллектуалы «слабы» и поэтому они охотно обслуживают те или иные идеологические дискурсы нации, класса или другой группы, что фактически может быть определено как «интеллектуальное предательство» и «моральное банкротство».

Историография

Если проблемам роли интеллектуалов в странах Запада посвящена значительная литература, то вопросы интеллектуальной истории и культурной/социальной/политической ответственности интеллектуалов в странах Закавказья изучены в гораздо меньшей степени в сравнении с национальной историей этих стран. Проблемы интеллектуальной истории Грузии, Армении, Азербайджана и Абхазии, как правило, пребывают в тени истории национализмов в регионе [10; 13; 16; 17; 19], что придает дополнительную актуальность изучению проблем ответственности интеллектуалов или предательства интеллектуалов.

Ранние постсоветские интеллектуалы как политики: предварительные ориентиры

Ранняя постсоветская история четырех стран — Грузии, Армении, Азербайджана и Абхазии — была отмечена тем, что власть получили новые политики, которые в советский период принадлежали к соответствующим национальным интеллигенциям [7; 8; 14; 15]. Левон Тер-Петросян (Լեւոն Տեր-Պետրոսյան), первый постсоветский лидер Армении, Звиад Гамсахурдия (ზვიად გამსახურდია), первый президент Грузии, Абульфаз Эльчибей (Əbülfəz Elçibəy), президент Азербайджана, и Владислав Ардзинба (Владислав Арзынба), лидер Абхазии, — все они в советский период занимались научной деятельностью, достигнув определенных результатов в филологии или истории.

Несмотря на различные траектории индивидуальных и политических биографий, личный опыт этих интеллектуалов может быть в определенной степени обобщен и систематизирован. Они могли принадлежать к довоенному или первому послевоенному поколению: Абульфаз Эльчибей и Звиад Гамсахурдия родились соответственно в 1938 и 1939 гг., Левон Тер-Петросян и Владислав Ардзинба родились в 1945 г. В настоящее время из первых четырех постсоветских президентов жив только Левон Тер-Петросян — бывший лидер Армении. Трое из первых постсоветских лидеров уже

мертвы: Звиад Гамсахурдия погиб в 1993 г., Абульфаз Эльчибей умер в 2000 г., а Владислав Ардзинба — в 2010 г. Примечательно, что двое бывших лидеров умерли за пределами своих стран: Абульфаз Эльчибей — в Анкаре, а Владислав Ардзинба — в Москве. Кроме этого, двое постсоветских лидеров — Абульфаз Эльчибей и Звиад Гамсахурдия — были свергнуты и отстранены от власти своими политическими противниками.

Из гуманитариев в политики: предательство или пришествие интеллектуалов?

Первые постсоветские лидеры Закавказья до начала активной политической деятельностью принадлежали к гуманитарному интеллектуальному сообществу, хотя их статусы в его рамках были различны: Левон Тер-Петросян с 1978 г. работал в Институте древних рукописей Матенадаран имени Месропа Маштоца при Совете министров Армянской ССР на различных должностях; Звиад Гамсахурдия¹ являлся сотрудником Института грузинской литературы им. Руставели АН Грузии; Абульфаз Эльчибей работал в Институте рукописей Академии наук Азербайджана; а формально наибольших административных результатов достиг Владислав Ардзинба, который в 1988 г. возглавил Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. Гулиа. Владислав Ардзинба и Абульфаз Эльчибей были историками, соответственно доктором и кандидатом исторических наук, а Звиад Гамсахурдия и Левон Тер-Петросян еще в советский период стали докторами филологических наук.

Политизация интеллектуалов в ранних транзитных обществах фактически была неизбежным процессом. Комментируя особенности политизации интеллектуальных сообществ, Мишель Фуко подчеркивал, что «политизация интеллектуала традиционно основывалась на двух вещах: положении интеллектуала в буржуазном обществе, в капиталистической производственной системе, в идеологии, которую он создал или которой

¹ გამსახურდია ზ. XX საუკუნის ამერიკული პოეზია. თბილისი: «განათლება», 1972 (Гамсахурдия З. Американская поэзия XX века. Тбилиси : Ганатлеба, 1972. На груз. языке); გამსახურდია ზ. «ვეფხისტყაოსანი» ინგლისურ ენაზე. თბილისი: «მეცნიერება», 1984 (Гамсахурдия З. «Витязь в тигровой шкуре» на английском языке. Тбилиси : Мецниэрэба, 1984. На груз. языке); გამსახურდია ზ. «ვეფხისტყაოსნის» სახისმეტყველება. თბილისი: «მეცნიერება», 1991 (Гамсахурдия З. Голоса «Витязя в тигровой шкуре». Тбилиси : Мецниэрэба, 1991. На груз. языке).

придерживался, а также его собственном дискурсе как проявлении некоей истины, которая видела политические связи там, где их невозможно было разглядеть. Эти две формы политизации не были чужды друг другу, но и их совпадение не было необходимо»¹. Вероятно, именно роль интеллектуала в советском обществе стала стимулом для их активной политизации в ранний постсоветский период, а склонность к использованию национализма неизбежно вытекала из тех идеологических поисков, которыми до 1991 г. добровольно или вынуждено были заниматься советские интеллигенты.

Двое из трех первых постсоветских лидеров имели сложные отношения с советской властью: Звиад Гамсахурдиа с середины 1970-х гг. сотрудничал с московскими диссидентами, публиковался в самиздате, с 1977 г. был среди инициаторов создания Грузинской Хельсинкской группы, что привело к его аресту и осуждению в 1978 г., хотя он вскоре был освобожден, сосредоточившись преимущественно на научной и литературной деятельности; Абульфаз Эльчибей в первой половине 1970-х примкнул к национальному движению, что привело к его аресту в 1975 и осуждению в 1976 г., хотя уже в 1977 г. он был освобожден и, как З. Гамсахурдиа, сосредоточился на научной и преподавательской деятельности. Все четыре лидера, Левон Тер-Петросян, Звиад Гамсахурдиа, Абульфаз Эльчибей и Владислав Ардзинба, пришли к власти в результате внутреннего политического кризиса, который привел к распаду СССР, что не могло не отразиться на их идеологических принципах, при помощи которых они проводили как внутреннюю, так и внешнюю политику.

Национализм как универсальный язык национального советского гуманитария: ответственность интеллектуалов

После прихода к власти в результате кризиса старых политических элит, дискредитации коммунистической идеологии и роста межнациональных противоречий было естественным то, что основным политическим языком этих некогда советских интеллектуалов стал этнический нацио-

¹ ინტელექტუალები და ძალაუფლება. დიალოგი მიშელ ფუკოსა და ჟილ დელიოზს შორის // არილი. 2009 წლის 2 აგვისტო. URL: <http://arilimag.ge/int'elekt'ualebi-da-dzalaup> (Интеллигенция и власть. Диалог между Мишелем Фуко и Жилем Делезом // Ариэль. 2009. 2 авг. URL: <http://arilimag.ge/int'elekt'ualebi-da-dzalaup>. На груз. языке).

нализм. Национализация ранних постсоветских режимов, с одной стороны, была неизбежна, став следствием особенностей функционирования советской модели развития, которая институционализировала в среде национальных интеллигенций элементы утопического сознания², фактически обрекая первое поколение постсоветских политиков на попытки воплотить националистический идеал как путь к строительству национального государства как формы национальной утопии. С другой стороны, те же грузинские интеллектуалы в первой половине 2010-х гг. попытались преодолеть проблемы травмированной исторической и политической памяти, признав, что «классическим примером оккупационного государства было правление Звиада Гамсахурдиа, когда страной фактически правили на постоянных митингах, мобилизуя население против враждебных и злых сил. Тогдашняя парламентская оппозиция, в которой было не более двух десятков членов, должна была одолеть агрессивную толпу перед зданием, чтобы войти в парламент»³.

Политика каждого из первых постсоветских лидеров в большей или меньшей степени носила националистический характер, что спустя почти три десятилетия вынудило постсоветские общества столкнуться со значительными трудностями осмысления коллективных культурно-исторических травм⁴, собственного исторического опыта радикального политического транзита в условиях возрождения национализма, который из осуждаемого по идеологическим причинам

² ნადირაძე რ. უტოპია აბსტრაქტულიდან კონკრეტულამდე? // რადიო თავისუფლება. 2015. იანვარი 25. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-rusudan-nadiradze-utopia/26816274.html> (Надирадзе Р. Утопия: от абстрактного к конкретному? // Радио Свобода. 2015. 25 янв. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-rusudan-nadiradze-utopia/26816274.html>. На груз. языке).

³ მაისურაძე გ. ბილატერალური ოხლოკრატია // რადიო თავისუფლება. 2013. თებერვალი 12. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-giorgi-maisuradze/24900249.html> (მაისურაძე გ. Двусторонняя охлократия // Радио Свобода. 2013. 12 февр. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-giorgi-maisuradze/24900249.html>. На груз. языке).

⁴ სარჯველაძე მ. ევროპული ამნეზია და ჰომოსოვიეტისუბი // რადიო თავისუფლება. 2015. მარტი 25. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-mikheil-sarjveladze-evropuli-amnezia/26920303.html> (Сарველაძე მ. Европейская амнезия и Homo Sovieticus // Радио Свобода. 2015. 25 марта. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-mikheil-sarjveladze-evropuli-amnezia/26920303.html>. На груз. языке).

явления в советский период быстро мутировал в норму политической культуры. Ситуация осложнялась тем, что эти политики предпочитали говорить не только на языке национализма, но стремились следовать принципам этнического национализма. Кроме этого, некоторые из первого поколения лидеров периода независимости в советский период подвергались идеологически и политически мотивированным преследованиям. В этой ситуации их политика была направлена на десоветизацию и демонтаж советского наследия, что фактически стало формой институционализации национализма в качестве консолидирующей идеологии.

Наиболее последовательными националистами во внутренней политике оказались Звиад Гамсахурдиа, Абульфаз Эльчибей и Владислав Ардзинба. Звиад Гамсахурдиа сочетал принципы национализма с попытками десоветизации: Грузинская ССР была переименована в Республику Грузия, кроме того, была восстановлена государственная символика периода Грузинской Демократической Республики, а также были упразднены автономии на территории Абхазии и Южной Осетии, что привело к военному конфликту в этих регионах. Абульфаз Эльчибей, который после прихода к власти демонстративно отказался от использования русского языка, общаясь с российскими политиками и журналистами через переводчика, пытался соединить идей азербайджанского антисоветского национализма, азербайджанского национализма периода АДР, пантюркизм и прозападные симпатии, также выступал за радикальную десоветизацию фактически советского Азербайджана, полагая, что национализм может стать важным фактором в расставании страны с советским наследием. Левон Тер-Петросян проводил десоветизацию не столь активно, но был вынужден использовать ресурс армянского национализма, так как страна фактически была втянута в военный конфликт с Азербайджаном на территории Нагорного Карабаха.

Несостоявшиеся модернизации: (без)ответственность интеллектуалов

Активное использование национализма первым поколением постсоветских политиков привело к различным результатам, определяемым некоторыми авторами как ситуация экзистенциального кризиса между «присутствием» и «отсутствием», которые проявляются в том, что «социальные

раны»¹, наряду со значительной степенью разобщенности и фрагментированности², стали факторами, определяющими основные векторы развития как общества, так и его идентичности. Поэтому кризисные тенденции, а также переход от «старой» политике к «новой»³ в постсоветских реалиях оказался чрезвычайно продолжительным.

Наиболее последовательным сторонником национализации режима оказался абхазский лидер Владислав Ардзинба, который фактически инициировал построение моноэтнического государства, что привело к этническому чисткам, направленных преимущественно против грузинского населения. Анализируя деятельность лидеров первого поколения постсоветских лидеров Закавказья, во внимание следует принимать и результаты их пребывания у власти: фактически три из четырех к моменту принудительно отстранения от власти (Грузия и Азербайджан) или смерти лидера (Абхазия) представляли собой несостоявшиеся государства: новые политические институты были слабы, советские политические институциональное наследие активно демонтировалось, экономика пребывала в состоянии кризиса, ставшего следствием перехода от административной экономической системе к рыночной.

Относительно стабильной ситуация оставалась в Армении, но и эта стабильность оказалась следствием лояльности ее элит в отношении России. Проблемы,

¹ კახაძე თ. ყოფნას და არყოფნას შორის // რადიო თავისუფლება. 2020. იანვარი 22. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/q/opnasa-da-arq/opnas-shoris/30389962.html> (Кахадзе Т. Между присутствием и отсутствием // Радио Свобода. 2020. 22 янв. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/q/opnasa-da-arq/opnas-shoris/30389962.html>. На груз. языке)

² გაღრმებულ საზოგადოებად ვიქცეით // რადიო თავისუფლება. 2020. იანვარი 16. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/aghorebul-sazogadoebadvart-ktseuli---int'ervi-u-rezhisor-giga-lik'lik'adzestanz-p'remieris-ts'in-/30381474.html> (Давайте станем разнообразным обществом // Радио Свобода. 2020. 16 янв. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/aghorebul-sazogadoebadvart-ktseuli---int'ervi-u-rezhisor-giga-lik'lik'adzestanz-p'remieris-ts'in-/30381474.html>. На груз. языке)

³ აბულაძე რ. საქართველოში ძველი პოლიტიკიდან ახალ პოლიტიკაზე გადასვლის კრიზისია // რადიო თავისუფლება. 2019. სექტემბერი 15. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/sakartveloshidzveli-p'olit'ik'idan-akhal-p'olit'ik'aze-gadasvli-k'rizisia/30165514.html> (Абуладзе Р. Кризис перехода от старой политики к новой политике в Грузии // Радио Свобода. 2019. 15 сент. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/sakartveloshidzveli-p'olit'ik'idan-akhal-p'olit'ik'aze-gadasvli-k'rizisia/30165514.html>. На груз. языке).

с которыми столкнулись Грузия и Азербайджан к моменту отстранения от власти Звиада Гамсахурдиа и Абульфаза Эльчибея, вполне сопоставимы: и Гейдар Алиев, и Эдуард Шеварднадзе получили страны со в значительной степени близкими и одинаково негативными стартовыми условиями, что и предопределило дальнейшие тенденции консервации системы в направлении авторитарного режима с институтами, имитирующими демократию, хотя после «Революции роз» 2003 г. параллели в развитии этих стран не столь очевидны, как в 1990-е гг.

Наиболее сложной оказалась ситуация в Абхазии (где первым постсоветским лидером также был интеллектуал-гуманитарий, который в негласной советской табели о рангах стоял выше своих коллег, получивших власть в Армении, Грузии и Азербайджане), к 2004 г., к моменту отставки В. Ардзинбы (который удержался у власти дольше других гуманитариев, пришедших к власти на волне десоветизации — Абулфаз Эльчибей отстранен от власти в 1993 г., Звиад Гамсахурдиа — в 1992 г., Левон Тер-Петросян ушел в отставку в 1998 г.), фактически представлявшей собой несостоявшееся государство. В этом контексте, вероятно, именно первое поколение постсоветских политиков-гуманитариев частично ответственно за дискредитацию гуманитарного знания и рост антигуманитарных тенденций в постсоветских обществах.

Последствия прихода гуманитарных интеллектуалов в политику в ранний постсоветский период имели самые негативные последствия, в первую очередь, для самих интеллектуальных сообществ. С одной стороны, общим местом в литературе стали утверждения о том, что волна этнического национализма в ранних постсоветских обществах подорвала веру в ценность свободы и принципы демократии¹. Вероятно, определенная доля ответственности за негативный образ либерализма и его фактически маргинальный статус в некоторых постсоветских государствах лежит и на первых политиках, которые пришли к власти после краха СССР, пытаясь формально синтезировать идеи понятного для них этнического национализма сообществ, к которым они принадлежали, и либерализма как заимствованного политического идеала. С другой стороны, итальянский историк и писатель

¹ ლიოსა მ.ვ. პოლიტიკური კორექტულობა თავისუფლების მტერია // არილი. 2018 წლის 5 აგვისტო. URL.: <http://arilimag.ge/mario-vargas-liosa-p'oli/> (Льоса М. В. Политкорректность — враг свободы // Ариэль. 2018г 5 авг. URL: <http://arilimag.ge/mario-vargas-liosa-p'ol>. На груз. языке).

Умберто Эко, комментируя роль интеллектуалов, полагал, что «интеллектуалы не имеют никакого влияния! Они делятся на небольшие группы, живущие в роскошных гетто университетских городков. Вы никогда не найдете комментариев профессоров на страницах крупных газет. И когда они уходят в политику, они полностью отказываются от своих академических занятий»². Политизация интеллектуалов, действительно, в значительной степени содействовала кризису профессиональной и корпоративной замкнутости и ортодоксии, что существенно изменило как роли, так и место интеллектуала в современном обществе, где производство смыслов пало жертвой десакрализации, превратившись в сферу оказания смыслообразующих услуг, что вытекало из коммерциализации высшего образования в постсоветских обществах.

По мнению ряда экспертов, в Грузии «ни советские, ни современные постсоветские интеллектуалы, за редким исключением, не были не только суверенами, но даже не пытались отделить политическую власть от институтов и не выражали их интересы. Они не пытались создать свои собственные интеллектуальные среды или пространства, что позволило бы им хотя бы сопротивляться катастрофической деградации общественного сознания»³. Истоки этой ситуации, вероятно, следует искать в радикальной политической активизации первого поколения постсоветских интеллектуалов, которые, побывав у власти, стремились ее монополизировать, что привело к политическому кризису и дискредитации самих гуманитарных интеллектуалов, которые смогли получить власть.

Некоторые эксперты в связи с этим подчеркивают, что «технари» с мировыми именами публично выражают непонимание, зачем нам нужно тратить государственные деньги на изучение хеттских местоимений или древнегреческих глаголов»⁴. В связи с этим А. Чубарьян вынужден констатировать

² პოპულიზმი, მასმედია, კულტურა და ინტელექტუალები. ინტერვიუ უმბერტო ეკოსთან // არილი. 2009 წლის 11 აპრილი. URL: <http://arilimag.ge/umbert'o-ek'o-p'op'ulizmi-ma/> (Популизм, СМИ, культура и интеллигенция. Интервью с Умберто Эко // Ариэль. 2009. 11 апр. URL.: <http://arilimag.ge/umbert'o-ek'o-p'op'ulizmi-ma>. На груз. языке).

³ მაისურაძე გ. ინტელექტუალები და ძალაუფლება // რადიო თავისუფლება. 2012. ივლისი 23. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-maisuradze-intellectuals/24654268.html> (Майсурадзе Г. Интеллигенция и власть // Радио Свобода. 2012. 23 июля. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/blog-maisuradze-intellectuals/24654268.html>. На груз. языке).

⁴ Новоселова Е. Древний грек в отставке...

тенденции к «упрощению человеческой личности, о примитивизации ее потребностей. Наша повседневная жизнь становится однообразней и скучней. Ведь гуманитарное знание (пресловутые мертвые языки, археологические изыскания, разбор клинописных текстов и т. д.) развивает интеллект, разум. Если главным в жизни становится потребление, то, понятно, хеттский язык тут не пригодится. Понижение качественного уровня человека — тенденция, общая для всего мира»¹.

В подобной ситуации интеллектуальный дискурс в Грузии, по словам Ирины Беридзе, «можно рассматривать как гибридный»², а гуманитарные интеллектуалы в изучаемых регионах оказались заложниками сложившегося положения, будучи загнанными в культурные резервации, включая интеллектуальные журналы: в Грузии такими оказались «არილი» («Ариэль») и «აფრა» («Апра») или «რადიო თავისუფლება» («Радио Свобода»), которое нельзя определить как только и исключительно гуманитарный проект, хотя это радио стало каналом визуализации культурных активностей интеллектуалов. Если армянские и азербайджанские интеллектуалы также имеют свои собственные пространства, которые стали почти невидимы друг для друга, то существование абхазского (равно как и южноосетинского) гуманитарного интеллектуального пространства представляется весьма спорным в силу значительной интеграции в российское. Вероятно, определенная ответственность за это лежит и на гуманитариях-интеллектуалах, которые стали основой первого поколения политических элит постсоветских обществ. Спровоцированный ими рост национализма

существенно содействовал дискредитации гуманитарных интеллектуалов, что привело к формированию не совсем верного их образа как политиков, склонных скорее к мобилизации ресурсов этничности, чем к решению реальных социальных и экономических проблем.

Интеллектуалы: между ответственностью и предательством (трансплантируя теорию в кавказские контексты)

Выше автор сформулировал основные положения проблем роли и места интеллектуалов в обществе, предложенные П. Бараном и Э. Саидом, которые, вероятно, могут быть спроецированы на опыт интеллектуалов раннего постсоветского Закавказья.

Постсоветский приход интеллектуалов в политику стал, с одной стороны, формой отложенной политизации, которая сдерживалась в советский период. С другой стороны, политизация не привела к формированию позитивного опыта, стимулируя появление травмированной памяти об ограниченном опыте пребывания гуманитариев у власти. Поэтому современные закавказские гуманитарные интеллектуальные сообщества являются носителями взаимоисключающих версий, травмированных культурных и исторических памяти, что чревато многочисленными «проработками прошлого» в форме относительно мирной исторической политики или актуализации языка вражды при неизбежных конструированиях образов Другого в честности и концептов инаковости в целом. В этой ситуации постсоветские поколения интеллектуалов вынуждены выбирать между социальной и культурной амнезией или не менее болезненными политически и идеологически мотивированными «вспоминаниями».

Действительно, если советские интеллектуалы обслуживали систему, то они же в ранний постсоветский период потерпели крах в своих попытках создать новую, уступив первенство старым партийным элитам, хотя интеллектуалы сохранили свою видимость и значимость в постсоветских обществах, несмотря на то что сферы их влияния в значительной степени сократились, фактически совпав с границами их же корпоративного сообщества. Поэтому бывшие советские интеллектуалы, став постсоветскими интеллектуалами, были вынуждены встраиваться в эту систему, обслуживая ее идеологические запросы и легитимируя

¹ Новоселова Е. Древний грек в отставке...

² ბერიძე ი. ინტელექტუალური დისკურსი საქართველოში // რადიო თავისუფლება. 2015. ივნისი 10. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-irine-beridze-intelektualuridiskursi/27064305.html> (Беридзе И. Интеллектуальный дискурс в Грузии // Радио Свобода. 2015. 10 июня. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrtse-irine-beridze-intelektualuridiskursi/27064305.html>. На груз. языке).

³ რატომ აღარ გამოდის ჟურნალი “არილი”? // არტინფო. 2019. 12 მარტი. URL.: <https://artinfo.ge/2019/03/ratom-aghar-gamodis-zhurnali-arili/> (Почему журнал «Ариэль» больше не выходит? // ArtInfo. 2019. 12 марта. URL: <https://artinfo.ge/2019/03/ratom-aghar-gamodis-zhurnali-arili/>. На груз. языке); ქევაბიშვილი ე. “არილი” დაბრუნდა // რადიო თავისუფლება. 2013. ნოემბერი 08. URL.: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/arili-dabrunda/25161958.html> (Каванишвили Э. «Ариэль» возвращается // Радио Свобода. 2013. 8 нояб. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/arili-dabrunda/25161958.html>. На груз. языке).

сам факт ее существования. На смену политической критике приходит моральное осуждение, которое политическими элитами фактически игнорируется. Постсоветские интеллектуалы рефлексируют не меньше своих советских предшественников, хотя роль и значение подобных рефлексий минимальны и игнорируются новыми поколениями политических элит, путь к власти для которых фактически начали прокладывать бывшие советские интеллигенты-гуманитарии, получившие власть в начале 1990-х гг.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Политизация интеллектуалов в ранних транзитных обществах стала фактически неизбежным следствием идеологизации интеллектуальных сообществ в советский период. Советский режим институционализировал зависимость национальных интеллигенций от политического режима, превратив их в часть аппарата легитимации коммунистической идеологии. На протяжении советского периода возникла взаимозависимость между интеллигентами и властью: первые были вынуждены ее обслуживать и декларировать ее легитимность, в то время как власть гарантировала определенные социальные лифты для советской интеллигенции. Советская интеллигенция была социальным и политическим конструктом, которая отличалась также и национальной гетерогенностью. В обмен на признание легитимности коммунизма и воспроизводство коммунистического идеологического и политического дискурса национальные интеллигенции имели ограниченные возможности для проявления, актуализации и развития собственных национальных идентичностей, но это вовсе не означает, что советский режим был последователен в своих попытках актуализации национальной — этнической и языковой — гетерогенности.

Распад СССР в 1991 г. радикально изменил положение интеллигенции в постсоветских обществах, положив начало ее трансформации в направлении национальных интеллектуальных сообществ. Кроме этого, распад Советского Союза актуализировал два состояния интеллектуальных сообществ: «ответственность» и «предательство» интеллектуалов. Ответственность перед политическим режимом не исчезла, несколько изменившись в новых условиях. Начало демократического транзита положило конец идеологической монополии коммунистиче-

ской доктрины, но это вовсе не означало полного освобождения интеллигенции от зависимости от государства, которая лишь изменилась, обретая иные, преимущественно экономические и социальные, проявления. В этой ситуации, вероятно, ответственность интеллектуалов перед властью фактически оказалась той частью советского наследия, которую интеллектуальные сообщества так и не смогли преодолеть.

После 1991 г. интеллектуалы осознали еще один уровень ответственности — ответственность перед нацией как сообществом, к которому они принадлежали, что активизировалось как ростом национализма в постсоветских республиках, так и значительным обострением этнических, языковых и религиозных противоречий между некогда социалистическими нациями СССР, которые предпочли осознать себя этническими нациями национализирующихся государств. Вероятно, именно то, что интеллектуалы, которые стали политиками, предпочли использовать язык национализма, предопределило их крах как политиков. Поэтому судьба первого поколения постсоветских интеллектуалов, которые предпочли на волне десоветизации и роста национализма стать политиками, была не очень удачной и счастливой: пребывание их у власти было ознаменовано острыми политическими и этническими конфликтами, которые в некоторых регионах привели к военным действиям.

«Предательство» интеллектуалов актуализировало новые формы их ответственности, но нежелание эту ответственность нести превратило политизированные сегменты постсоветских интеллектуальных сообществ в группы, которые в зависимости от политической конъюнктуры радикально меняли свои политические и идеологические предпочтения. «Предательство» интеллектуалов перестало быть культурным грехом, став формой социальной и экономической адаптации. Завершение активной фазы десоветизации совпало с прогрессом общества потребления и массовой культуры, что также изменило роли и статусы интеллектуальных сообществ в направлении их социальной маргинализации, так как принадлежность к интеллектуальному классу перестала быть привлекательной. К концу второго десятилетия XXI в. более слышимыми становятся голоса тех скептиков, которые указывают на то, что «золотой век» интеллектуальных активностей национальных интеллигенций совпал с периодом авторитаризма, что, впрочем, еще раз подчеркивает важность

ответственности интеллектуалов как групп, формирующих национальные идентичности, наделяя их соответствующими изобретенными традициями и версиями культурной и исторической памяти.

1. Abrams B. *The Struggle for the Soul of the Nation: Czech Culture and the Rise of Communism*. New York : Rowman & Littlefield Publishers, 2005. 376 p.

2. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London : Verso, 1983. 256 p.

3. Baran P.A. *The Commitment of the Intellectual* // *Monthly Review*. An independent socialist magazine. 1961. Vol. 13, no. 1.

4. Bejan C. *Intellectuals and Fascism in Interwar Romania: the Criterion Association*. London : Palgrave Macmillan, 2019. 323 p.

5. *Black Intellectual Thought in Modern America: a Historical Perspective* / eds. B. D. Behnken, G. D. Smithers, S. Wendt. University Press of Mississippi, 2019. 252 p.

6. Cauter D. *The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism*. Yale : Yale University Press, 1988. 420 p.

7. Chkhartishvili M. *Georgian Identity: Stages of Development* // *Georgian Identity and Culture*. Tbilisi : Universal, 2009. P. 41—65.

8. Chkhartishvili M. *Georgian Nationalism and the Idea of Georgian Nation* // *Codrul Cosminului*. 2013. Vol. 19, no. 2. P. 189—206.

9. Fletcher W. *Search for a New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan*. University of North Carolina Press, 2011. 240 p.

10. *Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power* / eds. T. K. Blauvelt, J. Smith. London : Routledge, 2015. 212 p.

11. Hamilton A. *The appeal of fascism: a study of intellectuals and fascism, 1919—1945*. New York : Blond, 1971. 312 p.

12. Israel J. *A Revolution of the Mind: Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy*. Princeton : Princeton University Press, 2011. 296 p.

13. Kirchanov M. *Instrumentalization and imagination of ethnicity: Kartvelism as an invented tradition* // *Central Asia and the Caucasus*. 2017. Vol. 18, no. 3. P. 25—34.

14. Kirchanov M. *Kartvelism as a development paradigm of Georgian ethnic nationalism* // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2015. Vol. 16, no. 1. P. 102—113.

15. Kirchanov M. *The main development vectors of Georgian nationalism in the context of political instability: between the Traditions*

of the Political Nation and the Challenges of Radicalization / M. Kirchanov // *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies*. 2010. Vol. 11, no. 3. P. 126—137.

16. Manning P. *Strangers in a Strange Land: Occidentalists Publics and Orientalist Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries*. Princeton : Academic Studies Press, 2019. 345 p.

17. *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus* / eds. A. Agadjanian, A. Jödicke, E. van der Zweerde. London : Routledge, 2014. 295 p.

18. Said E.W. *Representations of the Intellectual: The 1993 Reith lectures*. New York : Pantheon Books, 1994. 144 p.

19. Suny R.G. *The Making of the Georgian Nation*. Indianapolis : Indiana University Press, 1994. 412 p.

20. *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 330 p.

References

1. Abrams B. (2005). *The Struggle for the Soul of the Nation: Czech Culture and the Rise of Communism*. New York, Rowman & Littlefield Publishers, 376 p. [in Eng].

2. Anderson B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, Verso, 256 p. [in Eng].

3. Baran P. (1961). *Monthly Review. An independent socialist magazine*, 1961, no. 13 (1). [in Eng].

4. Bejan C. (2019). *Intellectuals and Fascism in Interwar Romania: the Criterion Association*. London, Palgrave Macmillan, 323 p. [in Eng].

5. Behnken B.D., Smithers G.D., Wendt S. (2019), eds. *Black Intellectual Thought in Modern America: a Historical Perspective*. University Press of Mississippi, 252 p. [in Eng].

6. Cauter D. (1988). *The Fellow-Travellers: Intellectual Friends of Communism*. Yale, Yale University Press, 420 p. [in Eng].

7. Chkhartishvili M. (2009). *Georgian Identity: Stages of Development* // *Georgian Identity and Culture*. Tbilisi, Universal, pp. 41—65. [in Eng].

8. Chkhartishvili M. (2013). *Codrul Cosminului*, no. 19 (2), pp. 189—206. [in Eng].

9. Fletcher W. (2011). *Search for a New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan*. University of North Carolina Press, 240 p. [in Eng].

10. Blauvelt T.K., Smith J. (2015), eds. *Georgia after Stalin: Nationalism and Soviet power*. London, Routledge, 2015. 212 p. [in Eng].

11. Hamilton A. (1971). *The appeal of fascism: a study of intellectuals and fascism, 1919-1945*. New York, Blond, 312 p. [in Eng].
12. Israel J. (2011). *A Revolution of the Mind: Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy*. Princeton, Princeton University Press, 296 p. [in Eng].
13. Kirchanov M. (2017). *Central Asia and the Caucasus*, no. 18 (3), pp. 25—34. [in Eng].
14. Kirchanov M. (2015). *Central Asia and Caucasus*, no. 16 (1), pp. 102—113. [in Eng].
15. Kirchanov M. (2010). *Central Asia and Caucasus*, no. 11 (3), pp. 126—137. [in Eng].
16. Manning P. (2019). *Strangers in a Strange Land: Occidental Publics and Oriental Geographies in Nineteenth-Century Georgian Imaginaries*. New York, Academic Studies Press, 345 p. [in Eng].
17. Agadjanian A., Jödicke A, Zweerde E. van der (2014), eds. *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*. London, Routledge, 295 p. [in Eng].
18. Said E.W. (1994). *Representations of the Intellectual: the 1993 Reith lectures*. New York, Pantheon Books, 144 p. [in Eng].
19. Suny R.G. (1994). *The Making of the Georgian Nation*. Indianapolis, Indiana University Press, 412 p. [in Eng].
20. Hobsbawm E., Ranger T. (1983), eds. *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 330 p. [in Eng].

For citing: Kirchanov M.V.
 Politization of intellectuals
 in early post-Soviet societies
 (Georgian-Caucasian parallels) //
 Socium i vlast'. 2020. № 1 (81). С. 19—29.
 DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-19-29.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-19-29

UDC 323.396 + 329.17

POLITIZATION OF INTELLECTUALS IN EARLY POST-SOVIET SOCIETIES (GEORGIAN-CAUCASIAN PARALLELS)

Maksim V. Kirchanov,
 Voronezh State University,
 Faculty of International Relations,
 Associate Professor of the Department Chair
 of Regional Studies and Economics of
 Foreign Countries, Doctor of History
 The Russian Federation, 394018,
 Voronezh, Universitetskaya Ploshchad, 1.
 E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract

Introduction. The author analyses the phenomenon of politicization of intellectuals in the early post-Soviet societies of Georgia, Armenia, Abkhazia and Azerbaijan. It is assumed that during the Soviet period, humanitarians served the political regime, legitimating it ideologically and culturally. The aim of the study. The collapse of the USSR led to the liberalization of society, inspiring the politicization of intellectual communities. The author's aim is to analyze two levels of politicization of intellectuals, including "responsibility" and "betrayal".

Methods. Methodologically, the article is based on the principles of intellectual communities' studies proposed by Paul Baran and Edward Said, whose ideas can be transplanted into the contexts of the early post-Soviet history of the Caucasus.

Scientific novelty of the study. A new interpretation of the role of intellectuals, based on the analysis of original sources in Georgian, is proposed in the article.

Results. It is presumed that 1) the leaders of Armenia and Abkhazia during the Soviet period were loyal intellectuals who made an academic career; 2) the future leaders of Azerbaijan and Georgia were also university intellectuals, but with political ambitions; 3) ruling intellectuals could not become effective managers, preferring to use the language of nationalism; 4) the history of the early post-Soviet elites actualizes the problems of responsibility and betrayal of intellectuals, because their rule coincided chronologically with the political and economic crisis, as well as ethnic conflicts.

Conclusions. The politicization of intellectual communities has led to negative results, assisting to the marginalization of humanitarian intellectuals in modern consumer societies.

Key concepts:
 intellectuals,
 intellectual communities,
 Transcaucasia,
 elites,
 nationalism,
 betrayal of intellectuals,
 responsibility of intellectuals,
 ruling intellectuals.

Для цитирования: Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопригора А. В. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 2. Кризисная трансформация «эффекта колеи» и её последствия для Челябинской области // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 30—43. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-30-43.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-30-43

УДК 332.12

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ» В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА. ЧАСТЬ 2. КРИЗИСНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ «ЭФФЕКТА КОЛЕИ» И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал
заведующий лабораторией
«Модели пространственного развития»,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал
профессор кафедры политологии,
истории и философии,
доктор политических наук, профессор.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Подопригора Александр Васильевич,

Научно-образовательный центр Института экономики Уральского отделения Российской академии наук и Челябинского государственного университета, старший научный сотрудник, кандидат политических наук. Российская Федерация, 454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, д. 706. E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация

В рамках исследования природы и социальных последствий «эффекта колеи» (устойчивых факторов, трендов и парадигм, длительное время определявших развитие региона) с использованием технологий анализа и визуализации пространственного развития рассматривается влияние институционального, финансового и управленческого кризиса на перспективы преодоления сформировавшихся негативных тенденций — нынешней «колеи» развития Челябинской области. Проведенный анализ позволяет оценить сложившуюся по итогам последнего десятилетия социально-экономическую ситуацию как стагнацию в саморазвитии региона, связанную с дисбалансом денежного оборота и активным оттоком капитала из реальной экономики.

Исследуется и раскрывается тесная связь кризисных явлений в экономике и системной деформации институциональной среды региона. Одной из причин регионального кризиса и формирования «колеи стагнации» видится коррупция, которая превратилась за последнее десятилетие в важный институциональный фактор, определяющий монополизацию экономики, эрозию политических институтов, падение эффективности управления и снижение доверия к власти со стороны населения и бизнеса. Представлена модель эволюции региональной коррупции из «рыночной» в «консенсусную» (сетевую) форму. По итогам проведенного анализа авторами предлагается ряд оценок и решений, позволяющих преодолеть стагнационную «колею» посредством оздоровления и модернизации институциональной среды, региональной системы управления, а также более эффективного использования исторически сложившихся конкурентных преимуществ региона.

Ключевые понятия:

регион, стагнация, кризис, управление, анализ, визуализация, отток капитала, институциональная среда, модернизация, коррупция.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 010-00964 «Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

Изучение региональных проблем «эффекта колеи» (*унаследованного развития* или *path dependence*) в их связи с возникновением и последствиями локальных социально-экономических кризисов, рассматриваемых на примере одного из ключевых регионов Урала — Челябинской области [6], представляется актуальным для многих индустриальных территорий России, особенно тех, где наблюдается турбулентная динамика социально-экономического развития. Унаследованная от советского прошлого структура экономики, а также негативные процессы в трендах движения капитала, устойчивая деформация институтов — все это в сочетании с обостряющимися региональными социально-экономическими противоречиями и управленческими ошибками создает предпосылки негативной трансформации «эффекта колеи». Ее признаки — это появление комплекса новых более глубоких экономических противоречий и специфических форм стагнации. Последствия подобного сценария развития могут быть весьма существенными, однако понимание причин появления таких противоречий необходимо для устранения отмеченных социально-экономических деформаций и дисбалансов, становления новой динамики развития региона, ведущего к преодолению эффекта колеи.

Предпосылки и особенности кризисной трансформации траектории предшествующего развития

Теоретических и эмпирических работ в области эволюционной экономической теории и изучения влияния предшествующего развития на состояние социально-экономической системы накоплено уже немало. Анализ методологических подходов к трактовке и оценке «эффекта колеи» также обширен; такие оценки рассматриваются сейчас специалистами, в первую очередь, в связи с изучением возможностей и способов ухода с траектории «унаследованного развития» [18].

Однако следует учитывать, что изменение сценария развития возможно как в направлении выхода из «колеи» — сокращения числа значимых факторов предшествующего развития, так и в направлении расширения и усиления влияния таких факторов с соответствующей трансформацией траектории движения социума в сторону углубления эффекта колеи. Дополнительными факторами негативного усиления «эффекта колеи» являются кризисы. В таких сценариях социально-экономические

системы все дальше отходят от траектории саморазвития, а происходящие изменения можно рассматривать как кризисную трансформацию траектории предшествующего развития. Они определяют появление нового состояния «эффекта деформированной колеи» — еще более проблемного, так как в дополнение к факторам и условиям, предопределившим прежний этап «колеи развития», добавляются новые.

При этом множество факторов, предопределяющих трансформацию траектории социально-экономического развития, достаточно разнообразно. Среди них следует выделить прежде всего существенные структурные изменения в состоянии мировой и национальной экономики как последствия глобального финансово-экономического и структурного кризиса [15].

Финансовый аналитик А. Лосев так характеризует эти изменения: «Мы наблюдаем процессы слома мировой системы, рассыпается глобализация, разрушается текущая модель капитализма, разрушаются финансовые модели. Процесс, в который входит мир, опасен и сложно прогнозируемо, что будет с мировой экономикой»¹.

Совокупность неоднозначных условий, подразумевающих качественные изменения макроэкономической конъюнктуры после мирового финансового кризиса 2008 г., принято обозначать «новой нормальностью» [19]. На региональном уровне в таких условиях в России отмечено нарастание региональной дифференциации и ряд других последствий [1]. Сочетание факторов «эффекта колеи» и «новой нормальности», которое оказывает влияние на изменение текущей траектории развития, очень велико и в каждом конкретном случае уникально.

Эффект «местной колеи» в Челябинской области во многом обусловил возникновение локального регионального кризиса с очевидными изменениями в динамике основных показателей [6]. Последующий этап низкого экономического роста с колебаниями показателей около нуля, указывает на заметную трансформацию траектории регионального развития. Для области это означает проявление именно «эффекта деформированной колеи» и обусловленное данным фактором *изменение условий дальнейшего развития*.

Отличительными признаками проявления в регионе «эффекта колеи» является длительное отсутствие необходимых мер по

¹ Китайский карантин как повод для принятия Путинской конституции // Аргументы недели. 2020. № 4 (698).

корректировке социально-экономической политики. Существенных управленческих усилий по преодолению последствий локального кризиса 2015 г. не отмечено. При некоторых «косметических» преобразованиях подобная временная и поверхностная стабилизация может устраивать местные элиты по целому ряду обстоятельств. Однако это еще больше ограничивает перспективы саморазвития региона и выхода его экономики на траекторию роста, открывающего возможность постепенного ухода от решающего негативного влияния «эффекта колеи».

Изменения, наблюдаемые в условиях «эффекта деформированной колеи», прежде всего отражаются на весьма динамичной и быстро улавливающей макроэкономические перемены в сфере денежного обращения, а также в сфере управления экономикой региона, что приводит к возникновению консенсусной стагнации. Когда речь идет о финансовой сфере, то в ней возникают существенные перемены в региональном денежном обороте, связанные с устойчивым оттоком капитала из реальной экономики. В сфере управления экономикой наблюдаются взаимосвязанные процессы деформации институциональной среды и появления нового состояния коррупции.

Наблюдаемые изменения в указанных направлениях являются очевидными индикаторами негативной трансформации сценария текущего развития региона, причем конкретно для Челябинской области, — скорее всего, в сторону углубления доставшейся «колеи», а не выхода из нее.

Отражение изменений траектории развития в динамике денежного оборота региона: методические и информационные вопросы

В общем случае исследование трансформации траектории унаследованного развития связано с появлением новых «вторичных» процессов, сложившихся в результате действия «эффекта колеи» и продолжающих влиять на основные параметры развития региона. Изменения, наблюдаемые при любых сценариях развития, в первую очередь отражаются в сфере денежного обращения. В проблемных условиях кризисных структурных изменений динамика денежного оборота региона становится одним из наиболее чувствительных индикаторов, свидетельствующих о появлении

негативных социально-экономических процессов и явлений, то есть последствий уже «эффекта деформированной колеи». Задачи анализа несколько усложняются здесь из-за одновременно влияния как факторов, обусловивших собственно «эффект колеи», так и факторов нестабильности отраслевой конъюнктуры. Центральным моментом становится исследование *сбалансированности региональной денежной динамики*, связанной с состоянием как реальной экономики, так и финансовой сферы.

Признаки дисбаланса между сферой финансов, и реальной экономикой, обусловленные ситуацией возникшего в Челябинской области локального кризиса все более очевидны. Дисбаланс, с одной стороны является следствием «эффекта колеи» и региональных кризисных процессов, а с другой стороны становится причиной и фактором их дальнейшего разрастания.

Следует подчеркнуть, что в сложившейся в России практике регионального менеджмента анализ вопросов управления процессом сбалансированности региональных денежных потоков часто уходит на второй план. Эта проблематика традиционно относится к уровню национальной экономики и обычно связаны с текущими задачами формирования государственного бюджета [12].

На региональном уровне, переходя из сферы реальной экономики в финансовую сферу, в том числе банковскую деятельность, мы будем сталкиваться с проблемами и трудностями получения достоверной статистической информации [21]. В официальных аналитических отчетах масштабы и движение региональных денежных потоков обычно не рассматриваются, что существенно ограничивает возможности мониторинга регионального экономического развития [10]. Вместе с тем признаки неэффективности формирования региональных денежных потоков выявлены и изучены во многих регионах, включая и Челябинскую область [8].

К ним относятся такие важные моменты, как *разворот в динамике трендов и растущий размер диспропорций*, которые являются заметными и определяющими характеристиками наблюдаемых процессов даже в условиях анализа ограниченного объема соответствующей информации. Здесь оценка несбалансированности процессов в реальной экономике и финансовой сфере региона становится естественным продолжением анализа неоднородности динамики развития региональной экономики.

Информационно-функциональный компромисс и оценки оттока капитала из реальной экономики региона

Анализ региональных дисбалансов, прежде всего, связан с оценкой динамики и размера сформировавшихся диспропорций. В нашем случае речь идет о разрастании негативного влияния «эффекта колеи» и усилении противоречий, тормозящих развитие Челябинской области на протяжении ряда последних лет. В некоторых исследованиях уже указывалось на факт существенной неравномерности финансовой динамики в регионе [4; 5].

На региональном уровне отток капитала прежде всего отражается в *существенном разрыве между суммарным объемом финансовых ресурсов, отражаемых на счетах предприятий (организаций) и объеме денежной массы, поступившей в оборот реальной экономики региона*. Подобный разрыв приводит к несбалансированности между сформировавшимися инвестиционными возможностями предприятий и организаций и их заметно меньшими фактическими вложениями в реальную экономику. В общем случае анализ денежных потоков связан с оценкой сложившегося сальдо денежных средств.

По нашему мнению, ключевыми моментами анализа денежных потоков и оттока капитала становится рассмотрение:

- изменения основных объемных показателей регионального денежного оборота (структурные изменения);
- характера трендов денежного оборота;
- размера диспропорций, связанных с оттоком денежной массы из реальной экономики региона

Результаты анализа ключевых проблем динамики региональных денежных потоков Челябинской области (по данным Росстата за период с 2014 по 2019 г.) представлены ниже в формате аналитико-графических материалов с соответствующими оценками и уточнениями.

Масштабы и особенности проблемы оттока капитала из реальной экономики региона

Структурные изменения регионального денежного оборота при росте сверхдоходов

Основная особенность изменения регионального денежного оборота в Челябинской

области в условиях структурных перемен и «новой нормальности» связана с непропорционально высоким ростом финансовых результатов, получаемом отдельными крупными субъектами бизнеса, то есть с появлением у них *сверхдоходов*. Такой рост обусловлен прежде всего ситуативным скачком цен на мировых рынках на продукцию металлургии — ведущей и доминирующей отрасли в структуре экономики региона.

Однако, вопреки естественному ожиданию последующего существенного роста финансовых показателей по всем составляющим, структурные изменения регионального денежного оборота такую картину не демонстрируют. Резкий рост доходов бизнеса и более умеренный рост доходов бюджета происходят в Челябинской области на фоне спада с 2014 г. всех ключевых показателей социально-экономического развития (рис. 1).

В представленной диаграмме (рис. 1) следует обратить внимание на важные региональные особенности процесса оттока капитала. В условиях кризисной нестабильности, высокая финансовая результативность деятельности отдельных бизнес-групп может положительно влиять на финансовую ситуацию в регионе. В Челябинской области это прежде всего предприятия со сверхдоходами из «списка Беловусова» [9], крупнейшие металлургические компании Урала.

Рост доходов региональных бизнес-структур (во многом за счет сверхдоходов ограниченного числа региональных компаний) в какой-то степени увеличивает доходы регионального бюджета, но не приводит к росту денежного обращения и потребления в регионе. Наоборот, наблюдается отток финансового капитала, а это, как правило, прибыль бизнес-структур из сектора реальной экономики. Подобное противоречие, порождаемое масштабным выводом капитала, более характерно для территорий с *колонизальным* сценарием социально-экономического развития.

К тому же наличие сверхдоходов у отдельных бизнес-структур создает обманчивую статистическую картину относительно экономического благополучия региона. Сверхдоходы крупного бизнеса формируют предпосылки для обеспечения *временной региональной финансовой стабильности* (преимущественно в бюджетной сфере, за счет роста налоговых поступлений), однако не находят последующего отражения в росте реальной экономики и доходов населения, где динамика остается негативной.

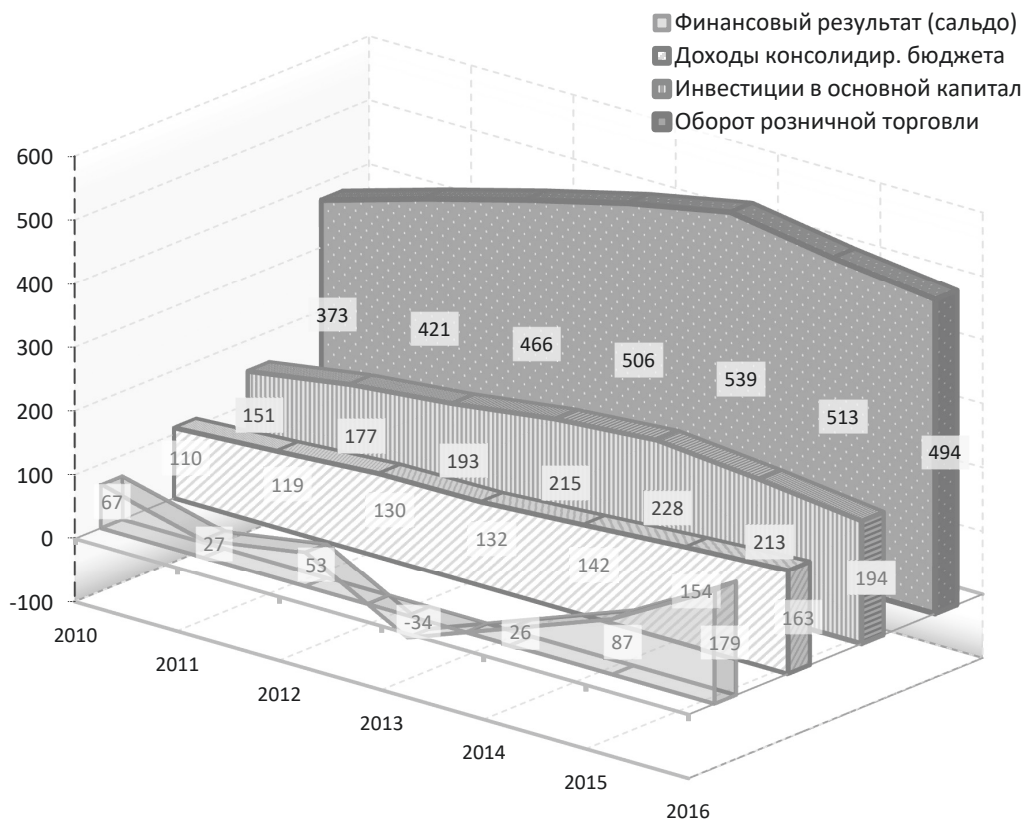

Рис. 1. Показатели динамики денежного оборота Челябинской области (в млрд рублей), в том числе:

- финансовый результат бизнеса (сальдо);
- доходы консолидированного бюджета;
- инвестиции;
- оборот розничной торговли

Следует отметить, что производительные расходы в целом имеют большой и позитивный мультипликативный эффект на показатели ВВП и ВРП, чем непроизводительные [11]. Это правило полностью относится к расходам бюджета. Однако в кризисных условиях из-за сохранения в неприкосновенности социальных приоритетов бюджетные производительные расходы сокращаются в первую очередь. Поэтому рост доходов регионального бюджета малорезультативен с точки зрения обеспечения выхода экономики Челябинской области из кризисной траектории.

Изменения денежных потоков за 2014—2018 гг. (рис. 2) отражают противоречия тенденций денежного оборота и свидетельствуют о возникновении ситуации *стагнации* в экономике региона.

При подобной разнонаправленности трендов очевидны следующие тенденции:

- рост финансовых результатов организаций и доходов областного консолидированного бюджета;

- сокращение инвестиций в реальную экономику и объёмов денежного оборота розничной торговли региона.

Из приведённых данных о показателях денежного оборота Челябинской области хорошо видна также резкая смена трендов их динамики в 2014 г. Динамика ключевых показателей денежного оборота, предшествующая 2014 г. (рис. 3) и последующая (рис. 4) принципиально различаются.

После точки смены трендов в 2014 г. при возникновении роста финансовых результатов бизнес-структур динамика стабильного роста показателей реальной экономики (объём инвестиций, объём розничного товарооборота) меняется на неоднородную динамику спада и ограниченного восстановительного роста.

Наблюдаемый рост доходов бизнеса (сверхдоходов) и бюджета не находит отражения в увеличении размера инвестиций и объёма товарооборота. В то же время их рост — это необходимое условие для

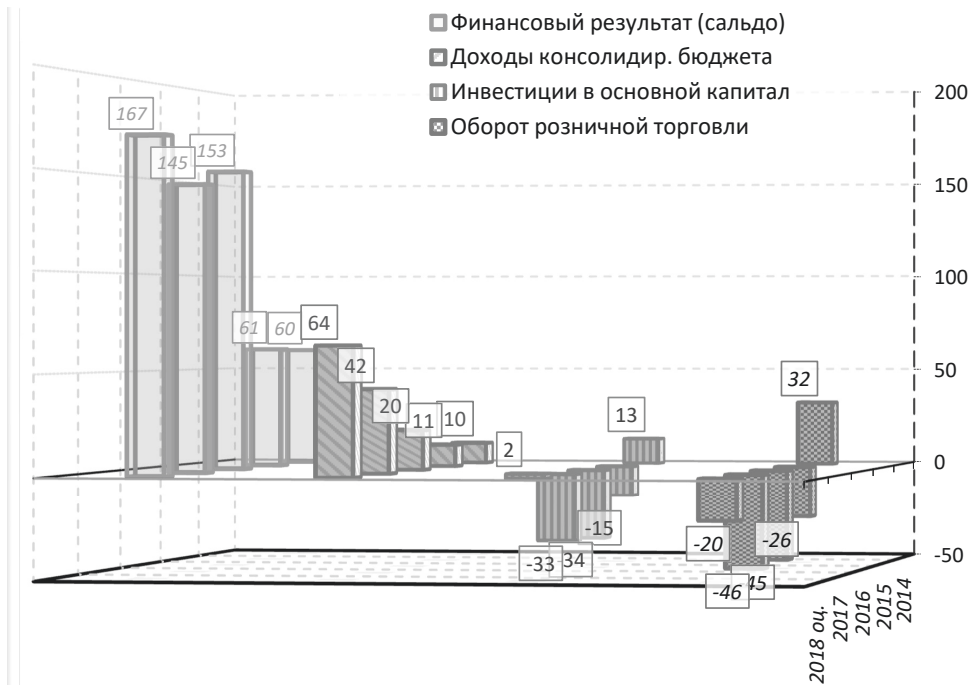

Рис. 2. Разнонаправленность прироста (спада) значений финансово-экономических показателей денежного оборота Челябинской области с 2014 года (в млрд рублей, от уровня 2013 г.)

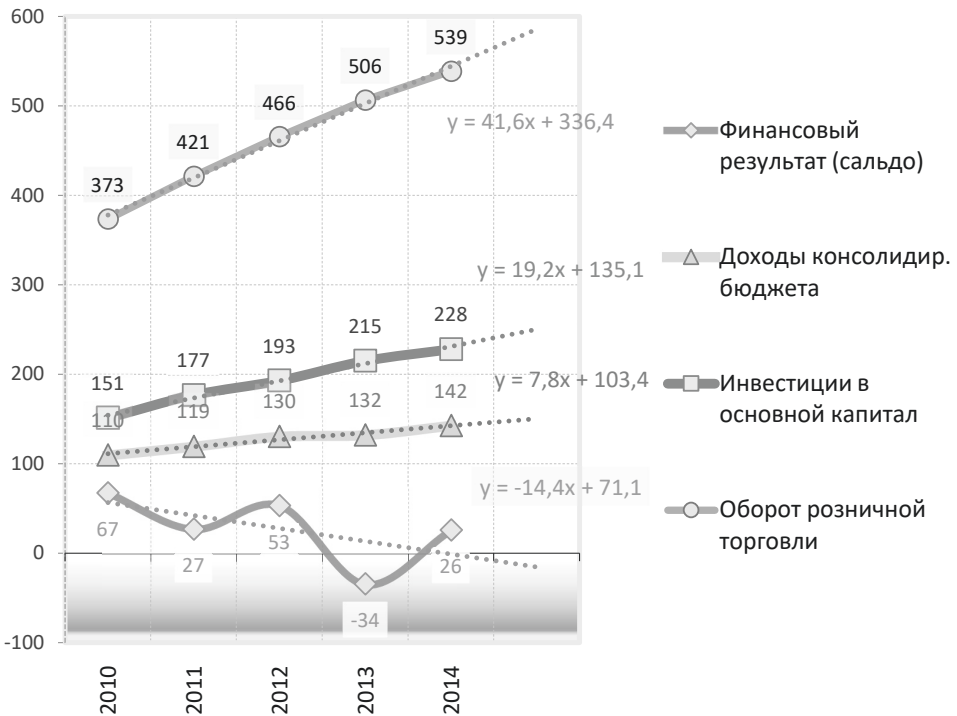

Рис. 3. Динамика показателей денежного оборота Челябинской области до смены трендов 2014 г. (2010—2014 гг., в млрд рублей в действующих ценах)

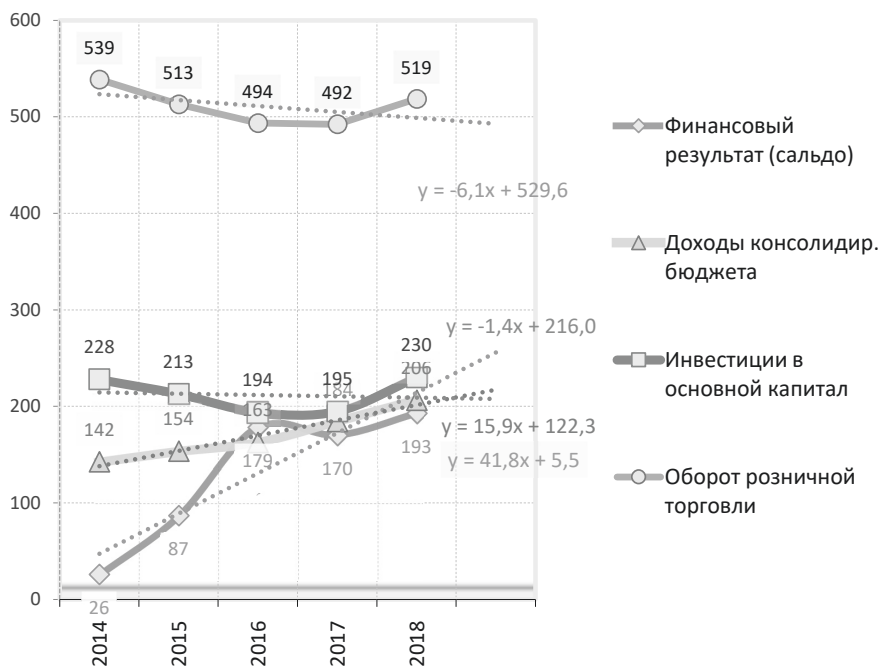

Рис. 4. Динамика показателей денежного оборота Челябинской области после смены трендов 2014 г. (2010—2014 гг., в млрд рублей в действующих ценах)

обеспечения устойчивого развития региональной экономики и социума.

Существенные объемы, резкая смена («перелом») трендов и очевидная несбалансированность рассмотренных показателей свидетельствуют о устойчивом бегстве капитала из реальной экономики Челябинской области. Становление и укрепление этой негативной динамики усугубляет ситуацию для перспектив регионального социально-экономического развития.

Оценки масштабов оттока денежной массы из реальной экономики региона

Оценки оттока объема денежной массы из реальной экономики региона связаны с поэтапной процедурой анализа неоднородных составляющих регионального денежного оборота. В общем объеме оттока капитала можно выделить две составляющие, характеризующие как реальные потери, так и упущенную выгоду:

- Первая составляющая — потери от оттока потенциальных инвестиций (упущенная выгода перспектив развития).
- Вторая составляющая — потери от сокращения денежной массы в тор-

говом обороте (реальные потери домохозяйств и текущего реального благосостояния граждан).

Результаты оценки оттока денежной массы для Челябинской области по годам (2014—2018 гг.) представлены ниже (рис. 5), и выглядят они крайне негативно. Отставание фактического объема денежной массы, фиксируемой в реальной экономике Челябинской области от потенциально возможной величины весьма существенное.

Сальдо показателей природы денежной массы (рис. 6) указывает на ежегодный объем её потерь регионом в размере от 150 до 250 млрд руб. Оценка суммарного объема потерь за 2014—2018 гг. составляет около 900 млрд руб. (рис. 6).

Столь существенные масштабы оттока денежной массы характеризуют одно из ключевых противоречий регионального развития: сокращение инвестиций в реальную экономику и сжатие региональных рынков потребления в условиях роста сверхдоходов бизнес-структур.

Рассмотренные изменения динамики денежного оборота являются очевидным следствием негативного влияния «эффекта местной колее» и усиления деформации институциональной среды в регионе, произошедшей в последнее десятилетие.

Рис. 5. Оценки объема оттока денежной массы из реальной экономики региона по составляющим, по годам (2014—2018 гг., в млрд рублей)

Наблюдаемые изменения заметно ухудшат возможные перспективы роста региональной экономики. Вместе с тем сам факт того, что экономика региона способна генерировать избыточные финансовые ресурсы, потенциально является его важным конкурентным преимуществом, которое может быть реализовано в рамках масштабных институциональных преобразований.

Институциональные факторы трансформации «эффекта колени»: неэффективность управления и коррупция

Предпосылки и особенности институциональной деформации регионального развития

Для патримониальной и во многом местнической социально-экономической политики, сформировавшейся в системе управления Челябинской области два десятилетия назад, были характерны сильные элементы изоляционизма и ограниченное избирательное использование рыночных механизмов. Доминирование субъективных предпочтений руководства доступной власти определяло приоритеты доступа к ресурсам региона по принципу «все для своих», что неизбежно отразилось на деформации региональных рынков, прежде всего труда и капитала. Это, в свою очередь, предподре-

делило структурные изменения в экономике региона и социальной сфере.

Параллельно с уже отмеченным отставанием социально-экономического развития от общероссийских показателей, происходила деформация институциональной среды и накопление проблем, порождаемых неэффективным «ручным» управлением. Всё это затронуло структуру и деятельность органов власти, принимаемые нормативные акты, кадровые решения и сформировало ущербную практику управления регионом, привело к заметной деформации региональных экономических и управленческих институтов.

Среди них монополизация наиболее доходных сфер бизнеса, неоднозначные предпочтения и косвенная господдержка «избранных» компаний, экономически необоснованные и затратные бюджетные проекты, непрозрачность кадровых и управленческих решений, деградация системы местного самоуправления, снижение уровня доверия к региональной власти со стороны бизнес-сообщества и населения, ограничение рыночных форматов деятельности бизнеса в угоду квазигосударственным. Среди последних особенно заметна роль и неэффективность унитарных, муниципальных и казенных предприятий, а также многочисленных учреждаемых региональными и муниципальными органами власти фондов, которые неоднократно подвергаются бан-

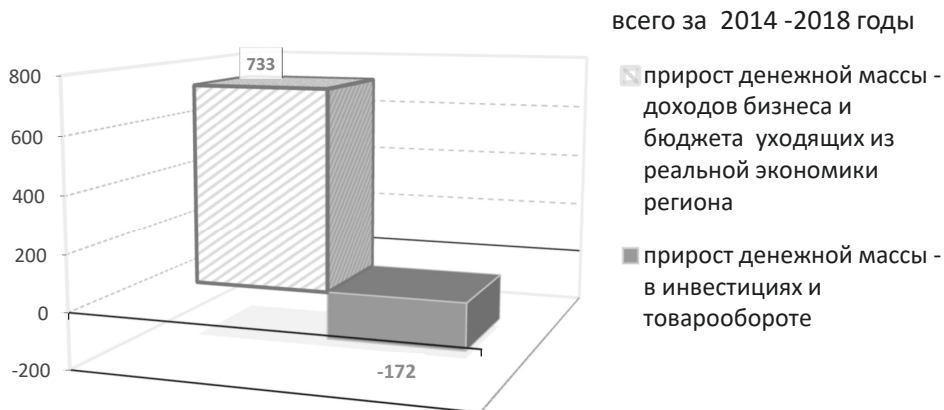

Рис. 6. Суммарная оценка оттока денежной массы из реальной экономики региона по составляющим, всего за 2014—2018 гг., в млрд рублей

кротству со столь же неэффективной последующей реорганизацией.

Подобный сценарий институциональной деформации способствовал сосредоточению ресурсов (бюджетных, административных, информационных и политических) в руках ограниченного круга представителей административно-коммерческих кланов, как некоего замкнутого регионального правящего квазисословия. Отмеченная институциональная деградация в условиях резкого прироста региональных доходов создала предпосылки к их концентрации и распределению в интересах аффилированного с представителями власти бизнеса и далее, к массивному выводу их из региона. Это привело к снижению эффективности экономики и качества жизни населения, что является одним из важных и пока еще малоизученных аспектов трансформации эффекта региональной «колеи стагнации».

Деформация региональной институциональной среды под влиянием фактора коррупции

Подобная деформация институциональной среды находит свое отражение на региональном уровне в тесно связанных проблемах неэффективности управления и коррупции. В Челябинской области это проявилось не только в заметном торможении социально-экономического развития в 2014—2019 гг., но и в нарастании политической нестабильности, которая выразилась в досрочных отставках за последние пять лет двух губернаторов и трех глав региональной столицы — Челябинска. Кроме этого, наблюдалась череда резонансных антикоррупционных уголовных дел, расследований ФАС и

судебных процессов, а некоторые ранее высокопоставленные чиновники — фигуранты таких расследований — вынужденно покинули Россию. По предварительным подсчетам, в отношении должностных лиц региона со статусом от замминистра и главы города до губернатора и члена Совета Федерации, с 2014 по 2019 г. было возбуждено порядка 20 антикоррупционных уголовных дел. К этому можно было добавить большое число антимонопольных расследований и судебных исков в отношении органов власти.

Коррупция (далее рассматриваемая в широком смысле как использование ресурсов власти в личных и групповых корыстных интересах) стала в регионе значимым институциональным фактором, который крайне негативно сказывается на социальной ситуации и перспективах развития Челябинской области [16] и при этом активно эволюционирует.

Можно сказать, что коррупция в регионе за последние 15 лет трансформировалась из «рыночной» фазы, когда услуги чиновников покупались предпринимателями в целях развития своего бизнеса, получения по заниженной цене того или иного объекта собственности, для его последующей приватизации, в сетевую или консенсусную. В Челябинской области рыночная форма была отмечена более 20 лет назад масштабной деятельностью группы председателя Комитета по управлению имуществом, депутата Госдумы РФ В. Головлева, сформировавшейся в ходе процессов приватизации. Затем последовала стадия приватизации природных ресурсов области, которая была маркирована резонансным уголовным делом в отношении вице-губернатора В. Тимашова о злоупотреблениях при использовании сырьевой базы региона.

Для современной «сетевой», или консенсусной, коррупции характерно, как мы отмечали выше, формирование в рамках неопатримониальной модели власти и управления устойчивых и влиятельных местных кланов. Такие кланы формируются из чиновников, коммерсантов и различных обслуживающих эти группы специалистов — политических лоббистов, депутатов, «силовиков», политтехнологов, криминальных «авторитетов» и проч., между которыми нередки длительные дружеские и родственные отношения [20]. Подобные кланы прямо заинтересованы в формировании и закреплении системы «ограниченного доступа» к властным, экономическим и другим ресурсам общества (по Д. Норт: см. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгат Б. *Насилие и социальные порядки*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011), то есть системы, которая позволяет контролировать и присваивать соответствующие виды ренты.

Надо заметить, что развитию подобных тенденций способствует ряд спорных преобразований в системе самоуправления. В Челябинской области к ним следует отнести весьма сомнительную по социально-экономической результативности «реформу местного самоуправления», проведенную в 2014—2016 гг., связанную с отменой прямой выборности глав муниципалитетов во всей области и депутатов городской Думы в региональном центре — Челябинске. Ее особенностью стало искусственное создание в региональной столице дополнительного муниципального (районного) уровня представительной власти, лишённого реальных полномочий и ресурсов и выполняющего в основном функцию имитации принципа выборности депутатов и местного самоуправления. Политическими следствиями этой «реформы» стало усиление доминирования на неподконтрольном избирателям и, как оказалось, неконтролируемом в большой мере губернатором муниципальном уровне власти местных кланов, легко продвигающих представителей своей *клиентеллы* в районные Советы, из числа которых затем делегируются депутаты в городскую Думу. Главным содержанием *сетевой* формы развития коррупции становится уже не приватизация объектов собственности — индустрии, торговли или недвижимости, а передел и монополизация (с применением рычагов и ресурсов власти) ключевых рынков, а также косвенная «приватизация бюджетов»: организация различных «серых» форматов перевода бюджетных средств в частные, а также масштабное «освоение» денег населения через контроль и монополизацию базовых

сфер социальной сферы, регулируемых государством. Взамен «откупа» или выкупа отдельного чиновника сетевая коррупция предполагает его включенность в сложную сеть постоянных взаимных услуг, не всегда возмездных, но тех, которые «всегда концентрируются в точках принятия решений» [3]. Особенностью подобных экономических, коррупционных процессов становится перенаправление «бюджетных средств в отрасли, позволяющие получить долю ренты с расходов государства и населения (домовое и дорожное строительство и капитальный ремонт, ВПК, сомнительные мегапроекты), в расширение естественных монополий и номенклатуры коммунальных услуг, предъявляемых к оплате населению» [14].

Здесь следует отметить несколько моментов.

Во-первых, *искусственная монополизация перспективных рынков* бизнес-группами, аффилированными с высокопоставленными чиновниками в последнее десятилетие стала обычной управленческой практикой. Многочисленные ограничения и подавление конкуренции в рамках прямых и косвенных предпочтений местной и региональной власти отдельным коммерческим компаниям не раз приводили к резонансным конфликтам в сфере антимонопольного контроля.

В Челябинской области подобная монополизация особенно ярко проявилась в сфере дорожного ремонта и обращения с твердыми коммунальными отходами в период деятельности администрации губернатора Б. Дубровского. Эти рынки с оборотом в миллиарды рублей (по оценкам масштабов заключенных контрактов) были монополизированы коммерческими структурами с преобладанием бенефициаров за пределами региона, что упрощало вывод сверхдоходов и еще более усиливало проблему дисбаланса в денежном обращении региона. Именно итоги резонансного антимонопольного расследования действий регионального правительства в дорожном комплексе с выходом за границы антикоррупционного законодательства во многом обусловили отставку губернатора Б. Дубровского.

Во-вторых, *внеконкурентное распределение контрактов на тендерах с неоправданным укрупнением лотов при непрозрачных конкурсных процедурах* затрагивало распределение миллиардных бюджетных средств в регионе. Это касается различных социально значимых сфер (ремонт дорог и уборка снега, благоустройство, строительство и ремонт социальных объектов и сооружений, выделение бюджетных гарантий,

предоставление земельных участков под жилищное строительство, закупки общественного транспорта и др.), в которых также проводилось множество антикоррупционных расследований.

В-третьих, *продвижение властями области экономически и социальными необоснованных «мегапроектов» в качестве центральных элементов региональной экономической политики*, базирующихся на некорректных и слабо обоснованных оценках эффективности, однако активно лоббируемых чиновниками с целью освоения масштабных бюджетных средств также было управленческой нормой. Список таких проектов в регионе достаточно разнообразен. Это ТЛК «Южноуральский», проектирование ВСМ Челябинск — Екатеринбург, незавершенное строительство ряда помпезных сооружений к саммитам ШОС и БРИКС, невостребованные индустриально-инновационные парки и многое другое.

В-четвертых, *обширная имитационная поддержка местного бизнеса* посредством создания большой сети «околобюджетных» непрозрачных учреждений и фондов (во многом дублирующих функции региональной минэкономики) с весьма слабой и плохо учитываемой эффективностью «осваивающих» значительные бюджетные средства на «содействие предпринимательству» или «рост инвестиционной привлекательности региона». Рассмотренная на примере Челябинской области практика формирования искусственных местных монополий в «пограничной зоне» антимонопольного законодательства с последующим «ограничением доступа» к общественным ресурсам по различным направлениям является одним из ключевых моментов трансформации «эффекта колеи» в направлении стагнации. Подобные институциональные деформации неизбежно отражаются в структурных изменениях, связанных с оттоком капитала и сокращением инвестиций в реальную экономику. Фактически речь идет о двух сторонах одного социально-экономического процесса. Монополизация общественной и экономической жизни, деформация институциональной среды и рынков, коррупция, ухудшение качества управления и инвестиционного климата являются как предпосылками, так и результатами процессов оттока капитала и сокращения инвестиций в реальную экономику, а также важными факторами ухудшения перспектив развития региона, снижения здесь качества жизни населения и углубления «колеи» стагнации.

Перспективы выхода из «эффекта колеи»: институциональная модернизация и конкурентные преимущества региона

Институциональная модернизация и факторы доверия

Отмеченные выше проблемные моменты развития Челябинской области дополняются растущей неопределенностью дальнейших перспектив успешного развития региона. Стратегии регионального развития, условно называемые «2020» и «2035», представляют собой описание сценариев будущего, созданных преимущественно путём линейной экстраполяции базовых показателей предыдущего периода развития с многократным декларативным увеличением темпов роста, не имеющим под собой серьезного экономического обоснования и, по сути, не предполагающим каких-либо институциональных изменений условий, породивших возникновение ситуации стагнации.

Следует учитывать, что в перспективе темпы экономического развития все в большей степени будут определяться именно качеством и уровнем работы общественных и политических институтов. Прекращение оттока капитала и успех социально-экономических преобразований обусловлены сегодня восстановлением высокого уровня доверия к власти со стороны регионального гражданского и бизнес-сообщества. Вследствие описанной выше существенной деформации региональной институциональной среды, дефицит доверия населения к органам исполнительной и представительной власти стал системной проблемой Челябинской области [17]. Повышение степени доверия на фоне накопившихся противоречий становится первым и ключевым условием смены траектории регионального развития. Это невозможно осуществить без восстановления принципов и механизмов, касающихся деятельности органов местного самоуправления, а также открытости и конкурентности общественно-политического процесса, прозрачности всей системы регионального политического и экономического управления.

Внешние макрорегиональные факторы и конкурентные преимущества региона

Вместе с тем в условиях многолетнего и переживающего сегодня трансформацию в сторону дальнейшего углубления «эффекта

колеи» возможности быстрой и существенной смены траектории движения с отходом от стагнационных трендов и переходом к устойчивому саморазвитию весьма ограничены. Здесь определенную надежду на ускорение экономического развития региона дают внешние макрорегиональные факторы. Для Челябинской области такими являются конкурентные преимущества территорий Урала, связанные с новыми концепциями пространственного развития РФ [7; 13].

В первую очередь сюда относятся крупные инвестиционные и инфраструктурные проекты в формате развития макрорегионов, отвечающие интересам сразу нескольких субъектов РФ. Следует отметить также значение и перспективы общего для Урала тренда развития высокотехнологичного недропользования и металлургии, обозначенного нами как вектор «Демидов 2.0» [4]. Он характеризует переход традиционных для Урала технологических переделов на гораздо более высокий уровень эффективности и конкурентоспособности, способствует модернизации территориальной инфраструктуры и росту реальных доходов населения, постепенному экологическому оздоровлению почвы, воздушной среды и водных ресурсов. Также важны специфические факторы, какими для Челябинской области является расположение её на маршруте транспортных коридоров с перспективами расширения исторически сложившего трансграничного взаимодействия с северным Казахстаном.

Реализация данного направления связана с использованием уже наметившихся в территориях предпосылок экономического развития — региональных «точек роста», в том числе ТОСЭРов (ТОРов). Здесь особую роль приобретает использование потенциала крупнейших городов и формирование территориальных агломераций. Агломерационный эффект позволяет существенно сократить многие местные диспропорции развития. При этом создаются и расширяются современные институциональные условия для привлечения инвестиций и развития ГЧП, используется позитивный опыт развития инфраструктуры, имеющийся в ряде российских регионов [2].

По мере устранения ключевых противоречий регионального развития возможности преодоления стагнационного «эффекта деформированной колеи» будут возрастать. Длительность и многоэтапность реализации всей системы мер, необходимых для смены траектории развития региона, очевидны и требуют проведения дальнейших углуб-

лённых исследований. Однако как представленные, так и последующие результаты анализа могут быть полезны как для регионов Урала, так и для многих других крупных промышленных территорий, сталкивающихся со сложным феноменом действия «эффекта колеи».

1. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.

2. Борщевский Г. А. Создание институциональных условий для привлечения инвестиций в инфраструктуру: опыт российских регионов // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 134—157.

3. Глинкина С. П. Феномен коррупции: взгляд экономиста // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 3—17.

4. Гордеев С. С. Анализ условий роста финансового результата региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 11 (366). С. 48—55.

5. Гордеев С. С. Точки роста и новый тренд индустриального развития Урала // Социум и власть. 2017. № 5. С. 48—55.

6. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопргора А. В. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 1: «Эффект колеи» и локальный кризис в Челябинской области // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 84—97.

7. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135—145.

8. Зубкова О. В., Бутрин А. Г., Жилина Т. А., Маскайкин Е. П. Использование модели оценки денежных потоков для управления экономикой региона // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 98—112.

9. Изъять 500 млрд: где Белоусов нашел сверхдоходы на майские указы. URL: <https://www.rbc.ru/business/09/08/2018/5b6c5ee59a7947e3df0554a3> (дата обращения: 12.08.2019).

10. Кремлев Н. Д. Организация мониторинга устойчивого развития территорий // Журнал экономической теории. 2018. № 2. С. 224—232.

11. Кудрин А., Кнобель А. Бюджетная политика как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 5—26.

12. Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 5—27.

13. Кузнецова О. В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 146—157.

14. Мартыанов В. С. Двойные стандарты в определении коррупции как вызов общественному согласию // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики РФ в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием (26—27 октября 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2019. С. 24—51.

15. Мау В. А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017—2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 5—29.

16. Подопригора А. В. Доверие как ключевой ресурс социально-экономического развития информационного общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 11. С. 9—19.

17. Подопригора А. В. Эволюция голема: институт российской коррупции в условиях цифрового общества // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики РФ в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием (26—27 октября 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2019. С. 279—307.

18. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15. № 4. С. 633—642.

19. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 714—725.

20. Чирун С. Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики РФ в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием (26—27 октября 2018 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2019. С. 91—109.

21. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Постсоветское общество и российская макроэкономическая статистика // Мир России: социология, этнология. 2017. Т. 26. № 2. С. 62—81.

References

1. Barkhatov V.I., Pletnov D.A., Kapkayev Yu. Sh. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83. [in Rus].

2. Borshchevskiy G.A. (2019) *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 134—157. [in Rus].

3. Glinkina S.P. (2010) *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 4, pp. 3—17.

4. Gordeyev S.S. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11 (366), pp. 48—55. [in Rus].

5. Gordeyev S.S. (2017) *Sotsium i vlast'*, no. 5, pp. 48—55. [in Rus].

6. Gordeyev S.S., Zyryanov S.G., Podoprighora A.V. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 84—97. [in Rus].

7. Zubarevich N.V. (2019) *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 135—145. [in Rus].

8. Zubkova O.V., Butrin A.G., Zhilina T.A., Maskaykin Ye.P. (2019) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 98—112. [in Rus].

9. Iz"yat' 500 mlrd: gde Belousov nashel sverkhdokhody na mayskiye ukazy. Available at: <https://www.rbc.ru/business/09/08/2018/5b6c5ee59a7947e3df0554a3>, accessed 12.08.2019 [in Rus].

10. Kremlev N.D. (2018) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, no. 2, pp. 224—232. [in Rus].

11. Kudrin A., Knobel' A. (2017) *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 5—26. [in Rus].

12. Kudrin A., Sokolov I. (2017) *Voprosy ekonomiki*, no. 9, pp. 5—27. [in Rus].

13. Kuznetsova O.V. (2019) *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 146—157. [in Rus].

14. Mart'yanov V.S. (2019) *Aktual'nyye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki RF v oblasti protivodeystviya korruptsii*. Yekaterinburg, pp. 24—51. [in Rus].

15. Mau V.A. (2018) *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 5—29. [in Rus].

16. Podoprighora A.V. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11, pp. 9—19. [in Rus].

17. Podoprighora A.V. (2019) *Aktual'nyye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki RF v oblasti protivodeystviya korruptsii*. Yekaterinburg, pp. 279—307 [in Rus].

18. Rastvortseva S.N. (2018) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633—642. [in Rus].

19. Silin YA.P., Animitsa Ye.G., Novikova N.V. (2016) *Ekonomika regiona*, vol. 12, no. 3, pp. 714—725. [in Rus].

20. Chirun S.N. (2019) *Aktual'nyye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki RF v oblasti protivodeystviya korruptsii*. Yekaterinburg, pp. 91—109. [in Rus].

21. Khanin G.I., Fomin D.A. (2017) *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*, vol. 26, no. 2, pp. 62—81. [in Rus].

For citing: Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Podoprigora A.V. "Path dependence" in developing socio-economic space of the region. Part 2: crisis transformations of the "path dependence" and its consequences for the Chelyabinsk region // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (81). P. 30—43. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-30-43.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-30-43.

UDC 332.12

**"PATH DEPENDENCE"
IN DEVELOPING
SOCIO-ECONOMIC SPACE
OF THE REGION.
PART 2: CRISIS
TRANSFORMATIONS
OF THE "PATH DEPENDENCE"
AND ITS CONSEQUENCES
FOR THE CHELYABINSK
REGION**

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Laboratory
of Spatial Development Models,
Cand.Sc. (Economics),
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Professor of the Department Chair
of Political Science, History and Philosophy,
Doctor of Political Sciences, Professor,
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: director@rane74.ru

Aleksander V. Podoprigora,

Scientific-Educational Center, Institute
of Economics, Ural branch of the Russian
Academy of Sciences
and Chelyabinsk State University,
Senior researcher, Cand. Sc. (Political Sciences),
The Russian Federation, 454021,
Chelyabinsk, ulitsa Molodogvardeyev, 706.
E-mail: agora821@gmail.com

Abstract

In the framework of studying the nature and social consequences of the "path dependence" (sustainable factors, trends and paradigms that have determined the region's development for a long time), using the technologies of analysis and visualization of spatial development, the authors consider the influence of the institutional, financial and managerial crisis on the prospects for overcoming the formed negative trends - the current "path dependence" of the Chelyabinsk region's development.

The analysis makes it possible for the authors to assess the socio-economic situation that has developed over the past decade as stagnation in the region's self-development, associated with an imbalance in money turnover and an active capital outflow from the real economy.

The authors study and reveal close interconnection between crisis phenomena in the economy and the systemic deformation of the region's institutional environment.

One of the reasons for the regional crisis and the formation of a "stagnation rut" is corruption, which over the past decade has become an important institutional factor determining the monopolization of the economy, the erosion of political institutions, the decline in governance and the decline in public and business confidence in government. The authors present a model of the regional corruption evolution from the "market" to the "consensus" (network) form.

According to the results of the analysis, the authors propose a number of assessments and solutions that make it possible to overcome the stagnation "rut" through improving and modernizing the institutional environment, the regional management system, as well as more efficient use of the region's historically developed competitive advantages.

Key concepts:

region,
stagnation,
crisis,
management,
analysis,
visualization,
capital outflow,
institutional environment,
modernization,
corruption.

Для цитирования: Абдурахимов Ю. В., Иванов О. П. Выбор отраслевых приоритетов перехода старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири к экономике неоиндустриального типа: на примере Челябинской области (Часть 2) // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 44—58. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-44-58.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-44-58

УДК 332.12

ВЫБОР ОТРАСЛЕВЫХ ПРИОРИТЕТОВ ПЕРЕХОДА СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К ЭКОНОМИКЕ НЕОИНДУСТРИАЛЬНОГО ТИПА: НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (ЧАСТЬ 2)

Абдурахимов Юрий Васильевич

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, профессор, доктор экономических наук, Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26. E-mail: uralmrator@inbox.ru

Иванов Олег Петрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, старший научный сотрудник, кандидат технических наук, Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26. E-mail: oliva77@yandex.ru

Аннотация:

Введение. Вопросы трансформации экономики старопромышленных регионов России имеют и будут сохранять высокий уровень актуальности на протяжении еще длительного времени. Во многом это связано с объективным действием мощного фактора — накопленной за многие десятилетия технологической инерционности, а также реально существующей ограниченностью ресурсов для ее преодоления. Еще одним важным фактором является необходимость осуществления перехода экономики на новые технологии без снижения качества жизни населения в процессе перестройки, в частности уровня занятости и доходов. Поиск и анализ возможных вариантов трансформации экономик старопромышленных регионов России от индустриального к постиндустриальному типу в настоящее время является несколько сложной, настолько и актуальной задачей.

Челябинская область в полной мере может быть отнесена к числу старопромышленных регионов России. В настоящее время экономика этого региона испытывает серьезные затруднения в своем развитии. В данной статье рассмотрена одна из возможных траекторий развития региона, ориентированная на поэтапный переход от экономики индустриального типа к неоиндустриальному типу, являющемуся промежуточным на пути к экономике постиндустриального типа.

Цель исследования. Провести научно-методическое обоснование выбора приоритетных отраслевых направлений для осуществления в кратко- и среднесрочной перспективе перехода регионов Урала и Западной Сибири на примере Челябинской области от экономики индустриального типа к экономике неоиндустриального типа с последующим переходом к постиндустриальной экономике.

Методы. Базовой методологией исследования является системный подход в решении задач управления развитием сложных систем. В решении конкретных задач использованы научные методы обобщения, группировки, сравнительного анализа и классификации результатов деятельности крупных предприятий Челябинской области. По результатам анализа литературных источников в основу исследования заложена концепция формирования экономики неоиндустриального типа как промежуточного этапа в переходе старопромышленных регионов к экономике постиндустриального типа. Исследование выполнено с использованием официальных статистических данных по крупнейшим предприятиям Урала и Западной Сибири в период с 2011 по 2017 г.

Научная новизна исследования. По результатам анализа деятельности крупных предприятий Челябинской области, определяющих структуру региональной экономики, впервые выполнена классификация отраслей по критериям: объем реализации продукции и рост объемов реализации продукции. Выявлены четыре группы отраслей, имеющих различный уровень значимости с точки зрения перспектив развития региональной экономики и успешного ее перехода к неоиндустриальному типу. Определена группа приоритетных отраслей, акцентированное развитие которых может дать максимальный полезный результат в кратко- и среднесрочной перспективе, не обостряя при этом в переходный период ситуацию в социальной сфере.

Результаты. В условиях дефицита финансовых ресурсов результаты исследования позволяют формировать рациональные стратегии развития региона, концентрируя имеющиеся ресурсы на приоритетных отраслевых направлениях. Предложенный подход к решению такого рода задач позволяет в любой момент на основе данных Государственного комитета по статистике выполнить актуализацию отраслевой структуры и внести коррективы в формирование приоритетов отраслевого развития.

Выводы. Представленные в статье результаты исследования могут быть использованы как практический инструмент решения целого ряда прикладных задач управления развитием экономики Челябинской области, а также для более глубокого исследования специфики и приоритетов развития отраслевой структуры старопромышленных регионов в последующие периоды.

Ключевые понятия:

старопромышленные регионы, кризис, трансформация экономики, неоиндустриализация, крупные предприятия, региональная экономика, отраслевая структура, матрица «доля в суммарном объеме реализации — прирост объемов реализации», классификация отраслей, отраслевые приоритеты, драйверы экономического развития.

Введение

Группировка крупных предприятий старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири с годовым объемом реализации продукции не менее 3,169 млрд руб. по отраслям, выполненная по итогам их деятельности в период с 2011 по 2017 г. и представленная в первой части исследования [3], позволяет сформировать методику оценки и выбора отраслевых приоритетов при переходе регионов к экономике неоиндустриального типа. Эта часть исследования выполнена на примере Челябинской области, экономика которой, как и многих других старопромышленных регионов, в настоящее время испытывает серьезные затруднения в своем развитии [7—10]. В качестве драйверов перехода региональной экономики от индустриального к неоиндустриальному типу¹ рассмотрены крупные предприятия в [18; 20].

В условиях дефицита инвестиционных ресурсов предлагается использовать тактику пошаговой трансформации экономики старопромышленных регионов от индустриального к постиндустриальному типу с промежуточным формированием экономики неоиндустриального типа. Возникающий в данном случае рост продолжительности переходного периода к конечной цели — постиндустриальной экономике — компенсируется снижением вероятности и масштабов возможного появления в этот период социальных проблем, в частности снижения уровня занятости и падения реальных доходов населения.

Экономика практически каждого старопромышленного региона имеет общую особенность — она, как правило, базируется

¹ В контексте данной статьи авторы используют следующие определения основных типов экономики:

Индустриальная экономика — стадия развития экономики, при которой в производстве материальных благ первенство принадлежит добыче природных ресурсов и промышленности на основе 3 и 4-го технологических укладов.

Неоиндустриальная экономика — переходная стадия развития экономики между индустриальным и постиндустриальным типами, для которой характерно развитие материального производства и производства нематериальных услуг с использованием возможностей 5-го технологического уклада. Постиндустриальная экономика — стадия развития экономики, при которой научно-техническая революция позволила осуществить переход от производства товаров и услуг на основе 3 и 4-го технологических укладов к разработке и производству новых товаров, технологий и услуг на основе 5 и 6-го технологических укладов.

на устаревших технологиях и требует для дальнейшего роста внесения существенных структурно-технологических изменений. Речь идет о ее соответствии не только современным технологическим возможностям, но и доминирующим в настоящее время принципам управления. В то же время экономика каждого из таких регионов имеет свою специфику как по объемам производства и реализации продукции крупными предприятиями, так и по ее отраслевой структуре и предыстории формирования. Все это на протяжении длительного времени формировало специфические связи, производственно-технологические, коммерческие и иные деловые отношения предприятий региональной экономики как между собой, так и с предприятиями других регионов и зарубежных стран. Таким образом, для выбора приоритетных отраслевых направлений развития каждого старопромышленного региона может быть использован некоторый концептуально общий подход. Но при этом для каждого из них необходимо выполнить собственное исследование конкретной специфики с учетом реально существующих особенностей и обстоятельств. В данном исследовании на основе результатов отраслевого анализа [3] статистических данных [1; 17] деятельности крупных предприятий Челябинской области представлена методика и практические рекомендации, позволяющие лицам, принимающим решения, осуществить выбор конкретных приоритетных направлений развития региональной экономики на пути от индустриального к неоиндустриальному типу — первому шагу в создании экономики постиндустриального типа.

Рейтинг отраслей по объемам реализации продукции крупными предприятиями и его приросту в период с 2011 по 2017 г.

В табл. 1 представлены данные 2011, 2014 и 2017 г. по объему реализации продукции крупнейшими предприятиями Челябинской области и его приросту в отраслевом разрезе. Наибольшие показатели выручки в денежном выражении по всему рассматриваемому периоду дали предприятия черной металлургии, что для Челябинской области является очевидным и вполне ожидаемым фактом. В 2017 г. выручка этих предприятий составила 905 млрд руб. или 64,26 % от общего объема реализации продукции всех крупных предприятий по всем

Таблица 1

Объем реализации продукции предприятий Челябинской области, входящих в рейтинг ТОП-400 [3], [1], [17]

Объем реализации в млрд руб.						
Отрасль	2011	2014	2017	Прирост 2011—2017, %	2017, доля в общем объеме, %	2011—2017, среднегодовой прирост, %
Банки	7,6	9,7	15,6	105,3	1,11	17,5
ЖКХ	3	12,8	13,9	363,3	0,99	60,6
Машиностроение	47,2	45	71,8	52,1	5,10	8,7
Наука	8,4	11,5	18,3	117,9	1,30	19,6
Оптовая торговля	14,9	10,6	22,4	50,3	1,59	8,4
Пищевая промышленность	48,3	69,8	112,4	132,7	7,98	22,1
Производство строительных материалов	3,4	5,4	4,1	20,6	0,29	3,4
Розничная торговля	33,3	52	48,5	45,7	3,44	7,6
Строительство	14,1	15	28	98,6	1,99	16,4
Цветная металлургия	23,4	28	55,6	137,6	3,95	22,9
Черная металлургия	620,9	654,5	905	45,8	64,26	7,6
Электроэнергетика	32,1	50,7	112,7	251,1	8,00	41,8
Всего	856,6	965	1408,3	64,4	100,00	10,7

отраслям. Сам по себе этот факт уже говорит о выраженном одностороннем, монопрофильном развитии экономики региона и вытекающих из этого факта рисках. Прежде всего рисках, вызванных растущей волатильностью российского и мирового рынков металла [5], сопровождаемой длительными периодами неблагоприятной конъюнктуры. Все это в конечном счете может оказать отрицательное влияние не только на экономику региона, но и на его социальную сферу, снижая уровень благосостояния населения.

О высокой вероятности развития негативной ситуации на рынке металлов говорят многие эксперты. В частности, аналитики известного рейтингового агентства АКРА предупреждают о снижении цен на сталь [5]: «Цены на сталь в России в ближайшие пять лет, то есть до 2022 г., будут снижаться». Эксперты объясняют формирование такой тенденции избытком предложения на рынке стального проката, а также ожидаемым падением цен на сырье для его производства — железную руду и уголь. Аналогичными будут и мировые тренды. «Рост загрузки мировых сталелитейных мощностей на фоне удешевления сырьевых товаров постепенно снизит цены на стальной прокат» [5].

Вторую позицию по объемам реализации продукции в отраслевой структуре крупных предприятий Челябинской области практически вровень занимают две отрасли: электроэнергетика — 112,7 млрд руб. и пищевая промышленность — 112,4 млрд руб. В совокупности эти первые три отрасли формируют около 85 % всего объема реализации продукции крупными предприятиями, в которых 64,26 % составляет вклад черной металлургии. На следующей, четвертой позиции находится машиностроение с объемом реализации 71,8 млрд руб., опередившее цветную металлургию — 55,6 млрд руб.

Следует подчеркнуть, что крупные предприятия электроэнергетики, пищевой промышленности и цветной металлургии имеют не только большие объемы реализации продукции, но также и наиболее высокие темпы прироста этого показателя. В период с 2011 по 2017 г. для этих отраслей он составил от 132 до 251 %, тогда как в этот же период крупные предприятия черной металлургии и машиностроения имели более низкий прирост объемов реализации продукции, соответственно, 45,8 и 52,1 %.

Что касается выручки крупных предприятий в отраслях банковской деятельности, научных исследований и опытно-конструкторских разработок, а также услуг ЖКХ, то в каждой из них объем реализации продукции находится в пределах от 13 до 19 млрд руб. В совокупности эти отрасли дают лишь 3,4 % совокупного объема реализации продукции, что вполне определенно говорит о реально низком в настоящее время потенциале региона для быстрого перехода к экономике постиндустриального типа, где эти отрасли играют важную роль.

Оптовая торговля в 2017 г. показала выручку в размере 22,4 млрд руб., а розничная — 48,5 млрд рублей. Такое соотношение

выручки предприятий розничной и оптовой торговли показывает, что более половины продаваемых в розницу товаров поступает в магазины Челябинской области от оптовых продавцов других регионов. Это также говорит об относительно низком уровне производства в регионе товаров народного потребления, в том числе и не требующих для производства высоких технологий.

Таким образом, экономика Челябинской области в настоящее время сохраняет сильную зависимость от результатов работы предприятий лидирующей, традиционной отрасли — черной металлургии — и не имеет достаточного потенциала для быстрого перехода к экономике постиндустриального типа. Говоря о черной металлургии, следует подчеркнуть, что прирост в этой отрасли по объему реализации продукции в период с 2011 по 2017 г. составил лишь 45,8 %, а среднегодовой прирост — 7,6 %.

С учетом прогнозов экспертов [20] и существующих неблагоприятных трендов мирового рынка этот факт вызывает очень серьезные опасения относительно не только успешного роста, но и вообще благополучного будущего столь односторонне развитой экономики, а следовательно, и социальной сферы Челябинской области. В группе пяти лидирующих по объемам реализации продукции отраслей более заметные темпы среднегодового прироста показывают крупные предприятия электроэнергетики — среднегодовой прирост 41,8 %, а также цветной металлургии — 22,9 % и пищевой промышленности — 22,1 %. По реализации продукции темпы роста этих предприятий в 3—5 раз выше темпов роста в черной металлургии.

По всей совокупности отраслей в период с 2011 по 2017 г. лидером по среднегодовому приросту объема реализации продукции в категории крупных предприятий является ЖКХ — 60,6 %, где вполне отчетливо просматривается ситуация монопольного рынка, а аутсайдером — производство строительных материалов — 3,4 %.

Столь высокий среднегодовой прирост объема реализации крупных предприятий ЖКХ также может быть объяснен низким значением этого показателя в начальный момент рассматриваемого периода. С другой стороны, в этот период в регионе осуществлялись заметные реформы в организации и деятельности предприятий ЖКХ, причем, как отмечают многие эксперты, значительно выросла стоимость услуг предприятий данной отрасли, причем темпы роста стоимости услуг превышали уровень инфля-

ции. Этот факт не остался незамеченным и населением Челябинской области.

Средний по крупным предприятиям экономики Челябинской области среднегодовой прирост достаточно высок и составляет 10,7 %, при этом 7 отраслей имеют более высокие, а 5 отраслей — более низкие темпы роста. Значение медианы для этого показателя находится в диапазоне между 16,4 и 17,5 %.

Данные табл. 1 позволяют для крупных предприятий основных отраслей экономики Челябинской области построить матрицу «доля в суммарном объеме реализации продукции — прирост объема реализации продукции».

Матрица результатов и перспектив роста крупных предприятий по отраслям экономики

Рассматривая перспективы развития экономики Челябинской области в кратко- и среднесрочном горизонте наряду с возможностями в новых отраслях, безусловно, необходимо учитывать существующую сегодня и представленную выше ситуацию в традиционных отраслях региональной экономики с точки зрения как ее структуры, так и количественных финансовых показателей. Главный и принципиально важный вопрос состоит в определении возможных по имеющимся финансовым ресурсам и перспективам рыночной конъюнктуры отраслей — драйверов развития региональной экономики — на временном горизонте планирования, например, до 2024, а в перспективе и до 2035 г., ориентируясь при этом на крупные предприятия. Эти предприятия имеют одно очень важное преимущество — они уже сегодня имеют значительные ресурсы как в части инвестиций, так и в части интеллектуального и управленческого капитала.

Решив эту задачу, можно в выбранных приоритетных отраслевых направлениях формировать количественно определенные целевые ориентиры и проекты, позволяющие концентрированно использовать фактически имеющиеся в регионе ресурсы для их достижения.

Говорить о высокой точности такого рода прогнозов на глубине порядка 15 лет сегодня вряд ли приходится. В этот период, безусловно, появятся новые, пока еще неизвестные технологии, новые формы организации производства и другие возможности. Однако можно сделать ряд предположений оценочного характера, используя для этого, например, некоторые уже

выполненные разработки, в частности целевые ориентиры утвержденной 31.01.2019 г. Стратегии развития Челябинской области до 2035 г. [21]

В этой Стратегии в разделе «Экономика: целевые показатели — 2035» предполагается, что согласно целевому сценарию к 2035 г. индекс роста ВРП по отношению к 2015 г. составит 265 %, роста промышленной отгрузки — 262 %, роста производительности труда — 257 %, при этом индекс роста инвестиций в основной капитал составит 280 %. Для базового сценария Стратегии-2035 значения этих показателей прогнозируются на более низком уровне: соответственно, 143, 136, 152, 171 %. А для инерционного сценария они равны 107, 107, 119, 111 %. Разброс данных по различным сценариям, как видно, достаточно велик.

В качестве некоторой усредненной оценки можно использовать результаты прогноза по базовому сценарию. Тогда средний по всей совокупности экономических субъектов региона рост, например, промышленной отгрузки в период до 2035 г. составит 136 % или в среднем 6,8 % в год по базовому варианту или 262 и 13,1 % в год по целевому сценарию. По среднегодовому темпу роста эти целевые ориентиры роста экономики Челябинской области в целом неплохо согласуются с данными предыстории в период с 2011 по 2017 г. по крупным предприятиям, где среднегодовой прирост составлял около 10,7 %.

Здесь же следует отметить, что особую важность в предстоящий период приобретает наращивание темпов роста средних и малых предприятий в самостоятельном развитии или с использованием стратегии вхождения в технологические цепочки создания добавленной стоимости крупных предприятий, как российских, так и зарубежных [4]. В настоящее время для среднего и малого бизнеса такого рода стратегия развития приобретает доминирующую роль в экономике не только стран Европы и Северной Америки, но и в экономике так называемых стран третьего мира [2; 14].

Говоря о возможности реализации принятой в Челябинской области Стратегии развития до 2035 года, необходимо определить группу отраслей, инвестиции в предприятия которых уже в кратко- и среднесрочном периодах могут дать значительный эффект, не сокращая при этом уровень занятости населения. Это важно с точки зрения не только развития экономики, но и сохранения стабильности в социальной сфере.

Отраслевые приоритеты развития экономики Челябинской области в рамках при-

нятой стратегии развития могут быть определены в результате выявления отраслей, одновременно имеющих большие объемы производства и реализации продукции, а также высокие приросты этих объемов. В решении этой задачи на этапе предварительных оценок использованы статистические данные результатов деятельности крупных предприятий 12 основных отраслей экономики Челябинской области [3]. Для такого рода классификации отраслей можно использовать два критерия (рис. 1, 2). Первый — «доля в суммарном объеме реализации продукции» крупных предприятий отрасли в совокупной объеме реализации продукции крупными предприятиями. Второй — «прирост объема реализации продукции крупных предприятий отрасли в период с 2011 по 2017 гг.».

По критерию «доля в суммарном объеме реализации продукции» в состав первой, наиболее важной, приоритетной группы входит лишь одна отрасль — черная металлургия, насчитывающая 14 предприятий. Эта отрасль для Челябинской области является традиционно крупнейшей и по экономическим результатам сегодня несопоставима с любой другой отраслью экономики региона. Ее доля в объеме реализации продукции крупных предприятий составляет 64,26 %. В состав следующей по степени важности, второй группы, как мы уже отмечали, входят две отрасли: электроэнергетика и пищевая промышленность. Их вклад в совокупный объем реализации, соответственно, равен 8 и 7,98 %. Машиностроение, цветная металлургия и розничная торговля составляют третью группу отраслей. Их вклад, соответственно, равен 5,1, 3,95 и 3,44 %. В четвертую группу входят все остальные отрасли: строительство, оптовая торговля, наука, банки, ЖКХ и производство строительных материалов, доля выручки которых соответственно равна 1,99, 1,59, 1,3, 1,11, 0,99 и 0,29 %.

Выбор отраслевых приоритетов развития крупных предприятий Челябинской области

По критерию «прирост объема реализации продукции» в период с 2011 по 2017 г. в группу наиболее важных отраслей входит лишь одна отрасль — ЖКХ — со среднегодовым приростом 60,6 %. Во вторую группу также одна отрасль — электроэнергетика, имеющая среднегодовой прирост 41,8 %. В состав третьей группы входят пять отраслей: цветная металлургия, пищевая

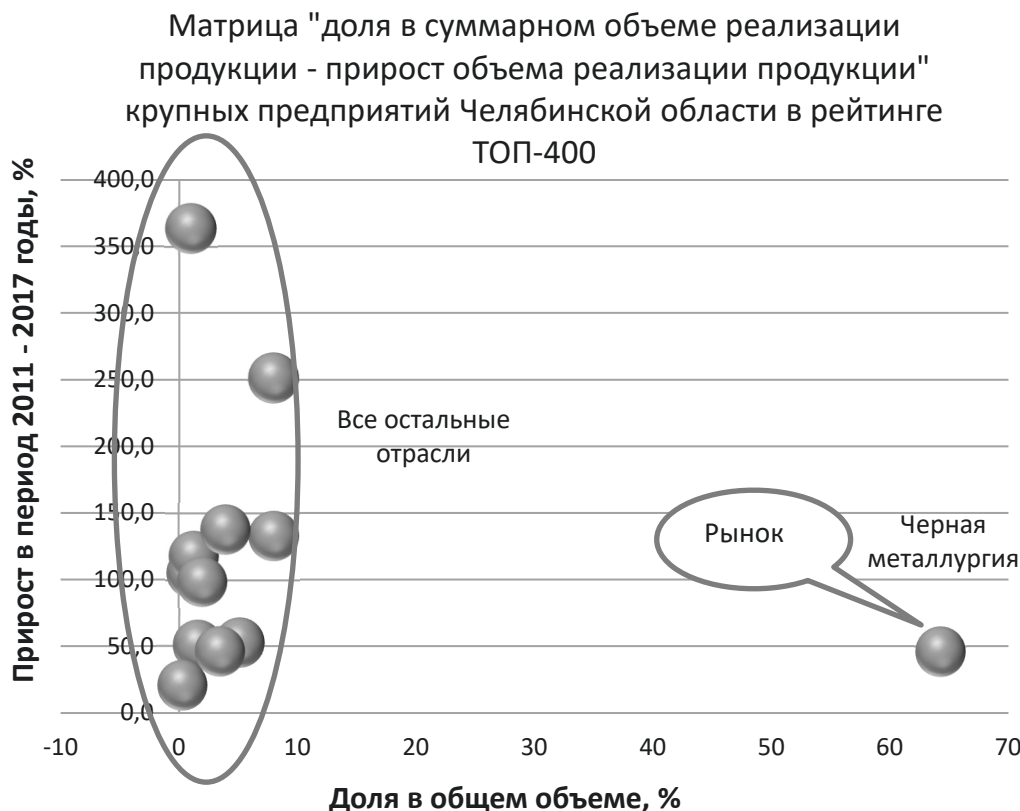

Рис. 1. Матрица «доля в суммарном объеме реализации продукции — прирост объема реализации продукции» для крупных предприятий по отраслям экономики Челябинской области в рейтинге ТОП-400 2017 г.

промышленность, наука, банки и строительство со среднегодовыми темпами роста соответственно 22,9, 22,1, 19,6%, 17,5, 16,4%. Машиностроение, оптовая торговля, черная металлургия, розничная торговля и производство строительных материалов составляют четвертую группу отраслей, имеющих самые низкие темпы роста: соответственно 8,7, 8,4, 7,6, 7,6, 3,4 %.

По результатам дифференциации отраслей с одновременным использованием перечисленных критериев и данных табл. 1 можно построить матрицу, классифицирующую отрасли по критериям «доля в суммарном объеме реализации продукции — прирост объема реализации продукции» (табл. 2).

Из 16 потенциально возможных групп отраслей (табл. 2) результаты анализа позволили сформировать 8 групп, причем большая часть из них расположена в правой нижней части матрицы, т. е. имеют относительно низкие значения в пространстве используемых критериев.

Выводы и практические рекомендации

В решении задачи поиска приоритетных направлений перехода экономики Челябинской области к неоиндустриальному типу предложенная методика и полученные с ее использованием результаты группировки отраслей по критериям «доля в суммарном объеме реализации продукции — прирост объема реализации продукции» (табл. 2) позволяют сделать ряд выводов, имеющих важное прикладное значение.

Крупные предприятия основных отраслей экономики Челябинской области в настоящее время сохраняют многие признаки экономики индустриального типа. Нет ни одной отрасли, в производстве крупных предприятий которой доминировали бы технологии 5 или 6-го уклада. Однако в то же время именно эти отрасли по валовым показателям определяют масштабы региональной экономики, а в ближайшей перспективе — и реальные возможности ее

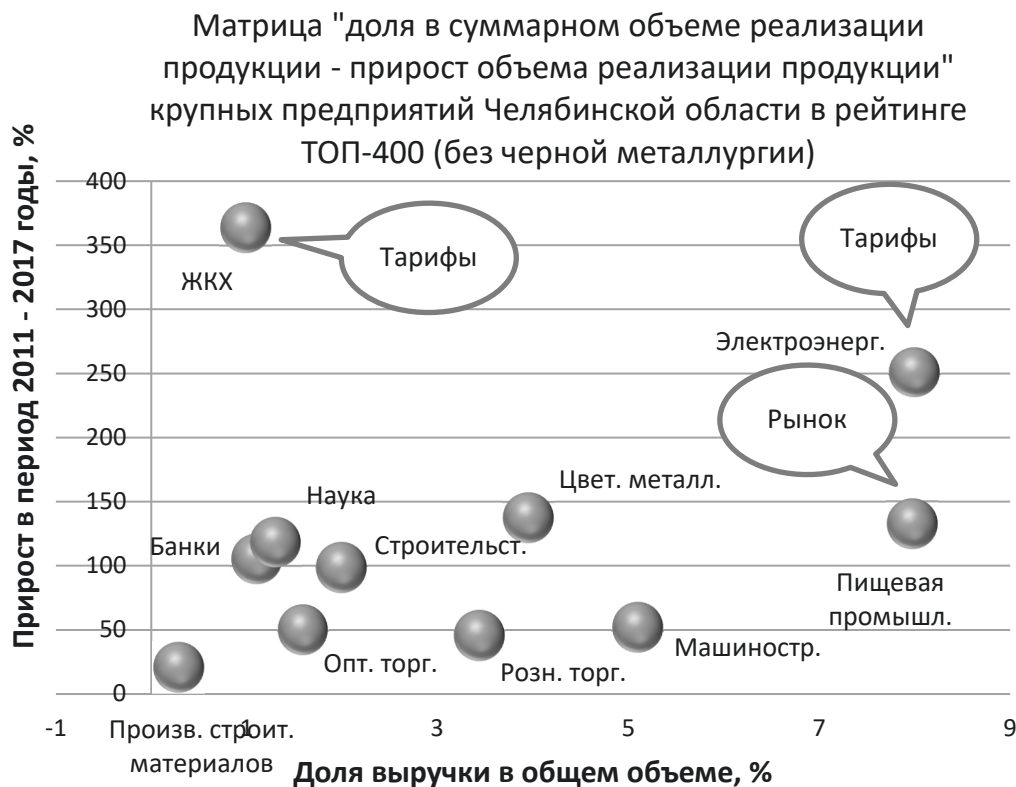

Рис. 2. Матрица «доля в суммарном объеме реализации продукции — прирост объема реализации продукции» для крупных предприятий по отраслям экономики Челябинской области (без черной металлургии)

роста. Крупные предприятия в наибольшей мере обладают значительными материальными, финансовыми и кадровыми ресурсами. Многие из них могут стать драйверами постепенного перехода экономики Челябинской области от индустриального типа к постиндустриальному типу.

Результаты исследования показали, что в настоящее время и в краткосрочной перспективе по критериям «доля в суммарном объеме реализации продукции — прирост объема реализации продукции» (табл. 2) приоритетными направлениями развития экономики Челябинской области и ее перехода к неоиндустриальному типу являются энергетика, ЖКХ, пищевая промышленность и черная металлургия. В перспективе в эту категорию отраслей может войти цветная металлургия. Машиностроение в настоящее время имеет низкий темп роста производства и реализации продукции.

Сферы банковской деятельности, научных исследований и опытно-конструкторских разработок, а также услуг ЖКХ в совокупности дают лишь 3,4 % совокупного

объема реализации продукции крупных предприятий, т. е. в настоящее время существующий потенциал региона для быстрого перехода к новой экономике постиндустриального типа сегодня крайне мал.

Ситуация с малыми и предприятиями в Челябинской области также оставляет желать лучшего. Сегодня эти предприятия формируют немногим более 20 % от регионального валового продукта. В странах Европы и Северной Америки этот показатель достигает 50 %. В рамках доминирующей в мировой экономике тенденции создания сетевых производственных структур предстоящая трансформация многих крупных предприятий может создать благоприятные условия для включения региональных малых и средних предприятий в состав формируемых цепочек создания добавленной стоимости. Этот шаг может инициировать активное заполнение в регионе ныне слабо развитой ниши малых и средних предприятий.

Переход экономики Челябинской области к постиндустриальному типу в сложившихся

Таблица 2

Отрасли в координатах «доля в суммарном объеме реализации продукции — прирост объема реализации продукции» в период с 2011 по 2017 гг.

		Доля в суммарном объеме реализации продукции			
		Высокая	Средняя (+)	Средняя (-)	Низкая
Прирост объема реализации в период с 2011 по 2017 г.	Высокий				ЖКХ
	Средний (+)		Энергетика		
	Средний (-)		Пищевая промышленность	Цветная металлургия	Строительство Наука Банки
	Низкий	Черная металлургия		Машиностроение Розничная торговля	Оптовая торговля Производство строительных материалов

не совсем благоприятных условиях рационально осуществлять через промежуточный этап создания экономики неоиндустриального типа. Ключевыми признаками неоиндустриальной экономики является развитие имеющейся производственной базы на основе новых технологий производства и управления, использование современных информационных и логистических возможностей. Опора в развитии экономики на уже существующий в регионе производственный потенциал и накопленный опыт позволит минимизировать риски роста социальной напряженности в переходный период. Эволюционный характер переходного процесса в настоящее время также в большей мере соответствует реальному состоянию экономики Челябинской области и возможным объемам инвестиций в ее развитие.

В настоящее время самые перспективные сегменты матрицы «доля в суммарном объеме реализации продукции — прирост объема реализации продукции» (табл. 2) оказались совершенно «пустыми». Но именно отрасли этих сегментов, имеющие высокие показатели «высокая доля в суммарном объеме производства» и «высокий среднегодовой прирост объема производства»,

могли бы наилучшим образом обеспечить устойчивое развитие экономики Челябинской области в краткосрочном и среднесрочном периодах. В середине прошлого века место драйвера экономики в регионе уверенно занимала черная металлургия. Это позволило ему войти в число промышленных лидеров Советского Союза. Черная металлургия была системообразующей отраслью для экономики Челябинской области не только с большим удельным весом в ВРП, но и значительными темпами роста [13]. Сегодня среди традиционных секторов региональной экономики таких отраслей нет.

Из всей рассмотренной совокупности отраслей наиболее привлекательную позицию занимает электроэнергетика (2 крупных предприятия). Ее характеристики: «средняя (+) доля в суммарной выручке — средний (+) среднегодовой прирост». С учетом того, что в 2017 г. регион лишь на 77,3 % обеспечил собственные потребности в электроэнергии и стал одним из пяти последних регионов в рейтинге уровня энергодостаточности [19], важность этой отрасли в стратегическом плане весьма высока. В связи с этим особую актуальность приобретает вновь озвученная в 2016 г. и утвержденная

правительством РФ перспектива строительства в Челябинской области до 2030 г. АЭС [6]. В этом случае электроэнергетика в среднесрочной перспективе может перейти на позицию «высокая доля в суммарной выручке — высокий среднегодовой прирост».

Черная металлургия, сегодняшняя позиция которой в матрице возможностей (табл. 2) «высокая доля в суммарной выручке — низкий среднегодовой прирост», в соответствии с терминологией Бостонской консалтинговой группы (БКГ), соответствует признакам отрасли категории «дойная корова». В этой отрасли, а в Челябинской области ее представляют 14 крупных предприятий, в кратко- и среднесрочной перспективе, по мнению многих экспертов [15], не предвидится высокий среднегодовой прирост. «Ожидается, что замедление потребления стали будет продолжаться и в течение последующих 20 лет из-за обратной индустриализации во многих развивающихся странах и роста повторного использования металла. Это может еще более снизить мировой спрос на сталь. Все эти обстоятельства с учетом существующей в мире избыточности производственных мощностей в черной металлургии предопределяют уже в среднесрочном горизонте времени выбор стратегии: сохранение высоких объемов производства и продаж. При этом выручка предприятий в этой отрасли может в значительной мере формировать инвестиционный потенциал для реновационных проектов собственно в черной металлургии, а также в других проектах диверсификации «металлургического» капитала». В принципе это может позволить на базе крупных металлургических предприятий создавать многоотраслевые корпоративные структуры, в т. ч. инновационной направленности [17]. В частности, можно предвидеть появление новых относительно небольших металлургических предприятий, работающих на современных технологиях и ориентированных на выпуск специальных сортов стали в относительно небольших объемах.

Пищевая промышленность представлена 12 крупными предприятиями. Позиция этой отрасли в матрице возможностей — «средняя (+) доля в суммарной выручке — средний (-) среднегодовой прирост». С учетом общих российских тенденций относительно высоких темпов развития сельского хозяйства и пищевой промышленности в последние годы, поддержанных проектами в рамках стратегии импортозамещения, это направление развития региональной экономики также следует отнести к числу при-

оритетных. Тем более что развитие пищевой промышленности дает синергетический импульс развитию всего сельскохозяйственно-го сегмента региональной экономики. Крайне важно, что развитие этой отрасли будет способствовать росту занятости населения, особенно проблемных в экономическом плане малых городов и сельскохозяйственных муниципалитетов юга Челябинской области. Развитие этого направления в значительной мере связано с коммерческими интересами и инвестиционными возможностями существующих региональных бизнес-структур, в т. ч. уже имеющих федеральные и международные бренды, например ООО «Ариант», ООО «Равис», ООО «Макфа» и др. [16].

В региональной системе услуг ЖКХ два крупных предприятия, позиция которых в табл. 2 достаточно интересна: «низкая доля в суммарной выручке — высокий среднегодовой прирост». Самый высокий среднегодовой прирост объема производства и продаж — 69,6 %. Но, вероятно, высокий прирост последних лет во многом обусловлен ростом тарифов на услуги ЖКХ. Очевидный минус для населения превращается в не менее очевидный плюс с точки зрения привлекательности отрасли для бизнеса. Рост тарифов происходил опережающими темпами по отношению к инфляции и темпам роста доходов населения. Однако вполне очевидно, что формируемый таким образом рост доходов предприятий ЖКХ долго продолжаться не может. Постановлением губернатора Челябинской области от 30.11.2015 г. № 311 утверждены предельные индексы изменения размера вносимой гражданами платы за коммунальные услуги в размере 4,4 % в среднем по области с максимальным отклонением до 6,7 %, в 2017 г. этот рост составил 3,9 %, в 2018 г. 3,8 %, а планы на 2019 г. предполагают рост на 3,7 %. В перспективе не исключено, что эта отрасль в матрице возможностей (табл. 2) переместится на позицию «средняя (-) доля в суммарной выручке — средний (-) среднегодовой прирост». Особенно в том случае, если главным критерием оценки результатов ее деятельности будет уровень удовлетворенности населения услугами ЖКХ. А она по многим позициям является низкой.

Цветную металлургию Челябинской области в рейтинге ТОП-400 предприятий Урала и Западной Сибири представляют 2 крупных предприятия, показывающие умеренный рост объемов производства и продаж. Позиция этой отрасли — «средняя (-) доля в суммарной выручке — средний (-) среднегодовой прирост». Основой цветной

металлургии региона сегодня является производство меди и цинка. Что касается меди, а для Челябинской области это прежде всего деятельность Русской медной компании (РМК), то перспективы спроса на мировом рынке весьма неоднозначны, а рынка России для устойчивого развития недостаточно. В кратко- и среднесрочном периоде возможно снижение темпов роста экономики Китая, потребляющего около 50 % производимой в мире меди, окажет негативное влияние на развитие этой отрасли. Однако в средне- и долгосрочной перспективе «электромобильная революция», набирающая темпы, может обеспечить значительный рост спроса на этот металл со всеми вытекающими из этого последствиями для производителей меди. По цинку, так же как и по меди, лидером потребления является промышленность Китая — 30 %. Замедление темпов роста экономики Китая и здесь может в кратко- и среднесрочной перспективе оказать негативное влияние на развития производителей цинка, в частности Челябинского цинкового завода. С учетом сказанного, положительным результатом развития этой отрасли можно будет считать сохранение нынешних позиций по доле в объеме выручки крупных предприятий и по темпам роста выручки. Однако в среднесрочной перспективе можно ожидать значительный рост спроса на медь и готовиться к использованию этой благоприятной возможности. Это касается и цинка, спрос на который в 2019 г. рос большим темпом, чем производство. Важным фактором успешного развития предприятий этой отрасли кроме внедрения новых технологий в основной производство могут стать собственные рудные источники цветных металлов с относительно коротким транспортным плечом.

Машиностроение Челябинской области представляют 9 крупных предприятий, причем их число по сравнению с 2014 г. выросло. Тем не менее позиции этой отрасли сегодня не столь радужны, как хотелось бы и как для старопромышленного региона должно быть: «средняя (-) доля в суммарной выручке — низкий среднегодовой прирост». В целом эти показатели ниже среднего, в то время как развитие современного машиностроения, прежде всего на базе возможностей 5 и 6-го технологических укладов, определяет уровень соответствия экономики возможности научно-технического прогресса. Именно эта отрасль в настоящее время во многих странах является основным драйвером развития национальной экономики. В Челябинской области, как и во всей

России, к сожалению, пока так и не удалось ликвидировать последствия разрушительных процессов в экономике 1990-х гг. Тем не менее в регионе имеются значительные предпосылки для восстановления и успешного развития этой отрасли, в том числе и в инновационном направлении. На этом уровне уже начинают работать некоторые предприятия приборостроения, например ПГ «Метран», ООО «Планар». Но прежде всего перспективы развития машиностроения в целом связаны с потенциально возможными конверсионными процессами имеющихся на территории Челябинской области предприятий ОПК. Это приборостроительный завод в Трехгорном, государственный ракетный центр им. В. П. Макеева в Миассе, ПО «Маяк» в Озерске, ВНИИТФ в Снежинске и др. Развитие машиностроения в перспективе до 2035 г., вероятно, не связано с созданием крупных предприятий и организации массового производства продукции. Речь идет о возможном создании в системе крупных структур ОПК дочерних инновационно-венчурных предприятий, ориентированных в рамках конверсии на разработку и производство уникальной продукции с высокой добавленной стоимостью. Главной проблемой в развитии этого направления является решение организационных вопросов, связанных со статусом этих предприятий.

Ситуацию в сфере розничной торговли Челябинской области, как и в машиностроении, характеризуют «средняя (-) доля в суммарной выручке — низкий среднегодовой прирост». Объем выручки и темпы ее роста в розничной торговле во многом определяются численностью потенциальных покупателей и уровнем их платежеспособности. Если первый фактор в краткосрочном и среднесрочном горизонте прогнозирования можно считать практически константой, то динамика объемов продаж в основном будет определяться платежеспособностью, а точнее, уровнем реальных доходов населения Челябинской области. Этот показатель в последние годы не рос, и вероятность значительного роста в ближайшей перспективе не очень велика. Отрасль будет развиваться естественным образом, отражая по объемам продаж изменение уровня доходов населения, который, в свою очередь, будет определяться уровнем развития региональной экономики.

Строительство как отрасль крайне важна в социальной сфере, но сегодня она оказалась в незавидном положении. Два фактора: большие объемы сданных в эксплуатацию жилых домов в прошлый период и низкая

платежеспособность населения — в настоящее время привели к тому, что даже при одной из самых низких цен квадратного метра нового жилья эконом-класса значительная часть населения не может найти достаточных средств для его приобретения даже с учетом возможностей ипотеки, проценты по которой последнее время несколько снизились. Часть населения с высоким уровнем дохода приобретает так называемые инвестиционные квартиры, но и здесь ситуация не из лучших. Ликвидность жилых квартир, приобретаемых как форма вложения капитала, в последние годы снижается. Подобная не очень благоприятная рыночная конъюнктура будет сохраняться на протяжении еще 5—7 лет, и то при условии, что Челябинску и Магнитогорску удастся решить экологические проблемы хотя бы частично, показав позитивную динамику в этом направлении. Можно прогнозировать, что позиция отрасли в ближайшей перспективе сохранится: «низкая доля в суммарной выручке — средний (-) среднегодовой прирост». В перспективе может получить значительный импульс спрос на строительство жилья малых форм: коттеджей, дач, благоустроенных садовых домов. Это связано с попыткой горожан выйти из районов города, многие из которых напоминают промышленные зоны и по уровню экологического благополучия, и по уровню комфорта проживания с точки зрения инфраструктурной обеспеченности. Однако большие объемы строительства в связи с неблагоприятной конъюнктурой рынка в скором времени вряд ли возможны. Проблема низкого спроса усугубляется наметившейся тенденцией миграции из Челябинска и Магнитогорска части населения с доходами выше среднего.

Развитие банковской сферы для Челябинска, вероятно, в основном будет ограничено динамикой объемов финансовых потоков, необходимых и достаточных для успешного функционирования деловой среды региона и удовлетворения потребностей населения. Маловероятно, что Челябинск как столица Южного Урала в обозримом времени станет финансовым центром хотя бы межрегионального масштаба. Основным направлением развития финансовой системы региональной экономики в перспективе может быть развитие структурных элементов инвестиционной поддержки создания новых предприятий бизнеса, в т. ч. перспективных стартапов и проектов технического перевооружения существующих промышленных предприятий. Привлекательным направлением также яв-

ляется создание инновационно-венчурных фондов. Кроме того, традиционно остается важной кредитно-депозитная функция в обслуживании населения. Стратегическая позиция крупных организаций этой отрасли, по большому счету, вряд ли существенно изменится: «низкая доля в суммарной выручке — средний (-) среднегодовой прирост». Три крупных банка, работающих в регионе сегодня, принципиально с этой задачей могут справиться, создавая по мере необходимости региональную сеть филиалов. Но это будет происходить в условиях высокой конкуренции, например, с федеральными финансовыми структурами.

Единственное предприятие научной сферы, вошедшее от Челябинской области в рейтинг 400 крупных предприятий, — Российский федеральный ядерный центр — всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. академика Е. И. Забабахина — имеет рыночную позицию «низкая доля в суммарной выручке — средний (-) среднегодовой прирост». Расположенное в ЗАТО предприятие имеет определенные ограничения в развитии открытой, конверсионной сферы своей деятельности, но одновременно располагает и неоспоримым конкурентным преимуществом, связанным с наличием собственных уникальных разработок инновационного характера. Совершенно не исключено, что в когорту крупных научных предприятий в перспективе смогут войти также и Государственный ракетный центр имени академика В. П. Макеева, а также другие уже упомянутые предприятия ОПК. Возможности развития этой отрасли связаны не только с бюджетной политикой государства, уделяющей в последнее время большое внимание развитию предприятий ОПК, в т. ч. ракетно-космического направления, но, пожалуй, в не меньшей мере с развитием конверсионных направлений, трансфером новых, уникальных технологий в производство товаров народного потребления как для населения России, так и для экспорта на рынки других стран. Конверсионное направление развития оборонных предприятий стран Запада доказало свою эффективность и активно развивается. В настоящее время существует целый ряд хорошо отработанных в западных странах технологий организации дочерних инновационно-венчурных предприятий, позволяющих снизить риски в этом потенциально высокодоходном направлении. Об этом, например, говорит тот факт, что в США в инновационно-венчурных фондах активно работают деньги национального пенси-

онного фонда [11]. Перспективы развития этого направления являются весьма привлекательными, особенно если учесть позицию президента России. В послании Федеральному Собранию 2016 г. он дал поручение Правительству РФ: «С учётом ранее данных поручений обеспечить увеличение доли высокотехнологичной продукции гражданско-го и двойного назначения в общем объёме продукции, выпускаемой организациями оборонно-промышленного комплекса, к 2020 г. — не менее чем до 17 процентов, к 2025 г. — не менее чем до 30 процентов, к 2030 г. — не менее чем до 50 процентов».

Два крупных предприятия оптовой торговли Челябинской области составляют лишь 7,7 % от общего числа подобных предприятий Урала и Западной Сибири. Более того, Башкортостан и Свердловская область, соседние регионы, в совокупности представлены в этой отрасли 16 крупными предприятиями. Сложившуюся ситуацию вполне адекватно отражает позиция этой отрасли Челябинской области в матрице возможностей (табл. 2): «низкая доля в суммарной выручке — низкий среднегодовой прирост». В этом секторе экономики Челябинской области, конечно, может быть рост, но в ближайшей перспективе ввиду острой и нарастающей конкуренции со стороны крупнейших российских и зарубежных ритейлеров вряд ли он будет значительным. Ключевым фактором здесь будут условия и возможности логистики, построенной на основе современных информационных технологий, а они в настоящее время даже у ритейлеров соседних регионов — Башкортостана и Свердловской области — заметно лучше. Определённые возможности развития этой отрасли также связаны с развитием трансграничной оптовой торговли с регионами Казахстана.

Производство строительных материалов. Эта отрасль, как и оптовая торговля, входит в группу аутсайдеров среди крупных предприятий: «низкая доля в суммарной выручке — низкий среднегодовой прирост». В стройиндустрии Челябинской области работает более сотни предприятий этой отрасли, но из них по итогам 2017 г. только одно вошло в рейтинг ТОП-400 крупных предприятий Урала и Западной Сибири — это «Кнауф Гипс Челябинск» с выручкой 4,057 млрд руб. Если говорить о перспективах роста в этой отрасли, то он во многом будет отслеживать ситуацию непосредственно в проектах строительства, а в этом, как уже сказано, в ближайшей перспективе надежд на ускоренный рост не так уж много. Остается

достаточно сложный с точки зрения конкурентной борьбы, но в целом реальный вариант развития отрасли производства строительных материалов с ориентацией на внешний рынок, на продажи в регионах, где возможен интенсивный рост объёмов строительства.

Учитывая все, представленное выше, можно дать некоторую обобщённую оценку сложившейся в экономике Челябинской области ситуации. Она во многом неоднозначна. С одной стороны основные социально-экономические показатели оставляют желать много лучшего, более того, ситуация в последние годы не улучшается. С другой стороны, регион имеет значительный производственный потенциал, значительный потенциал высококвалифицированных кадров как в производстве и бизнесе, так и в науке. В дефиците остаются два важных фактора: качество управления развитием региона и реальная обеспеченность проектов развития инвестиционными ресурсами. Следует подчеркнуть, что первый из них является наиболее важным и определяющим в решении задач перехода экономики Челябинской области от индустриального к неиндустриальному типу.

1. Перечнева И., Заякин С. Ум, нефть и совесть. 400 крупнейших компаний Урала и Западной Сибири. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/rejting-kрупнейshih-kompaniy-urala-i-zapadnoy-sibi-12.html> (дата обращения: 02.09.2019)

2. Meshkova T., Moiseichev E. Foresight Applications to the Analysis of Global Value Chains // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10, no. 1. P. 69—82.

3. Абдурахимов Ю. В., Иванов О. П. Выбор отраслевых приоритетов перехода старопромышленных регионов Урала и Западной Сибири к экономике неиндустриального типа (Часть 1) // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 72—86.

4. Абдурахимов Ю. В. Монопрофильные города Южного Урала: проблемы и перспективы развития. Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2018. — 208 с.

5. Аналитики АКРА предупредили о снижении цен на сталь в России к 2022 году URL: <https://www.rbc.ru/business/16/11/2017/5a0c18689a7947e5201f57c6> (дата обращения: 21.11.2019)

6. В Челябинской области будет построена атомная электростанция // Эксперт Урал. URL: <http://www.acexpert.ru/news/v-chelya->

binskoy-oblasti-budet-postroena-atomnaya-e.html (дата обращения: 27.09.2019).

7. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Кочеров А. В. Устойчивое развитие региона в изменчивой внешней среде // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 48—55.

8. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Кочеров А. В. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 47—55

9. Зырянов С. Г., Иванов О. П., Гордеев С. С. Социоэкономика пространственного развития регионов Урала // Технологии прикладной политологии и социологии как инструмент повышения эффективности государственного и муниципального управления : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2016. С. 132—142.

10. Иванов О. П., Гордеев С. С., Зырянов С. Г. Инвестиционная политика региона в условиях экономической нестабильности: основные тренды и риски // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 95—101

11. Инвестиции по-американски: как работают венчурные фонды США // FORBES. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/360889-investicii-po-amerikanski-kak-rabotayut-venchurnye-fondy-v-ssha> (дата обращения: 06.11.2019).

12. Как российской металлургии влиться в эпоху инноваций // Экономика инноваций. Проект РБК. URL: <https://www.rbc.ru/trends/innovation/5d6533cd9a794754a5502e5c> (дата обращения: 27.09.2019)

13. Металлургия Южного Урала: история и современность / Г. А. Васильев, Д. И. Никитин, И. А. Новиков и др. — Челябинск : ЧИППКРО, 2018. — 112 с.

14. Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России // Вестник финансового университета. 2011. № 1. С. 83—97.

15. Мировой спрос на сталь замедлится в 2019 году. URL: https://yandex.ru/search/?text=http%3A%2F%2Fmetallplace.ru%2F-news020718_5%2F%3A%20&lr=56 (дата обращения: 27.09.2019).

16. Пищевая и перерабатывающая промышленность, агропродовольственный рынок Челябинской области // Министерство сельского хозяйства Челябинской области. URL: http://report.chelagro.ru/food_and_processing_industry/?ELEMENT_ID=14445 (дата обращения: 18.10.2019).

17. Ермак С., Заякин С. Пол-экономики поименно. Эксперт 400 // Эксперт». 2018. № 43 (1094). 22 окт. URL: <http://expert.ru/>

expert/2018/43/pol-ekonomiki-poimeno/ (дата обращения: 02.09.2019).

18. Попов А. И. Неоиндустриализация российской экономики как условие устойчивого развития // Известия СПбГЭУ. 2014. № 3 (87). С. 7—12.

19. Рейтинг регионов по уровню энергодостаточности — итоги 2017 года // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/regions/20180307/630084980.html> (дата обращения: 16.10.2019).

20. Романова О. А. Неоиндустриализация как фактор повышения экономической безопасности старопромышленных регионов // Экономика региона. 2012. № 3 (30). С. 70—80.

21. Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года. URL: <http://www.minobr74.ru/Upload/files/СТРАТЕГИЯ-2035-УТВЕРЖДЕННАЯ.pdf> (дата обращения: 18.11. 2019).

References

1. Perehneva I., Zajakin S. Um, neft' i sovest'. 400 krupnejshih kompanij Urala i Zapadnoj Sibiri. Available at: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-urala-i-zapadnoj-sibi-12.htm>, accessed 02.09.2019 [in Rus].

2. Meshkova T., Moiseichev E. (2016) *Fore-sight and STI Governance*, vol. 10, no. 1, pp. 69—82. [in Eng].

3. Abdurahimov Yu.V., Ivanov O.P. (2019) *Socium i vlast'*, no. 6 (80), pp. 72—86 [in Rus].

4. Abdurahimov Yu. V. (2018) *Monoprofil'nye goroda Juzhnogo Urala: problemy i perspektivy razvitija*. Chelyabinsk, Chelyabinskij filial RANHiGS, 208 p. [in Rus].

5. Analitiki AKRA predupredili o snizhenii cen na stal' v Rossii k 2022 godu. Available at: <https://www.rbc.ru/business/16/11/2017/5a0c18689a7947e5201f57c6>, accessed 21.11 2019 [in Rus].

6. V Cheljabinskoj oblasti budet postroena atomnaja jelektrostantsija. Available at: <http://www.acexpert.ru/news/v-chelyabinskoy-oblasti-budet-postroena-atomnaya-e.html>, accessed 27.09.2019 [in Rus].

7. Gordeev S.S., Zyrjanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2015) *Socium i vlast'*, no. 2 (52), pp. 48—55 [in Rus].

8. Gordeev S.S., Zyrjanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 47—55 [in Rus].

9. Zyrjanov S.G., Ivanov O.P., Gordeev S.S. (2016) *Sociojekonomika prostranstvennogo razvitija regionov Urala // Tehnologii prikladnoj politologii i sociologii kak instrument*

povyshenija jeffektivnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. Chelyabinsk, pp. 132—142 [in Rus].

10. Ivanov O.P., Gordeev S.S., Zyrjanov S.G. (2015) *Socium i vlast'*, no. 6 (56), pp. 95—101 [in Rus].

11. Investicii po-amerikanski: kak rabotajut venchurnye fondy SSHA. Available at: <https://www.forbes.ru/tehnologii/360889-investicii-po-amerikanski-kak-rabotajut-venchurnye-fondy-v-ssha>, accessed 06.11.2019 [in Rus].

12. Kak rossijskoj metallurgii vlit'sja v jepohu innovacij. Available at: <https://www.rbc.ru/trends/innovation/5d6533cd9a794754a5502e5c>, accessed 27.09.2019 [in Rus].

13. Vasil'ev G.A., Nikitin D.I., Novikov I.A. (2018) Metallurgija Juzhnogo Urala: istorija i sovremennost'. Chelyabinsk, ChIPPKRO, 112 p. [in Rus].

14. Meshkova T.A., Moiseichev E.Ya. (2011) *Vestnik finansovogo universiteta*, no. 1, pp. 83—97 [in Rus].

15. Mirovoj spros na stal' zamedlitsja v 2019 godu. Available at: https://yandex.ru/search/?text=http%3A%2F%2Fmetallplace.ru%2Fnews020718_5%2F%3A%20&lr=56, accessed 27.09.2019 [in Rus].

16. Pishhevaja i pererabatyvajushhaja promyshlennost', agroprodovol'stvennyj rynek Cheljabinskoj oblasti. Available at: http://report.chelagro.ru/food_and_processing_industry/?ELEMENT_ID=14445, accessed 18.10.2019 [in Rus].

17. Ermak S., Zayakin S. (2018) *Ekspert*, no. 43 (1094), 22 okt. Available at: <http://expert.ru/expert/2018/43/pol-ekonomiki-poimanno>, accessed 02.09.2019 [in Rus].

18. Popov A.I. (2014) *Izvestija SPbGJeU*, no. 3 (87), pp. 7—12 [in Rus].

19. Rejting regionov po urovnju jengodostatochnosti — itogi 2017 goda. Available at: <https://riarating.ru/regions/20180307/630084980.html>, accessed 16.10.2019 [in Rus].

20. Romanova O. A. (2012) *Jekonomika regiona*, no. 3 (30), pp. 70—80 [in Rus].

21. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Cheljabinskoj oblasti na period do 2035 goda. Available at: <http://www.minobr74.ru/Upload/files/STRATEGIJa-2035-UTVERZhDENNAJa.pdf>, accessed 18.11.2019 [in Rus].

For citing: Abdurakhimov Yu.V., Ivanov O.P. Selecting industry priorities for the transition of the old industrial regions of the Urals and Western Siberia to the neo-industrial type of economy (Part 2) // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (81). С. 44—48. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-44-58.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-44-58

UDC 332.12

SELECTING INDUSTRY PRIORITIES FOR THE TRANSITION OF THE OLD INDUSTRIAL REGIONS OF THE URALS AND WESTERN SIBERIA TO THE NEO-INDUSTRIAL TYPE OF ECONOMY (PART 2)

Yuriy V. Abdurakhimov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Professor,
Doctor of Economics.
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: uralmramor@inbox.ru

Oleg P. Ivanov,

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk Branch, Senior Researcher,
Cand. Sc. (Engineering),
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Abstract

Introduction. The issues of transforming the economy of Russia's old industrial regions are, and will be of high relevancy for a long time. This is largely due to the objective effect of a powerful factor — technological inertia accumulated over many decades, as well as the existing limited resources to overcome it. Another important factor is the necessity for the economy to transfer to new technologies without reducing the quality of the population's life in the process of restructuring, in particular, the level of employment and income.

The search and analysis of possible options for transforming the economies of Russia's old industrial regions from the industrial to the post-industrial type is currently both complex and relevant.

The Chelyabinsk region can be regarded as one of Russia's old industrial regions. Currently, the economy of this region is experiencing serious difficulties in its development. This article discusses one of the possible trajectories of the region's development, focused on a phased transition from an industrial type to a neo-industrial type, which is intermediate

on the way to a post-industrial type economy.

The aim of the study is to conduct a scientific and methodological justification for selecting priority industry directions for the short and medium term transition of the regions of the Urals and Western Siberia, as exemplified by the Chelyabinsk region, from an industrial type economy to a neo-industrial type economy with a subsequent transition to a post-industrial economy.

Methods. The basic research methodology is a systematic approach to solving the problems of managing the complex systems development. To solve some specific problems, the authors use scientific methods of generalization, grouping, comparative analysis and classification of the results of activities of the Chelyabinsk region's large enterprises. According to the results of analyzing literary sources, the study is based on the concept of forming a neo-industrial economy as an intermediate stage in the transition of old industrial regions to a post-industrial economy. The study was performed with the help of official statistics on the largest enterprises in the Urals and Western Siberia from 2011 to 2017.

The scientific novelty of the study. According to the results of analyzing the activities of large enterprises in the Chelyabinsk region, which determine the structure of the regional economy, the industry was for the first time classified according to the following criteria: volume of sales and growth in sales volumes. The authors classified industries into four groups that have a different level of significance in terms of the regional economy development prospects and its successful transition to the neo-industrial type. The authors point out a group of priority sectors, the accented development of which can give the maximum useful result in the short and medium term, without straining the situation in the social sphere during the transition period.

Results. In the context of the financial resources shortage, the results of the study make it possible for the authors to formulate rational strategies for regional development, concentrating available resources in priority industry areas. The proposed approach to solving such problems makes it possible to update the industry structure and make adjustments to the formation of industry development priorities at any time on the basis of the State Statistics Committee data.

Conclusions. The research results presented in the article can be used as a practical tool to solve a number of applied problems of managing the Chelyabinsk region economic development, as well as to study the specifics and priorities of the industrial structure development of the old industrial regions in the future more deeply.

Key concepts:

old industrial regions,
crisis,
economic transformation,
neo-industrialization,
large enterprises,
regional economy,
industry structure,
matrix "share in total sales — growth in sales",
classification of industries,
industry priorities,
drivers of economic development.

Для цитирования: Буторина О. С., Терещук Е. А. Комплексный анализ динамики инновационного развития Челябинской области // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 59—73. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-59-73.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-59-73

УДК 332.124; 658.1

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Буторина Ольга Сергеевна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
кандидат технических наук,
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: ya-bos@mail.ru

Терещук Екатерина Александровна,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
кандидат социологических наук,
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: etereshook@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена комплексному анализу динамики развития региональной инновационной системы Челябинской области в сравнении с регионами России.

Цель. Составление индивидуального профиля Челябинской области в динамике, детализирующего результаты по всем показателям инновационного развития и позволяющего выявить особенности инновационной системы региона.

Методы. Анализ инновационного развития Челябинской области опирается на методику — систему количественных и качественных показателей инновационного развития регионов, предложенную в 2010 г. Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Кроме того, представлены результаты анализа социокультурного профиля ряда регионов Российской Федерации с использованием методики VSM-2013 Г. Хофстеде¹. В процессе исследования использовались методы статического и динамического анализа, индексный метод, графический метод, метод desk research. Информационно-эмпирической базой исследования являются данные Росстата, НИУ ВШЭ, АО «Российская венчурная компания» (АО «РВК»), вторичные социологические данные.

Научная новизна исследования. В рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации, ежегодно издаваемом НИУ ВШЭ, представлены индивидуальные профили регионов максимум за 2 года. В настоящем исследовании составлен индивидуальный профиль инновационного развития Челябинской области в динамике за период с 2008 по 2017 г. в сравнении с регионом-лидером и областями Уральского федерального округа. Профиль Челябинской области, помимо статистических показателей, характеризуется и социокультурными факторами инновационной активности.

Выводы. Сопоставительный анализ значений субиндексов инновационного развития Челябинской области за период с 2008 по 2017 г. показал относительную сбалансированность субиндексов, в отличие от многих регионов России, где наблюдается чрезвычайно большой разрыв между рангами по РРИИ и тематическими субиндексами. Почти все субиндексы Челябинской области имеют положительный тренд, кроме субиндекса «Инновационная деятельность». В этих условиях инновационная политика Челябинской области требует содержательных изменений: усилия необходимо направлять не только на разработку, но и на обеспечение внедрения инновационных продуктов и технологий. С точки зрения социокультурных факторов драйверами инновационной активности населения Челябинской области могут выступать относительно высокие значения индивидуализма и достаточно позитивное отношение к новым продуктам. Перспективы инновационного развития Челябинской области представляются благоприятными. Отмечена научно-технологическая и инновационная ориентированность региональной стратегии Челябинской области.

Ключевые понятия:

инновация,
инновационное развитие,
российский региональный инновационный индекс,
региональная экономика,
социокультурный профиль.

¹ Исследование реализовано АО «Российская венчурная компания» и Институтом национальных проектов в 2018 г. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/14a/RVC_attitudes_to_technologies_report.pdf (дата обращения: 12.01.2020).

Введение

В современных условиях перед Российской Федерацией стоит задача формирования модели национальной инновационной системы для пространственного развития на основе имеющегося природного, интеллектуального, производственного, научно-технологического потенциала. В связи с этим государственная инновационная политика должна предусматривать создание условий для сбалансированного экономического развития каждого региона, включая и повышение его инновационной активности. Региональное разнообразие страны открывает широкие возможности для реализации перспективных инновационных стратегий в каждом субъекте Российской Федерации.

В связи с вышесказанным повышается актуальность анализа региональной инновационной политики и динамики развития региональных инновационных систем, суммарно формирующих инновационный потенциал российской экономики. Исследование динамики инновационных факторов в регионах дает возможность обоснованно определить и скорректировать национальные и региональные научные и технические приоритеты с учетом сложившейся экономической и научно-технической специализации регионов. С этим напрямую связаны имидж и инвестиционная привлекательность территорий, перспективы роста занятости и повышения уровня жизни населения. Однако успешность решения подобной задачи во многом зависит от качества и доступности данных о состоянии и динамике инновационных процессов в регионах.

Анализ инновационного развития Челябинской области опирается на методiku — систему количественных и качественных показателей инновационного развития регионов, предложенную в 2010 г. Институтом статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) [11].

Главная ценность системы — индивидуальные портреты всех субъектов Российской Федерации, раскрывающие результаты по всем показателям инновационного развития и позволяющие выявить особенности инновационной системы каждого региона. Тем самым система служит инструментом комплексного мониторинга деятельности региональных органов власти и позволяет точнее сфокусировать федеральные инструменты поддержки. Первоначально система включала 35 показателей, сгруппирован-

ных по 4 тематическим блокам. За 10 лет существования и успешного применения система претерпела изменения в структуре показателей.

Сегодня система 2020 г. включает 53 показателя (в целях обобщения индивидуальных значений по каждому критерию применялся метод линейной свертки, поэтому общее число показателей, участвующих в расчетах, сократилось до 49) российского регионального инновационного индекса (РРИИ). Показатели сгруппированы по пяти тематическим блокам и обеспечивают возможность расчета соответствующих субиндексов. По сводному индексу и каждому субиндексу проводится ранжирование субъектов Российской Федерации. Сводный индекс (РРИИ) определяется в виде средней арифметической взвешенной величины по формуле [11]

$$РРИИ_i = \frac{13}{49} \cdot ИСЭУ_i + \frac{10}{49} \cdot ИНТП_i + \frac{9}{49} \cdot ИИД_i + \frac{7}{49} \cdot ИЭА_i + \frac{10}{49} \cdot ИКИП_i,$$

где РРИИ_i — российский региональный инновационный индекс *i*-го региона;

ИСЭУ_i — субиндекс «Социально-экономические условия инновационной деятельности» *i*-го региона;

ИНТП_i — субиндекс «Научно-технический потенциал» *i*-го региона;

ИИД_i — субиндекс «Инновационная деятельность» *i*-го региона;

ИЭА_i — субиндекс «Экспортная активность» *i*-го региона;

ИКИП_i — субиндекс «Качество инновационной политики» *i*-го региона.

Для оценки дифференциации между отдельными регионами помимо ранжирования по РРИИ и субиндекса проводится их группировка по величине отставания от региона-лидера на основе значений индексов/субиндексов. Число групп задано равным 4. Границы интервалов определяются по шкале:

	Величина отставания значения индекса/субиндекса от соответствующего значения региона-лидера, %
I группа	≤ 20
II группа	> 20, ≤ 40
III группа	> 40, ≤ 60
IV группа	> 60

Российский региональный инновационный индекс в Челябинской области

Челябинская область является одним из наиболее крупных в экономическом отно-

шении субъектов Российской Федерации. Область входит в состав Уральского Федерального округа (УФО), включающего помимо Челябинской Свердловскую, Курганскую, Тюменскую области, а также Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа. Крупнейшие города УФО — г. Екатеринбург (административный центр округа), Челябинск, Тюмень, Магнитогорск, Курган и др. Доля территории округа — 10,62 % площади Российской Федерации (1818, 49 тыс. кв. км).¹

Численность населения УФО по состоянию на 1 января 2018 г. — 12 356 229 человек (8,41 % населения страны), в том числе в Свердловской области — 4 325 256, в Челябинской — 3 493 036, в ХМАО — 1 655 074, Тюменской области — 1 498 779, Курганской области — 845 537, ЯНАО — 538 547 человек. Плотность населения — 6,79 человек на км².

Образована Челябинская область 17 января 1934 г. В составе области 319 муниципальных образований, в т. ч. 27 муниципальных районов, 16 городских округов, 27 городских поселений, 242 сельских поселения, а также 7 внутригородских районов г. Челябинска. Общая площадь области 88,5 тыс. км². Областным центром области является г. Челябинск.

Область обладает значительным научным, трудовым и производственным потенциалом, развитой инфраструктурой, разнообразной ресурсной базой, выгодным транспортным и географическим положением, уникальными природными условиями.

Значение российского регионального инновационного индекса (РРИИ) для Челябинской области составляет 0,4288 на 2017 г. (см. табл. 1, рис. 1.), т. е. данный показатель соответствует II уровню отставания от региона-лидера (более чем на 20 %, но не более чем на 40 %). Однако ранг РРИИ Челябинской области равен 9 (довольно высокий рейтинг среди 85 субъектов Российской Федерации), это значение открывает II уровень развития — отставание от региона-лидера составляет — 20,27 % . Кроме того, по данному показателю Челябинская область занимает второе место среди регионов-конкурентов, ее опережает только Свердловская область (РРИИ = 0,4570, I группа).

Если обратиться к динамике РРИИ и ранга инновационного развития по Челябинской области за период с 2008 по 2017 г. (см. рис. 2), то наблюдается волнообразное изменение с положительным трендом. Несмо-

¹ Уральский федеральный округ. URL: <http://uralfo.gov.ru/district/> (дата обращения: 23.01.2020).

тря на снижение показателя РРИИ с 2013 по 2015 г., к 2017 г. произошел скачок на 10 %, и одновременно существенно повысился ранг на +12 позиций. Это связано в целом с существенным улучшением социально-экономических условий инновационной деятельности, повышением качества инновационной политики в области и экспортной активностью. В Свердловской области в динамике РРИИ наблюдается аналогичная картина, в отличие от других регионов УФО. Например, Курганская область имеет отрицательный тренд инновационного развития, при том что в 2008—2010 гг. имела более высокие значения РРИИ по сравнению с Челябинской областью (см. рис. 1).

Равномерное развитие всех параметров инновационной деятельности — залог успеха регионов-лидеров. Уральский федеральный округ характеризуются неравномерностью развития различных аспектов инновационных процессов. Итоговый индекс (РРИИ) является обобщенной оценкой, которая, с одной стороны, обеспечивает баланс между различными характеристиками инновационного развития региона, с другой стороны, маскирует их. Поэтому необходимо раскрывать данные по РРИИ с помощью отдельных тематических субиндексов (см. табл. 2, рис. 3.).

Анализ значений субиндексов инновационного развития Челябинской области по итогам 2017 г. показал, что по социально-экономическим условиям область впервые вошла в I группу (отставание от региона-лидера 18,46 %), по научно-техническому потенциалу, качеству инновационной политики и экспортной активности — II группа (отставание от региона-лидера 30,49, 22,9 и 21,55 % соответственно). Однако по субиндексу «Инновационная деятельность» Челябинская область находится в III группе (отставание от региона-лидера 46,32 %) (см. табл. 2, рис. 3).

Субиндекс социально-экономических условий инновационной деятельности (ИСЭУ)

Ранжирование субъектов Российской Федерации с учетом уровня их экономического, образовательного и цифрового развития, отражающего потенциал регионов для создания, адаптации, освоения и внедрения инноваций, возможно на основе индекса социально-экономических условий инновационной деятельности (ИСЭУ). В первую группу рейтинга по ИСЭУ вошли 13 субъектов

Таблица 1

**Российский региональный инновационный индекс (РРИИ)
в Уральском федеральном округе и регионе-лидере [6—11]**

Регион	Годы						
	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2017
Свердловская область	0,4490	0,4500	0,4755	0,4695	0,4263	0,4107	0,4570
Челябинская область	0,3670	0,4160	0,4329	0,4282	0,4036	0,3896	0,4288
Тюменская область	0,3130	0,3470	0,4220	0,4254	0,3988	0,3876	0,3739
Курганская область	0,3910	0,4120	0,3380	0,3778	0,2817	0,3041	0,2593
ХМАО	0,3380	0,3650	0,3453	0,3638	0,3225	0,3143	0,3294
ЯНАО	0,3040	0,3450	0,3625	0,3614	0,3775	0,3542	0,2994
Регион-Лидер	0,5430	0,5690	0,5850	0,5908	0,5625	0,5753	0,5378

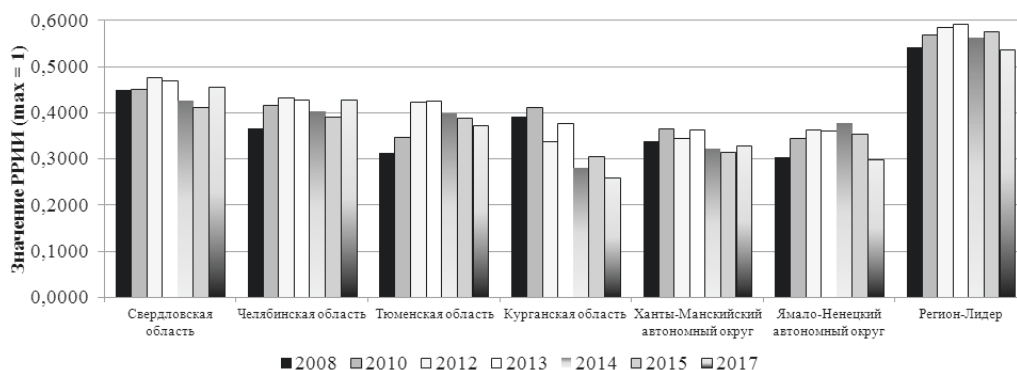

Рис. 1. Динамика российского регионального инновационного индекса (РРИИ) в Уральском федеральном округе и регионе-лидере

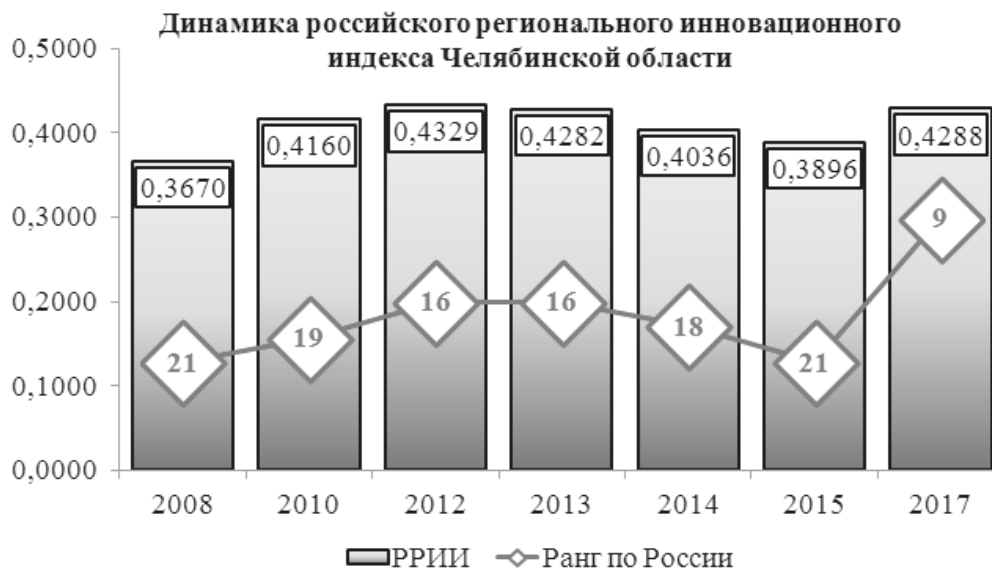

Рис. 2. Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) по Челябинской области за период 2008—2017 гг.

Таблица 2

Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) и субиндексы в Уральском федеральном округе и регионе-лидере по итогам 2017 г.

Регион	Индекс/субиндекс					
	РРИИ	ИСЭУ	ИНТП	ИИД	ИКИП	ИЭА
Свердловская область	0,4570	0,4810	0,4929	0,3767	0,5009	0,4017
Челябинская область	0,4288	0,4659	0,4173	0,3061	0,4947	0,4416
Тюменская область	0,3739	0,4567	0,4888	0,3404	0,2034	0,3428
Курганская область	0,2593	0,4007	0,2717	0,1773	0,2231	0,1362
ХМАО	0,3294	0,4653	0,3489	0,2052	0,3182	0,2246
ЯНАО	0,2994	0,4766	0,3554	0,2059	0,1973	0,1561
Регион-Лидер	0,5378	0,5519	0,6004	0,5702	0,6424	0,5629

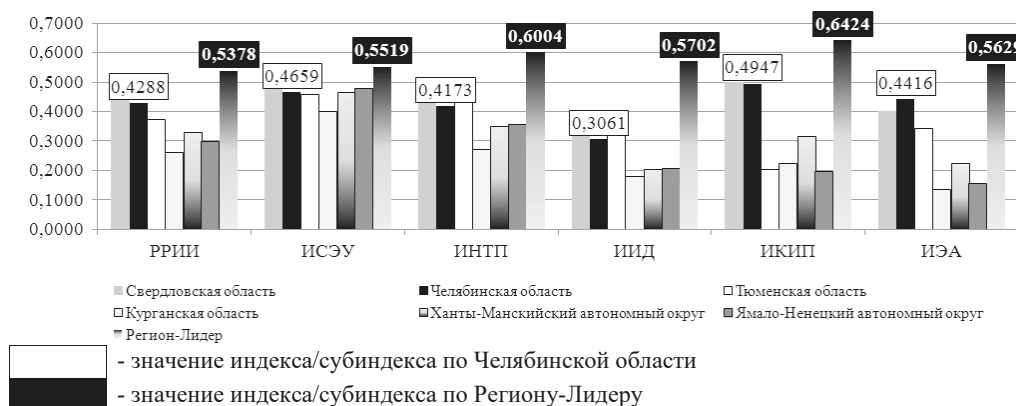

Рис. 3. Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) и субиндексы в Уральском федеральном округе и регионе-лидере по итогам 2017 г.

Российской Федерации в том числе: Свердловская область, ЯНАО, Челябинская область, ХМАО — Югра и Тюменская область. Наибольшее число регионов — лидеров по параметрам социально-экономических условий инновационной деятельности — сосредоточено в Уральском федеральном округе — 38,5 % [11].

Динамика ИСЭУ по Челябинской области представлена на рис. 4. За десятилетие инновационного развития по данному направлению ранг увеличился на 12 позиций и составляет 9 на 2017 г. Кроме того, наблюдается устойчивый положительный тренд развития по социально-экономическим условиям. Это обусловлено множеством факторов.

ВРП в расчете на одного занятого в экономике Челябинской области составляет 778,213 тыс. руб.¹

В Челябинской области 65 организаций выполняют научные исследования и разработки, действуют 30 образовательных организации высшего образования с чи-

сленностью 109,9 тыс. человек, 63 профессиональных образовательных организации с численностью 61,1 тыс. человек. Уровень трудоустройства выпускников ПОО составил 68,3 %; выпускников системы высшего образования, трудоустроенных по специальности — 80 %. К особенностям научной сферы Челябинской области относится значительное присутствие в ней высшей школы. Доля вузов, занимающихся научными исследованиями, включенных в список научных организаций и учреждений Челябинской области, составляет 62 %. ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» стал единственным вузом — соучредителем Международной ассоциации энергетических университетов — из числа университетов национального Проекта 5-100 и впервые вошел в рейтинг лучших университетов мира (QS World University Rankings)².

² О результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2018 год : итоговый отчет министерства образования и науки Челябинской области. URL: <http://minobr74.eps74.ru/LegalActs/Show/8931> (дата обращения: 12.01.2020).

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019 : стат. сб. М. : Росстат, 2019. 1204 с.

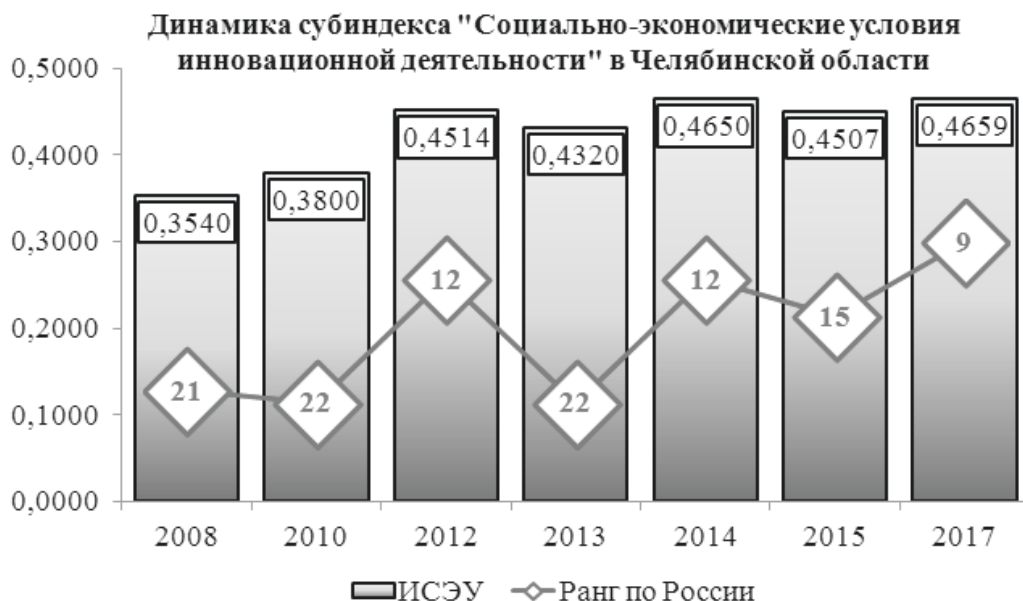

Рис. 4. Индекс Челябинской области по блоку «Социально-экономические условия инновационной деятельности» за период 2008—2017 гг.

Показатель охвата молодежи образовательными программами высшего образования (рассчитанный как отношение численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, к численности населения в возрасте 17—25 лет) по итогам 2018 г. равен 2,4 % (2017 г. — 2,7 %). Минобрнауки РФ ежегодно увеличивает количество бюджетных мест для студентов, поступающих на технические специальности (45 % из общего количества)¹.

Стоит отметить расширение применения цифровых технологий в сфере образования. Программы высшего образования в сфере информационных технологий реализует 5 образовательных организаций и программы среднего профессионального образования 27 образовательных организации. 82,3 % домохозяйств имеют выход в глобальную сеть, в том числе в городской местности — 82,4 %, в сельской местности — 82,0 %. По показателю «число абонентов фиксированного широкополосного доступа в сеть Интернет на 100 человек населения» регион занимает 10-е место по России (23,5 абонента на 100 человек населения) и 1-е место по Уральскому федеральному округу. Таким образом, ИСЭУ выступает резервом инновационного развития Челябинской области².

¹ О результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2018 год...

² Отчет губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Че-

Субиндекс «Научно-технический потенциал»

Субиндекс «Научно-технический потенциал» показывает развитие публикационной и патентной активности, исследований и разработок, финансовых и кадровых ресурсов, разработку передовых производственных технологий.

Динамика ИНТП по Челябинской области представлена на рис. 5. За десятилетие инновационного развития по данному направлению субиндекс вырос на 23,46 %, однако ранг по России только 22 на 2017 г., но тем не менее область относится к группе II (отставание от региона-лидера 30,5 %).

По итогам 2017 г. Челябинская область имеет следующие показатели³: доля затрат на исследования и разработки в ВРП составляет 1,66 %; затраты на исследования и разработки на одного исследователя — 19,667 млн руб./чел.; доля занятых в сфере исследований и разработок 0,88 %; патентная активность — 255,5 ед./млн. чел.; количество организаций выполнявшие научные исследования и разработки — 62 ед.; разработка передовых производственных технологий — 65,49 ед./млн. чел.

Челябинской области в 2018 году. URL: https://mineconom74.ru/sites/default/files/imceFiles/user-329/otchet_gubernatora_dlya_zso_za_2018_god.pdf (дата обращения: 23.01.2020).

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019...

Рис. 5. Индекс Челябинской области по блоку «Научно-технический потенциал» за период 2008—2017 гг.

По показателю подготовки аспирантов и докторантов Челябинская область стабильно занимает второе место в УФО после Свердловской. Однако, учитывая тенденцию старения научно-технических кадров (97,7 % от общего числа докторов наук в России старше 40 лет, а среди кандидатов наук — только 4,1 % моложе 30 лет¹), это представляется недостаточным и актуализирует необходимость инвестиций в развитие инновационного потенциала. В связи с этим в Челябинской области за счет средств регионального бюджета осуществляется поддержка молодых остепененных ученых. С целью реализации научного и творческого потенциала студентов, аспирантов и молодых ученых вузов, становления и развития молодежного научного сообщества в Челябинской области при вузах формируются Советы молодых ученых.

Кроме того, актуальна проблема оттока квалифицированных кадров, в том числе занятых исследованиями разработками, из области по причине неблагоприятной экологической обстановки и невысокого уровня заработной платы по сравнению со Свердловской областью и многими другими регионами.

Таким образом, можно заключить, что в целом наблюдается незначительный рост научно-технического потенциала по Челябинской области.

¹ Наука. Технологии. Инновации: 2019 : кр. стат. сб. / Н. В. Горюдинова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др. М. : НИУ ВШЭ, 2019. С. 30.

Субиндекс «Инновационная деятельность»

Субиндекс «Инновационная деятельность» отображает всестороннюю оценку интенсивности процессов создания и внедрения процессных, организационных и маркетинговых инноваций в регионах Российской Федерации.

Динамика ИИД по Челябинской области представлена на рис. 6. По данному направлению наблюдается отрицательный тренд, наблюдается снижения субиндекса даже по сравнению с 2008 г. на 8,35 %. Ранг по России только 29 на 2017 г., при этом область относится к группе III (отставание от региона-лидера 46,32 %).

В Челябинской области в сфере разработки программного обеспечения и информационных технологий работает 2,6 тыс. СМСП, объем отгруженных товаров составил 9,4 млрд рублей (110 % к 2017 г.).

УФО имеет второй ранг по концентрации Наукоградов среди регионов РФ, поскольку только в Челябинской области находятся 5 городов, имеющих статус Наукограда РФ, в том числе 3 атомграда: Озерск, Снежинск, Трехгорный, а также комплексный Наукоград Миасс и монопрофильный — Усть-Катав [1].

Количество малых инновационных предприятий, созданных на базе ведущих вузов области, составило 71 по состоянию на 01.01.2019 г. На территории области работает 62 организации, которые занимаются

Рис. 6. Индекс Челябинской области по блоку «Инновационная деятельность» за период 2008—2017 гг.

инновационной деятельностью (научные исследования и разработки). По численности подобных организаций Свердловская область опережает Челябинскую на 43, %, которой в свою очередь уступает Курганская. По показателю численности сотрудников государственной научной сферы — 15 167 чел. — в Челябинской области не наблюдается значительной динамики за последние 10 лет¹.

В сравнении со Свердловской, на 2017 г. доля инновационной продукции в Челябинской области на 30 % ниже (7,2 %). Однако в 2018 г. наблюдается снижение данного показателя в обеих областях. По сравнению с регионами-конкурентами Челябинская область занимает второе место по инновационности продукции.

Субиндекс «Качество инновационной политики»

Субиндекс «Качество инновационной политики» отображает качество нормативно-правового регулирования инновационной деятельности, наличие развитой инновационной инфраструктуры, объемы бюджетной поддержки науки и инноваций, вовлеченность регионов в научно-техническую и инновационную политику страны.

Динамика ИКИП по Челябинской области представлена на рис. 7. По данному направ-

¹ Отчет губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2018 году...

лению наблюдаются существенные колебания и несоответствие значения субиндекса рангу по годам. Несмотря на снижение субиндекса и рангов в 2014—2015 гг., к 2017 г. ситуация заметно улучшилась, этому послужили значительные изменения в инновационной политике Челябинской области. Поэтому ранг по России равен 12 на 2017 г., при этом область относится к группе II (отставание от региона-лидера 22,99 %).

С целью развития инновационной инфраструктуры в Челябинской области созданы и успешно функционируют:

1. Для имущественной поддержки начинающего бизнеса: областной инновационный бизнес-инкубатор и 3 инновационных бизнес-инкубатора: в Магнитогорске, Снежинске, Озерске. На их площадях размещено 104 «стартапа» с общей численностью работников 310 человек. Общий объем выручки резидентов бизнес-инкубаторов за 2018 г. составил 104,3 млн руб. Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере: Минэкономразвития Челябинской области в соответствии с соглашением о сотрудничестве постоянно ведет работу по повышению вовлеченности инновационных предприятий в конкурсы Фонда.

По итогам 2018 г. в области профинансирована реализация инновационных проектов на сумму 159 млн руб. по программам Фонда.

2. Для апробации идей и реализации проектов в 2018 г. действовал инновационный

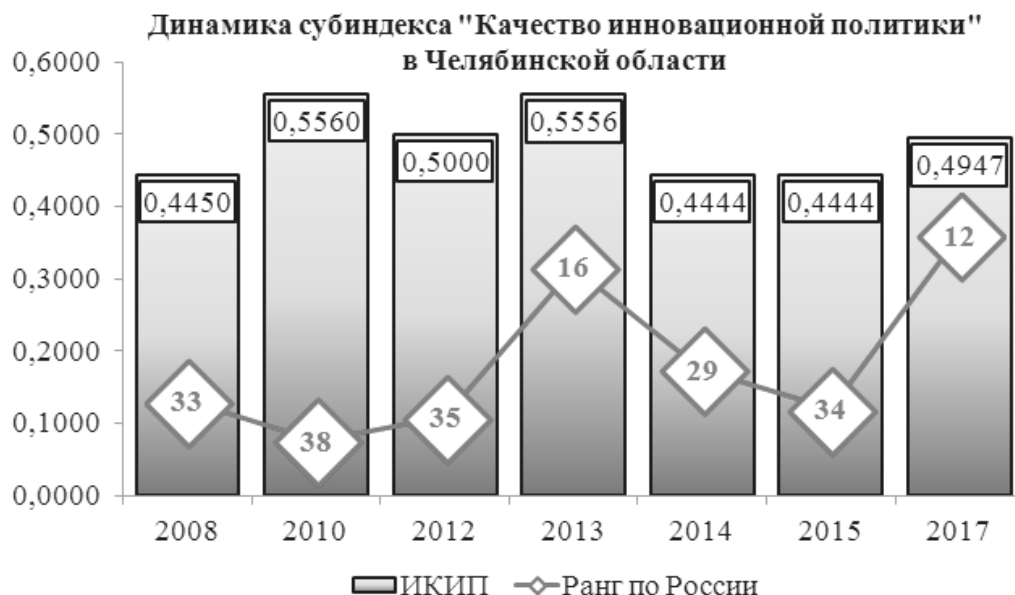

Рис. 7. Индекс Челябинской области по блоку «Качество инновационной политики» за период 2008—2017 гг.

технопарк ЗАО «Челябинский завод технологической оснастки». С 2016 г. ведет работу технопарк в сфере высоких технологий ООО «Технопарк «Робототехника».

13.03.2018 г. заключено соглашение между Челябинской областью и Федеральной службой по интеллектуальной собственности «Роспатент» в целях развития изобретательской и инновационной деятельности в регионе.

В Челябинске 4-й год работает ИТ-парк, который стал центром притяжения инновационных мыслей и идей. Его уникальность в том, что он создан частным инвестором при поддержке АО «РВК» без финансирования со стороны областного бюджета. Сегодня ИТ-парк — это 11 постоянных резидентов, более 500 млн руб. ежегодной выручки, 2500 кв. м площадей; 14 стартапов, прошедших акселерацию (набор 3—4 компаний каждые полгода). Работает детский технопарк «Инженерика», в феврале 2018 г. открыт региональный оператор «Сколково» и региональная «Точка кипения». Практически в ежедневном режиме проходят мероприятия, в том числе с участием АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» (АНО «АСИ»). В декабре 2018 г. ИТ-парк открыл в Челябинске второе отделение регионального оператора «Сколково».

Челябинская область активно взаимодействует с федеральными институтами

развития: Фондом «Сколково»; АО «РОСНАНО», АО «РВК» и др. По итогам конкурса, объявленного АНО «АСИ» и АО «РВК», Челябинская область вошла в десятку субъектов Российской Федерации, где будет разрабатываться региональная модель Национальной технологической инициативы.

Челябинская область — один из первых регионов Российской Федерации, в котором законодательно установлены «налоговые каникулы», предусматривающие нулевую налоговую ставку для 32 впервые зарегистрированных ИП, осуществляющих деятельность в производственной, социальной или научной сферах.

На 01.01.2019 г. с начала действия закона «налоговыми каникулами» воспользовались 3245 ИП, в том числе: 693 ИП или 21,4 % — в научной сфере¹.

Субиндекс «Экспортная активность»

Субиндекс «Экспортная активность» добавлен только в 2019 г. и отражает позиции регионов на международных рынках и их участие в международном интеллектуальном обмене, в том числе зарубежное патентование, трансфер технологий и обучение иностранных студентов.

¹ Отчет Губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области в 2018 году...

Челябинская область по субиндексу ИЭА = 0,4416 находится на 16-м месте в рейтинге регионов России, входит в группу II (отставание от региона-лидера 21,55 %) и занимает по этому показателю лидирующие позиции в УФО (рис. 8).

По итогам 2017 г. Челябинская область имеет следующие показатели экспортной активности¹: экспорт товаров — 4970 млн долл. США; экспорт технологий и услуг технического характера — 10 392,6 млн долл. США.

Сопоставительный анализ значений субиндексов инновационного развития Челябинской области за период с 2008 по 2017 г. показал относительную сбалансированность субиндексов, в отличие от многих регионов России, где наблюдается чрезвычайно большой разрыв между рангами по РРИИ и тематическим субиндексам (см. рис. 9). Почти все субиндексы Челябинской области имеют положительный тренд, кроме субиндекса «Инновационная деятельность». В этих условиях инновационная политика Челябинской области требует содержательных изменений: усилия необходимо направлять не только на разработку, но и на обеспечение внедрения инновационных продуктов и технологий.

Социокультурные факторы инновационного развития

Инновационная деятельность помимо экономических, технологических, институциональных, социальных факторов в определенной степени детерминирована и социокультурными особенностями — доминирующими ценностями и установками людей. Ценности и поведенческие уста-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019...

новки влияют в том числе и на отношение человека к предпринимательству, к новым технологиям.

Социокультурные факторы могут стать как драйвером инновационной активности населения, так и барьером для его формирования и развития, что важно учитывать при разработке и реализации инновационной политики.

В рамках данной статьи для получения более объемной характеристики инновационного развития Челябинской области воспользуемся результатами социологических исследований, проведенных Челябинским филиалом РАНХиГС в 2011—2012 гг. и в 2014 г.², а также АО «Российская венчурная компания» и Институтом национальных проектов в 2018 г. Поскольку анализ РРИИ учитывает статистические данные с 2008 по 2017 г. (по некоторым показателям включая и 2018 г.), то вполне обоснованным представляется отсылка к данным социологических исследований в пределах этого периода. Кроме того, учитывая довольно высокую инерционность ценностной составляющей жизни общества, сравнение результатов исследований в пределах десятилетия показывает не столько динамику, сколько устойчивую специфику доминирующих ценностей территориальной общности.

В 2019 г. АО «РВК» и Институт национальных проектов представили результаты исследования ценностей жителей 10 регионов

² Исследование в Челябинской области, реализованное лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС, включает стандартизированный опрос населения по методике ЦИСИ ИФ РАН (июль 2011 г., июль 2014 г., выборка — 1000 человек), экспертный опрос (июль — август 2012 г., выборка — 150 человек), серию глубинных интервью (июль-август 2012 г., 120 интервью)

Рис. 8. Субиндекс «Экспортная активность» в Уральском федеральном округе и регионе-лидере по итогам 2017 г.

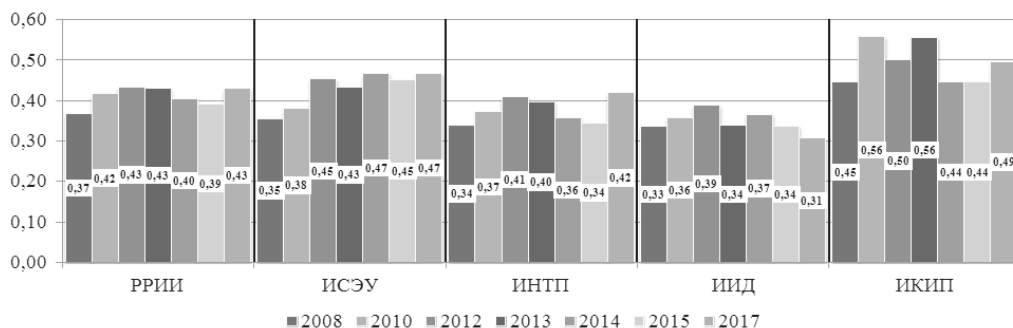

Рис. 9. Динамика индексов/субиндексов инновационного развития Челябинской области за период 2008—2017 гг.

России¹, включая Челябинскую область. В основе анализа социокультурного профиля — методика Гирта Хофстеде (модификация VSM-2013), в соответствии с которой фиксируется уровень проявления таких ценностных ориентаций, как маскулинность (напористость), дистанция власти, долгосрочность ориентации, индивидуализм, избегание неопределенности, гедонизм (потворство желаниям) [17]. Авторский коллектив исходит при этом из результатов международных исследований, которые показывают стимулирующее влияние определенных социокультурных особенностей на инновационную активность населения. Это низкое избегание неопределенности, высокий индивидуализм, высокое обобщенное доверие, низкая дистанция власти, высокая долгорочная ориентация. Из перечисленных пяти особенностей для российского социокультурного профиля свойственна только одна — достаточно высокая долгорочная ориентация, т. е. нацеленность на получение каких-либо наград в будущем, упорство, бережливость [12].

Возможные «точки опоры» инновационной и технологической политики в Челябинской области (наряду с Москвой, Красноярским краем, Калужской, Новгородской, Ростовской, Ульяновской областями) — относительно высокие значения индивидуализма (готовности действовать самостоятельно) и более позитивное отношение к новым продуктам. Перевес в пользу самостоятельности в сравнении со склон-

¹ Общероссийский опрос (2036 респондентов) и опрос в 10 регионах исследования (6028 респондентов; не менее 600 респондентов на регион) проведен в октябре — ноябре 2018 г. методом телефонного интервью по квотной стратифицированной выборке по заказу АО «РВК». Сбор и первичная обработка данных — компания «Ipsos-Comcon». URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/14a/RVC_attitudes_to_technologies_report.pdf.

ности к патернализму у населения Челябинской области отмечался и по результатам экспертного опроса, проведенного в 2012 г. Челябинским филиалом РАНХиГС [16, с. 197—198].

Ценности индивидуализма обычно сопряжены с чувством независимости и частной инициативы, личная выгода ставится выше общественного блага. Это влечет за собой готовность обходить правила, и с этой точки зрения высокая степень индивидуализма рассматривается как фактор инновационной активности. Значение ценности индивидуализма для Челябинской области зафиксировано на уровне чуть выше медианного по 10 регионам, вошедших в выборку (рис. 10). Доля южноуральцев, согласившихся с суждением «Я стараюсь поступать по-своему, даже если это может вызвать недовольство в моем окружении», составила 66 % (максимум — 71 % в Москве). Готовность потреблять новые товары (согласие с суждением «Вы сразу попробуете новый товар или услугу по крайней мере один раз») характерна для 83 % опрошенных жителей Челябинской области (при среднем значении по 10 регионам в 82 %).

Основные социокультурные препятствия для инновационного развития в Челябинской области — сравнительно высокое значение дистанции власти, сравнительно низкое доверие региональным и муниципальным властям и более сдержанное отношение к предпринимательству.

Высокий уровень дистанции власти отражает ориентацию людей на жесткие иерархические структуры, характеризует отношения по модели «начальник — подчиненный», что является барьером на пути активных стратегий экономического поведения. Уровень дистанции власти для Челябинской области соответствует медианному значению по 10 регионам, вошедшим в выборку (рис. 10).

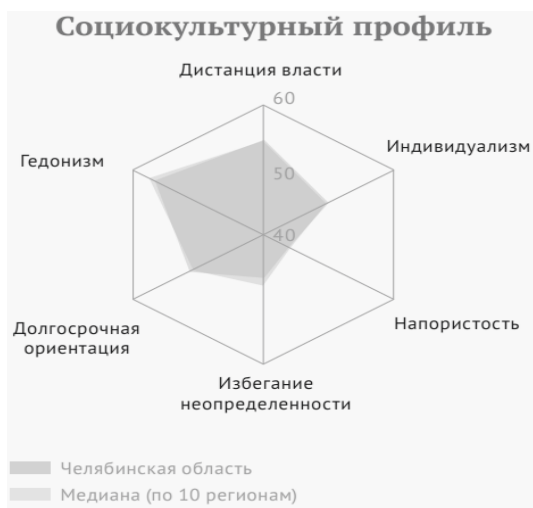

Рис. 10. Социокультурный профиль Челябинской области [12]

Доверие южноуральцев органам власти характеризуется следующим образом: доверяют Правительству РФ 50% опрошенных (максимум — 61 % в Калужской области), региональным органам власти — 43 % (максимум — 54 % в Якутии), муниципальным органам власти — 37 % (максимум — 52 % в Якутии). Исследователи отмечают статистически значимую связь: чем выше дистанция власти, тем ниже доверие региональным властям. С точки зрения реализации инновационных программ это может означать их невысокую прогнозируемую эффективность на региональном и муниципальном уровнях.

Доля респондентов, которые предполагали в течение следующих 3 лет организовать новый бизнес, в Челябинской области составила 26 % (при 30 % в Ульяновской области и 23 % в Новгородской). Среди мужского населения готовы к предпринимательской деятельности 39 % опрошенных, среди женщин — 16 %. При этом 84 % южноуральских респондентов согласились с утверждением, что «открытие своего дела — хороший карьерный выбор». Другими словами, отношение к предпринимательству положительное, но готовность к открытию своего бизнеса невысокая, что препятствует проявлению инновационной активности населения.

В 2011 и в 2014 г. на основе стандартизированного опроса был рассчитан коэффициент соотношения ценностей изменения и сохранения — $K_{ис}$ [5] — для населения Челябинской области. Значение коэффициента в 2011 г. — 1,11, что больше указывает на стремление южноуральцев к изменению,

чем к стабильности, а в 2014 г. — 1,01, что можно охарактеризовать практически как баланс современных и традиционных ценностей [14; 15; 16, с. 197—198]. В 2012 г. зафиксировано следующее экспертное мнение: население Челябинской области ориентировано скорее на традиции, чем на инновации (59 % против 16 %), на предсказуемость, чем на риск (46 % против 21 %), на порядок, чем на свободу (45 % против 21 %). Большинство экспертов (39 %) оценивали уровень инновационной культуры в регионе как средний, т. е. обозначается желание создавать и внедрять инновации, однако чаще это декларации, чем реальная практика.

Заключение

Если рассматривать перспективы инновационного развития Челябинской области, то они представляются благоприятными, поскольку область наряду со Свердловской областью и Ханты-Мансийским автономным округом вошла в первую группу рейтинга по индексу готовности к будущему. Отмечена технологическая ориентированность региональных стратегий Свердловской и Челябинской областей, кроме того, эти области получили высокие оценки ориентированности стратегических документов с научно-технологической и инновационной тематикой.

Однозначно говорить о готовности населения к активной инновационной деятельности пока не приходится. Вторичные социологические данные исследований по разным методикам в целом дают похожие

результаты — стремление к индивидуализму и позитивное отношение к новому, что можно зафиксировать на уровне деклараций со стороны населения. Однако эти заявления существенно реже подтверждаются реальной инновационной активностью. Поэтому доминирующие ценности и установки населения требуют дополнительного изучения. Безусловно, ценности и поведенческие установки нельзя назвать доминирующим фактором инновационного развития. Тем не менее их учет в комплексе с другими факторами жизнедеятельности региона позволяет формулировать более обоснованные решения в рамках реализации инновационной стратегии.

1. Буторина О. С. Анализ инновационной активности Челябинской области // Социум и власть. 2015. № 3 (53). С. 99—107.

2. Буторина О. С., Рыльская Е. А. Развитие жизнеспособности будущих менеджеров в процессе проектирования инновационных стартапов // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Часть II : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. [19—20 ноября 2018 г.] / под ред. Ю. П. Поваренкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 97—99.

3. Земцов С., Барина В. Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65—81.

4. Кузнецов И. Рейтинговый успех регионов определяется качеством инновационной политики // Экономика и жизнь. 2017. № 24 (9690). URL: <https://www.eg-online.ru/article/348351> (дата обращения 10.01.2020).

5. Регионы в России: Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / под общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М. : Academia, 2009. С. 792—793.

6. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации : аналитический доклад / под ред. Л. М. Гохберга. М. : Высш. шк. экономики, 2012. 104 с.

7. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации : Выпуск 2 / под ред. Л. М. Гохберга. М. : Высш. шк. экономики, 2014. 88 с.

8. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 3 / под ред. Л. М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2015. 248 с.

9. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вы-

пуск 4 / под ред. Л. М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2016. 248 с.

10. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / Г. И. Абдрахманова, П. Д. Бахтин, Л. М. Гохберг и др. ; под ред. Л. М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2017. 260 с.

11. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин и др.; под ред. Л. М. Гохберга. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.

12. Социокультурные факторы инновационной активности населения : [исслед. отчет] / Е. В. Антонов, А. А. Аузан, В. А. Брызгалин и др. М. : Ин-т нац. проектов; Рос. венчур. компания, 2019. 124 с. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/14a/RVC_attitudes_to_technologies_report.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

13. Тамбовцев В. Л. Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 70—94.

14. Терещук Е. А. Социокультурные особенности региона: ценностные ориентации населения Челябинской области // Социум и власть. 2014. № 6. С. 33—38.

15. Терещук Е. А., Иванов О. П., Зырянов С. Г. Инновационные аспекты развития индустриальной модернизации Уральского региона (Челябинская область) // Проблемы социокультурной модернизации регионов России : кол. моногр. / под ред. Н. И. Лапина. Л. А. Беляевой. М. : ИФ РАН, 2013. С. 266—287.

16. Челябинская область: социокультурный портрет : монография / под общ. ред. С. Г. Зырянова. Челябинск : Челяб. филиал РАНХиГС, 2013. 288 с.

17. Hofstede G., Minkov M. Values Survey Module 2013. URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf> (дата обращения: 14.01.2020).

18. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations. Beverly Hills : Sage Publications, 2001.

References

1. Butorina O.S. (2015) *Socium i vlast'*, no. 3 (53), pp. 99—107 [in Rus].

2. Butorina O.S., Ryl'skaja E.A. (2018) *Razvitie zhiznesposobnosti budushhih menedzherov v processe proektirovaniya innovacionnyh startapov // Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti. Chast' II. Jaroslavl'*, RIO JaGPU, pp. 97—99 [in Rus].

3. Zemcov S., Barinova V. (2016) *Voprosy jekonomiki*, no. 10, pp. 65—81 [in Rus].

4. Kuznecov I. (2017) *Jekonomika i zhizn'*, no. 24 (9690). Available at: <https://www.eg-online.ru/article/348351>, accessed 10.01.2020 [in Rus].
5. Regiony v Rossii: sociokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste (2009). Moscow, Academia, pp. 792—793 [in Rus].
6. Rejting innovacionnogo razvitija sub"ektov Rossijskoj Federacii (2012). Iss. 1. Moscow, Vysshaja shkola jekonomiki, 104 p. [in Rus].
7. Rejting innovacionnogo razvitija sub"ektov Rossijskoj Federacii (2014). Iss. 2. Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki», 88 p. [in Rus].
8. Rejting innovacionnogo razvitija sub"ektov Rossijskoj Federacii (2015). Iss. 3. Moscow, NIU VShJe, 248 p. [in Rus].
9. Rejting innovacionnogo razvitija sub"ektov Rossijskoj Federacii (2016). Iss. 4. Moscow, NIU VShJe, 248 p. [in Rus].
10. Rejting innovacionnogo razvitija sub"ektov Rossijskoj Federacii (2017). Iss. 5. Moscow, NIU VShJe, 260 p. [in Rus].
11. Rejting innovacionnogo razvitija sub"ektov Rossijskoj Federacii (2020). Iss. 6. Moscow, NIU VShJe, 264 p. [in Rus].
12. Antonov E.V., Auzan A.A., Bryzgalin V.A., Voronenko V.A., Zolotov A.V., Nikishi-na E.N., Pripuzova N.A., Truhachev S.A. (2019) Sociokul'turnye faktory innovacionnoj aktivnosti naselenija. Moscow, Institut nacional'nyh proektov; Rossijskaja venchurnaja kompanija, 124 p. Available at: https://www.rvc.ru/upload/iblock/14a/RVC_attitudes_to_technologies_report.pdf, accessed 10.01.2020 [in Rus].
13. Tambovcev V.L. (2018) *Voprosy jekonomiki*, no. 9, pp. 70—94 [in Rus].
14. Tereshhuk E.A. (2014) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 33—38 [in Rus].
15. Tereshhuk E.A., Ivanov O.P., Zyrjanov S.G. (2013) Innovacionnye aspekty razvitija industrial'noj modernizacii Ural'skogo regiona (Cheljabinskaja oblast') // Problemy sociokul'turnoj modernizacii regionov Rossii. Kollektivnaja. Moscow, IF RAN, pp. 266—287 [in Rus].
16. Cheljabinskaja oblast': sociokul'turnyj portret (2013). Chelyabinsk, Chelyabinskij filial RANHiGS, 288 p. [in Rus].
17. Hofstede G., Minkov M. Values Survey Module 2013. Available at: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf>, accessed 14.01.2020 [in Eng].
18. Hofstede G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations*. Beverly Hills, Sage Publications [in Eng].

For citing: Butorina O.S., Tereschuk E.A.
Comprehensive analysis of the innovative
development dynamics
of the Chelyabinsk region //
Socium i vlast'. 2020. № 1 (81). P. 59—73.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-59-73.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-59-73

UDC 332.124; 658.1

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT DYNAMICS OF THE CHELYABINSK REGION

Olga S. Butorina,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics and Management,
Cand.Sc. (Engineering),
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: ya-bos@mail.ru

Ekaterina A. Tereschuk,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics and Management,
Cand.Sc. (Sociology),
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: etereshook@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is focused on a comprehensive analysis of the dynamics of the regional innovation system development of the Chelyabinsk region in comparison with other Russia's regions. The aim of the study is to draw up the Chelyabinsk region's individual profile in dynamics, detailing the results for all innovative development indicators and making it possible to identify the features of the region's innovative system.

Methods. The analysis of the Chelyabinsk region's innovative development is based on the methodology — a system of quantitative and qualitative indicators of the regions' innovative development proposed in 2010 by the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (ISSEK) of the Higher School of Economics of the National Research University (NRU HSE). In addition, the authors present

the results of analyzing the socio-cultural profile of a number of the Russian Federation's regions using G. Hofstede's methodology of VSM-2013. In the research process, the authors used static and dynamic analysis methods, an index method, a graphical method, and a desk research method. The empirical information base of the study is the data from the Federal State Statistics Service, NRU HSE, JSC "Russian Venture Company" (JSC RVC), and secondary sociological data.

The scientific novelty of the study. The ranking of innovative development of the Russian Federation's constituent entities, published annually by the Higher School of Economics, presents individual regional profiles for a maximum of 2 years. In this study, we compiled an individual profile of the Chelyabinsk region's innovative development in dynamics over the period from 2008 to 2017 in comparison with the leading regions of the Ural Federal District. The profile of the Chelyabinsk region, in addition to statistical indicators, is also characterized by sociocultural factors of innovative activity.

Conclusions. A comparative analysis of the sub-indexes values of the Chelyabinsk region's innovative development for the period from 2008 to 2017 showed the sub-indexes relative balance, in contrast to many regions of Russia, where there is an extremely large gap between the ranks according to the Regions' Innovative Development Ranking and thematic sub-indexes. Almost all Chelyabinsk regions' sub-indexes have a positive trend, except for the "Innovation Activities" sub-index. In these conditions, the Chelyabinsk region's innovation policy requires substantial changes: efforts must be directed not only to development, but also to ensure implementing innovative technology products. From the view point of sociocultural factors, the drivers of innovative activity of the Chelyabinsk region's population can be relatively high values of individualism and a fairly positive attitude to new products. Prospects for the Chelyabinsk region's innovative development are favorable. The authors underline scientific, technological and innovative orientation of the Chelyabinsk region's strategy.

Key concepts:

innovation,
innovative development,
Russian regional innovation index,
regional economy,
socio cultural profile.

Для цитирования: Бурянина О. А.

Основные направления государственного регулирования и поддержки инновационной деятельности предприятий (на примере Челябинской области) // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 74—89. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-74-89.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-74-89

УДК 338.24

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Бурянина Оксана Александровна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, кандидат экономических наук. Российская Федерация, 454071, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26. E-mail: buba.79.79@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассмотрена система государственного регулирования инновационной деятельности, раскрыты формы поддержки инновационного бизнеса.

Цель. Данная статья посвящена проблеме совершенствования методов государственного регулирования инноваций и поддержки инновационных предприятий в Челябинской области.

Методы. Для написания данной статьи использовались экономическая аналитика, статистико-экономический метод для сбора и обработки показателей системы инновационного развития регионов, сравнительный метод — сравнение показателей в среднем по Российской Федерации, Уральскому федеральному округу и Челябинской области.

Научная новизна. Рассмотрены проблемы развития инновационных предприятий; современные механизмы поддержки инновационной деятельности предприятий Челябинской области с точки зрения их эффективности; проанализирован опыт перспективных инновационных регионов и оценены возможности применения данного опыта в субъекте РФ. Государственное регулирование и поддержка инновационной деятельности рассмотрены в контексте реализации национальных и региональных проектов.

Результаты. В статье обозначены проблемы, которые существуют при регулировании государством инновационной деятельности. Также описаны и рассмотрены меры государственной поддержки и стимулирования инновационного предпринимательства на примере Челябинской области, а также проанализированы показатели инновационного развития предприятий Челябинской области в сравнении с другими регионами Уральского Федерального округа за 2005—2018 гг.

Выводы. На основании анализа автор приходит к выводу о необходимости совершенствования организационного механизма регулирования инновационной деятельности на уровне Челябинской области, в области налоговой и финансовой поддержки инновационных предприятий, развития инновационной инфраструктуры. Соответствующие выводы представлены с опорой на факты и проведенное исследование о развитии инновационной деятельности в Челябинской области.

Ключевые понятия:

инновационные предприятия, механизмы государственной поддержки, технологические инновации, инновационная инфраструктура, налоговые льготы.

Введение

Государственное регулирование инновационной деятельности — это комплексное воздействие государственных органов власти на деятельность инновационных предприятий, а также на внешнее окружение с целью качественного изменения воспроизводственного процесса, обеспечения благоприятной экономической, социальной среды для ведения бизнеса.

Государственное регулирование инновационной деятельности в стране и в субъектах Российской Федерации осуществляется посредством формирования государственной инновационной политики и законодательной основы ее реализации.

Основными направлениями государственного регулирования на уровне субъектов Российской Федерации выступают:

- создание специальных структур, проводящих политику в данной сфере (на уровне регионов специальными органами являются министерство экономического развития, департамент по развитию инновационной и предпринимательской деятельности, министерство промышленности и науки);
- определение основных направлений государственной инновационной политики и мер по ее реализации;
- финансирование инновационной деятельности;
- осуществление амортизационной и налоговой политики, направленной на стимулирование инновационной деятельности.

Основным инструментом государственного регулирования инновационной деятельности выступает государственная поддержка инновационных предприятий.

Согласно Федеральному закону № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» государственная поддержка инновационной деятельности — совокупность мер, принимаемых органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации в целях создания необходимых правовых, экономических и организационных условий, а также стимулов для юридических и физических лиц, осуществляющих инновационную деятельность¹.

¹ О науке и государственной научно-технической политике : Федеральный закон от 23.08.1996

Государственное регулирование инновационной деятельности должно сочетаться с эффективным функционированием конкурентного рыночного инновационного механизма, защитой интеллектуальной собственности [3, с. 120].

Недостаточная поддержка инноваций, неразвитость инновационной инфраструктуры и инструментов коммерциализации приводит к низкому спросу на инновации, а также избыточному перекосу в сторону закупки готового оборудования за рубежом в ущерб внедрения собственных новых разработок [21, с. 45].

Методы и материалы

Информационной базой для исследования послужил официальный сайт Федеральной службы государственной статистики; инновационный портал Уральского федерального округа; рейтинги инновационных регионов России, разработанные Ассоциацией инновационных регионов России, и т. д. Использовалась экономическая аналитика, статистико-экономический метод для сбора и обработки показателей системы инновационного развития регионов, сравнительный метод для сравнения данных показателей в среднем по Российской Федерации, Уральскому федеральному округу и Челябинской области.

Развитие инновационной деятельности Российской Федерации в большей мере определяют ее регионы, среди которых есть регионы — лидеры инновационной активности, регионы-середняки и отстающие регионы. Именно от инновационного развития регионов будет зависеть конкурентоспособность всего государства на мировом рынке, его устойчивость в достижении стратегических задач, стоящих перед обществом.

Среди регионов Российской Федерации по итогам 2018 г. Челябинская область занимает: 3-е место — по производству мяса скота и птицы; 5-е место — по производству яиц; 6-е место — по объему отгруженной продукции в обрабатывающих производствах; 15-е место — по обороту розничной торговли; 15-е место — по объему ввода жилья; 25-е место — по объему инвестиций в основной капитал².

№ 127-ФЗ (ред. от 26.07.2019). URL: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 09.10.2019).

² Об утверждении «Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года» : Постановление Законодательного Собрания Челябинской области от 31.01.2019 № 1748 // Законодательное Собрание Челябинской

Область обладает значительным производственным, трудовым и научным потенциалом, разнообразной ресурсной базой, развитой инфраструктурой и выгодным транспортно-географическим положением, уникальными природно-климатическими условиями [4, с. 99].

Вместе с тем негативными тенденциями в экономическом и инновационном развитии Челябинской области являются структура экономики с преобладаем металлургического производства, недостаток инвестиций в инфраструктурные отрасли, необеспеченность производственной инфраструктуры региональной сырьевой базы, большое количество закупаемого оборудования [9, с. 116].

В современных условиях развития российской экономики можно наблюдать значительную конкуренцию между областями за инвестиционные ресурсы. В результате среди субъектов Уральского Федерального округа Челябинская область в 2018 г. заняла 3-е место по объему инновационной продукции.

Удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженной продукции по Уральскому федеральному округу представлена в табл. 1.

В Челябинской области доля инновационной продукции в 2018 г. сократилась с 7,2 до 6,2 %, в то время как Тюменская область плавно повысила свой инновационный потенциал и к 2018 г. занимает лидирующие позиции. Снижение данного показателя обусловлено экономическим кризисом 2014—2015 гг., санкциями по отношению к предприятиям Челябинской области, уменьшением объема поддержки инвесторов и неэффективными мерами государственной поддержки органами исполнительной власти. URL: <https://zs74.ru> (дата обращения: 09.09.2019).

нительной власти. В Стратегии развития инновационной деятельности в Челябинской области до 2020 г. данный показатель был запланирован на 2015 г. по модернизационному сценарию на уровне 12,5 % и в 2020 г. — на уровне 15 %; по прогрессивному сценарию — 13 и 17,0 % соответственно. Следовательно, можно сказать, что данный индикатор к 2020 г. вряд ли будет выполнен.

Если рассматривать объем продукции по видам экономической деятельности, то можно сказать, что по данным за 2017 г. в Челябинской области обрабатывающим производством было произведено инновационной продукции на сумму 74 614,1 млн руб. из них 64 502,6 — это металлургическое производство (86,4 %), а производство компьютеров, IT-технологий — на 653,4 млн руб. (0,8 %).

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в Уральском федеральном округе, представлен в табл. 2.

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в Челябинской области, в 2017 г. по сравнению 2016 гг. вырос с 6,2 до 7,8 %. Данный показатель выше, чем в среднем по Уральскому федеральному округу и в среднем по Российской Федерации. В Стратегии развития инновационной деятельности в Челябинской области до 2020 г. данный показатель был запланирован на 2015 г. по модернизационному сценарию на уровне 10,5 % и в 2020 г. — на уровне 11,5 %; по прогрессивному сценарию — 11,5 и 13,5 % соответственно. Исходя из динамики данного индикатора, можно сказать, что показатель доли предприятий, осуществлявших технологические инновации, к 2020 г. также не будет выполнен.

Созданная российской властью система стимулов серьезно продвинула науку и увеличило количество производственных

Таблица 1

Удельный вес инновационных товаров в общем объеме отгруженной продукции по Уральскому федеральному округу, проценты*

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Российская Федерация	4,8	6,3	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2	6,5
Уральский федеральный округ	2,2	2,7	2,1	2,6	2,3	2,7	4,4	5,2	4,3
Челябинская область	2,4	3,0	5,9	8,0	4,6	5,2	3,4	7,2	6,2
Тюменская область	0,5	0,5	0,6	0,9	3,1	3,0	15,8	17,8	19,5
Курганская область	3,8	3,2	3,0	3,9	2,6	3,6	2,7	3,6	3,2
Свердловская область	5,8	5,8	4,1	6,4	5,8	7,3	8,4	10,3	6,9
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,9	2,2	0,3	0,2	0,3	0,3	0,4	0,5	0,4
Ямало-Ненецкий автономный округ	1,4	1,5	1,3	0,0	0,0	0,2	0,1	0,0	0,0

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 1162 с.

Таблица 2

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в общем числе обследованных организаций по Уральскому федеральному округу, проценты*

Регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	7,9	8,9	9,1	8,9	8,8	8,3	7,3	7,5
Уральский федеральный округ	9,6	9,8	9,0	8,0	7,1	6,7	6,5	7,3
Челябинская область	8,4	9,5	9,8	8,0	7,6	8,1	6,2	7,8
Тюменская область	10,1	10,4	7,9	8,4	9,0	9,0	9,0	9,9
Курганская область	12,0	12,0	8,9	6,5	4,4	4,0	3,8	4,1
Свердловская область	12,4	10,9	11,3	10,2	8,8	7,8	7,8	8,5
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	6,7	7,5	5,6	5,6	3,8	3,6	4,5	4,7
Ямало-Ненецкий автономный округ	6,6	7,4	7,2	4,7	7,3	6,3	6,8	7,0

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 1162 с.

разработок в Челябинской области. В реестре инновационных проектов и разработок зарегистрировано более 120 передовых производственных технологий, что укрепляет научный потенциал региона (табл. 3).

По количеству разработанных передовых производственных технологий лидирует Челябинская область (122 производственные технологии из 236 по Уральскому федеральному округу)

Динамика использования передовых производственных технологий за 2005—2017 гг. говорит о невысокой эффективности использования. Данный показатель незначительно повысился по сравнению с остальными лидерами УФО. Челябинская область на 2-м месте (используемых передовых технологий — 7036) (табл. 4).

Необходимо отметить, что такая область, как Свердловская, создает больше передовых производственных технологий, чем Челябинская, так как эффективность труда исследователей значительно выше, чем в среднем по России.

Затраты на технологические инновации в Челябинской области представлены в табл. 5.

Таким образом, затраты на технологические инновации в Челябинской области практически сравнялись с докризисным годом и составили 28 327 млн руб. За исследуемый период изменилась структура затрат по видам инновационной деятельности. Положительным фактором является увеличение затрат на исследования и разработку новых продуктов, что составило в 2018 г. 63,4 % всех затрат на технологические инновации (в 2013 г. данные затраты составили всего 28,6 %); затраты по покупке готовых машин и оборудования напротив сократились: в 2018 г. удельный вес составил 58,5 %, в 2018, соответственно — 24,9 %. За исследуемый период по-прежнему остается низким удельный вес средств, направленных на приобретение новых технологий, маркетинговые исследования, из года в год уменьшаются затраты на обучение и подготовку персонала.

Одним из показателей, по которому можно говорить об эффективности затрат на инновационную деятельность, является объем инновационной продукции на рубль затрат на технологические инновации (табл. 6).

Таблица 3

Разработанные передовые производственные технологии, ед.*

Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Уральский федеральный округ	80	100	144	144	173	182	204	254	236
Челябинская область	15	37	49	56	73	96	92	121	122
Курганская область	3	—	—	6	12	—	—	—	—
Свердловская область	31	52	86	74	71	59	90	99	85
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	11	—	—	2	3	1	—	—	1
Ямало-Ненецкий автономный округ	—	1	4	1	4	16	13	22	12
Тюменская область без АО	20	10	5	5	10	10	9	12	16

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 1162 с.

Таблица 4

Используемые передовые производственные технологии, ед.*

Регион	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Уральский федеральный округ	13 801	27 416	23 648	24 720	23 746	22 832	24 161	26 786	28 588
Челябинская область	3059	5154	5801	5808	5685	5891	6331	7000	7306
Тюменская область	1339	3057	1422	14831	145	1527	1809	2084	2273
Курганская область	677	836	835	966	995	1106	963	1727	1684
Свердловская область	6420	13 246	10 337	10704	9595	9050	9697	10 379	10 662
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	1209	1495	1484	1839	2049	1328	1309	1969	2309
Ямало-Ненецкий автономный округ	1097	3628	3769	3920	3971	3930	4052	3627	4354

* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 1162 с.

Таблица 5

Затраты на технологические инновации в Челябинской области за 2013—2018 гг.*

	2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Затраты предприятий на технологические инновации	27 118,7	100,0	24 190,4	100,0	6154,2	100	19 391,6	100	21 614,5	100	28 327	100
затраты на разработку инновационных продуктов, технологических процессов	7749	28,6	4622,6	19,1	855,9	13,9	1417,9	7,3	10494,6	48,6	17 969,5	63,4
затраты на дизайн	—	—	—	—	—	—	—	—	1560,3	7,2	24,7	0,1
затраты на приобретение готовых машин и оборудования	15 870,2	58,5	14 918,9	61,7	3767,7	61,2	12 079,1	62,3	6406,2	29,6	7051,4	24,9
затраты на приобретение новых технологий	19,1	0,1	14,1	0,1	33,7	0,5	888,6	4,6	21,7	0,1	36,3	0,1
затраты на приобретение программных средств	49	0,2	102,8	0,4	62,6	1,0	241,8	1,2	273,2	1,3	407,8	1,4
инжиниринг	859,3	3,2	2606,8	10,8	244,5	4,0	3518,7	18,1	636,8	2,9	1053,3	3,7
обучение персонала	301	1,1	9,2	0,0	16,4	0,3	13,5	0,1	55,8	0,3	8,7	0,0
маркетинговые исследования	1,7	0,0	0,7	0,0	3,5	0,1	1,4	0,0	2,4	0,0	363,4	1,3
прочие затраты	2269,4	8,4	915,3	3,8	1169	19,0	1230,6	6,3	2163,5	10,0	1411,9	5,0

* Статистический ежегодник по Челябинской области : стат. сб. Челябинск : Челябинскстат, 2018. 494 с.

Таблица 6

Эффективность затрат инновационных предприятий на технологические инновации в Челябинской области*

	Объем реализации инновационных товаров, млн руб.	Затраты на технологические инновации, млн руб.	Эффективность затрат инновационных предприятий (инновационная продукция на один рубль затрат), руб.
2014 год, всего	47 602,6	24 190,4	1,9
металлургическое производство	36 075,4	5741,5	6,2
2016 год, всего	38 935,7	19 391,6	2,0
металлургическое производство	13 275,1	3324,9	3,9
2017 год, всего	103 405,8	21 614,5	4,7
металлургическое производство	64 502,6	2954,5	21,8
2018 год, всего	100 355,7	28 626,4	3,5

* Статистический ежегодник по Челябинской области : стат. сб. Челябинск : Челябинскстат, 2018. 494 с.

Объем инновационной продукции на рубль затрат на технологические инновации в Челябинской области в 2018 г. составил 3,5 рубля, что ниже уровня 2017 г., но выше уровня 2014—2016 гг. Данный показатель для металлургического производства за рассматриваемый период гораздо выше, что говорит об эффективности инновационной деятельности данной отрасли.

В современных условиях развития государственное регулирование инновационной деятельности отечественных предприятий необходимо по ряду причин: более высокий риск осуществления производственно-хозяйственной деятельности по сравнению с другими сферами; большая неопределенность при получении научно-технических результатов; длительный инновационный процесс от идеи до коммерциализации инновационного продукта.

По мнению В. В. Реймер, необходимость регулирования инновационных процессов со стороны государства определяется следующими факторами: «интенсивными факторами экономического роста, структурой потребления благ, глобальной конкурентоспособностью национальных экономик, научно-техническим прогрессом» [20, с. 55].

Основными функциями государственного регулирования инновационной деятельности предприятий, по мнению О. В. Никулиной, выступают «аккумулирующая функция, функция определения приоритетов, правовая, стимулирующая, кадровая, инфраструктурная, информационная, международная» [13, с. 4].

Государственное регулирование инновационной деятельности в научной литературе понимается в различных аспектах.

Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что государственное регулирование инноваций — это форма комплексного, целевого воздействия государственных органов власти на инновационную сферу в целях разработки инновационной политики, формирования и поддержки различных инновационных процессов, которые должны сопровождаться эффективными изменениями. Другие исследователи понимают под государственным регулированием специальные воздействия госорганов с помощью различных инструментов и регуляторов, направленных на развитие страны и региона [8; 9; 11]; третьи ученые понимают под государственным регулированием механизм реализации государственной инновационной политики, направленной на интересы институтов инновационной сферы (инновационные пред-

приятия, инновационная инфраструктура и т. д.) [7; 17].

В этом вопросе можно согласиться с мнением Л. Г. Головача, который под государственным регулированием инновационной сферы понимает совокупность используемых государством методов нормативно-правового, инфраструктурного, экономического, организационного, финансового воздействия [5, с. 38].

Основным инструментом государственного регулирования инновационной деятельности выступает государственная поддержка инновационных предприятий.

Государственная поддержка инновационной деятельности предприятий представляется как на федеральном, так и на региональном уровне.

Основными формами государственной поддержки являются следующие основные направления:

- 1) финансовая поддержка (предоставление субсидий, грантов, льготных кредитов и поручительств);
- 2) налоговая поддержка (налоговое регулирование в части освобождения или уменьшения налоговой нагрузки на инновационное предпринимательство, пониженные тарифы страховых взносов);
- 3) имущественная поддержка (предоставление помещений под производственные и офисные цели по льготной ставке арендной платы);
- 4) производственно-техническая поддержка (создание технопарков, индустриальных парков, инновационных кластеров, технополисов, бизнес-инкубаторов, способствующих успешному функционированию инновационного предпринимательства и коммерциализации инноваций);
- 5) информационная поддержка (создание федеральных, региональных информационных систем с целью обеспечения доступа инновационных предприятий к информации о государственных программах);
- 6) консультационная поддержка (создание организаций, оказывающих консультационные услуги, учебно-методологическая и научно-методическая помощь субъектам инновационного предпринимательства);
- 7) поддержка экспорта инновационной продукции.

Государственные бюджетные средства также предоставляются в форме участия в уставном капитале предприятия, при этом

образуется организация с государственным участием (государственно-частное партнерство). Полученные средства могут направляться на осуществление инновационной деятельности и на расширенное воспроизводство.

Функционирование инновационного предпринимательства должно происходить в комплексном взаимодействии не только инновационных регуляторов воздействия, но и при действии других механизмов, напрямую не связанных с поддержкой инноваций, таких как создание благоприятного инвестиционного климата, политика в сфере поддержки конкуренции, таможенное регулирование, инструменты поддержки малого и среднего бизнеса и т. д.

Государственное регулирование и поддержка инновационной деятельности должны рассматриваться в контексте реализации национальных и региональных проектов.

Национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» предусматривается предоставление субсидий из федерального бюджета ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» на предоставление грантов СМП на создание и разработку инновационной продукции. Национальный проект структурирован таким образом, чтобы предложить необходимые меры поддержки предпринимателя на каждом этапе жизненного цикла развития бизнеса: появление идеи начать бизнес, далее регистрация и помощь в получении доступного финансирования, имущественная поддержка. Объем финансирования по национальному проекту за все годы реализации проекта должен составить 28,754 млрд руб. По годам финансирование будет осуществляться неравномерно. Наибольший объем финансирования предусмотрен в 2019 г. (4,5 млрд руб.), далее наблюдается уменьшение объемов финансирования: в 2020 г. предусмотрено 0,225 млрд руб., в 2021 — 1,7125 млрд руб. и только в 2022 г. предусмотрено увеличение финансовых средств до 9,0625 млрд руб.¹ Количество инновационных субъектов малого предпринимательства также будет по

¹ Об утверждении «паспорта национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»: Постановление Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 № 16 // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/projects/selection/738> (дата обращения: 01.12.2019).

годам сокращаться. Если в 2019 г. количество СМП, получивших гранты от государства, должно быть не менее 207 организаций, то в 2021 г. — всего 88 предприятий.

В Челябинской области в рамках реализации национального проекта разработан региональный проект. Нужно сказать, что прямой поддержки именно инновационных предприятий в региональном проекте не предусмотрено. Но в структуре региональной составляющей национального проекта «Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию» предусмотрено предоставление субсидий Фонду развития предпринимательства Челябинской области «Территория Бизнеса» на развитие из средств областного бюджета для предоставления поручительства по банковским кредитам в размере 297 916,6 тыс. руб. (по 50 млн руб. ежегодно) и предоставление микрозаймов в размере 956 896,5 тыс. руб.² Данные мероприятия по поддержке малого предпринимательства также должны оказать влияние и на инновационный бизнес. В структуре региональной составляющей национального проекта «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» предусматривается развитие инновационной инфраструктуры, а именно необходимость создания в Челябинской области новых промышленного парков, в том числе в сфере высоких технологий и агропромышленного производства, с применением механизмов государственно-частного партнерства, что абсолютно оправдано, так как Челябинская область, обладающая большим инновационным и промышленным потенциалом, в отличие от других субъектов РФ имеет недостаточное количество объектов инновационной инфраструктуры. Также региональным проектом предусмотрено организация оказания комплекса услуг, сервисов и мер поддержки субъектов МСП в центрах оказания услуг для бизнеса, в том числе финансовых (кредитных, гарантийных, лизинговых), что должно способствовать развитию инновационного предпринимательства.

В целях совершенствования государственного управления инновационным развитием субъектов Российской Федерации

² Паспорт региональной составляющей национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Министерство экономического развития Челябинской области. URL: <https://mineconom74.ru> (дата обращения: 01.12.2019).

практически во всех регионах разработаны стратегии развития. В Челябинской области такими документами являются: «Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года», «Стратегии развития инновационной деятельности в Челябинской области до 2020 года», «Инвестиционная стратегия Челябинской области до 2010 года». В целях повышения эффективности инновационной деятельности предприятиями области разработаны законы: «О стимулировании инновационной деятельности в Челябинской области», «О снижении ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков».

Федеральным законом от 27.06.2018 № 160-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О промышленной политике в Российской Федерации”» определены правовые основы деятельности промышленных технопарков.

Согласно «Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года», одной из основных задач является повышение экономической и инвестиционной активности, модернизация базовых отраслей экономики, опережающее развитие высокотехнологических отраслей промышленности и сервисной экономики, создание условий для роста числа предприятий и объемов производства высокотехнологичной и инновационной продукции¹.

Распоряжением губернатора Челябинской области от 07.02.2018 г. № 106-р был создан «Индустриальный консультативный совет при губернаторе Челябинской области», в состав которого включены представители государственных органов власти, а также генеральные директора крупных предприятий региона и их заместители, представители технопарковых структур, ректоры Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова» и «Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета)». Главной целью создания индустриального совета является помощь инновационным предприятиям в производстве новых продуктов, основанных на современных технологиях, создание благоприятного инвестиционного и инновационного климата.

¹ Об утверждении «Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года»: Постановление Законодательного Собрания Челябинской области от 31.01.2019 № 1748 // Законодательное Собрание Челябинской области. URL: <https://zs74.ru> (дата обращения: 09.09.2019).

Одним из основных методов решения на государственном уровне приоритетных задач является областная целевая программа «Экономическое развитие и инновационная экономика Челябинской области». Основные задачи государственной программы — создание благоприятной предпринимательской среды для ведения бизнеса, развитие механизмов поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и инвестиционное развитие Челябинской области.

Следует сказать, что в данной программе недостаточно отражены плановые индикаторы, которые отражают инновационное развитие экономики региона. В частности, нет целевых показателей, отражающих уровень развития инновационного потенциала региона: удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг и т. д.

До этой программы в субъектах Российской Федерации задачи в области инноваций и поддержки инновационной деятельности решались целевыми программами «Развитие инновационной деятельности». В Челябинской области, как и в других регионах, данная программа начала реализовываться с 2005 г. и разрабатывалась на каждые 2 года. Многие мероприятия из этих целевых программ выполнены не были, программные индикаторы не достигнуты, что доказывает низкую эффективность реализации данных мер государственной поддержки.

Следует сказать, что в Челябинской области не разработан закон «Об инновационной деятельности», между тем такие законы есть в перспективных инновационных субъектах Российской Федерации, например в Томской области и Пермском крае.

В 2005 г. в регионе был принят областной закон «О стимулировании инновационной деятельности в Челябинской области». Данным законом определены цели и задачи органов государственной власти Челябинской области в сфере развития инноваций и инновационного процесса, а также механизмы стимулирования инновационной активности.

Данным законом определены субъекты инновационной деятельности, а также налоговые льготы бизнес-инкубаторам, резидентам инновационных технопарков, управляющим компаниям и т. д.

Так, система налоговых льгот, предоставляемых субъектам, занимающимся

инновационной деятельностью, включает себя налоговые льготы на трех уровнях: федеральном, региональном, местном уровне.

Льготы на федеральном уровне: налог на имущество организаций, налог на прибыль, НДС (налог на добавленную стоимость).

Все перечисленные налоговые льготы обладают общими признаками: эти льготы носят стимулирующий характер, предоставляются преимущественно в форме освобождения, реже в форме снижения налоговой ставки [19, с. 420].

Кроме перечисленных льгот налоговым кодексом также предусмотрена ускоренная амортизация (нелинейный метод) основных средств, освобождение от таможенных пошлин ввезенного оборудования, которому нет аналогов в Российской Федерации, предоставление резидентам ТОСЭР и ОЭЗ налоговых преференций, льготы по НДС.

В Челябинской области установлен пониженный размер ставки налога на прибыль в размере 13,5 % для управляющих компаний инновационных технопарков; для организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий; резидентов индустриального (промышленного) парка¹.

Налоговая ставка устанавливается в размере 0 % в течение первых пяти лет для организаций — резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, удовлетворяющих требованиям статьи 284.4 Налогового кодекса Российской Федерации, созданных в Челябинской области, и 10 % — в течение вторых пяти лет.

В Челябинской области существует льгота на налог на имущество организаций, которые являются резидентами индустриальных парков, технопарков (в ст. 381 НК РФ представлен список льгот по имущественному налогообложению организаций, которые действуют по всей стране).

Резиденты индустриальных парков также имеют льготы по земельному налогу. В Челябинской области не включены в перечень субъектов, занимающихся инновационной деятельностью, бизнес-инкубаторы, а также субъекты малого и среднего предпринимательства.

Установлены также льготы для субъектов, занятых инновационной деятельностью по страховым взносам в государственные внебюджетные фонды.

¹ О снижении налоговой ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков : закон Челябинской области от 28.11.2016 № 453-ЗО // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

Вместе с тем несовершенство отечественной налоговой системы проявляется в таких аспектах: сложность налогового регулирования; необоснованная неравномерность налоговой нагрузки на субъекты ведения хозяйства [11, с. 2].

Большое значение для укрепления инновационного потенциала Челябинской области явилось создание территорий опережающего экономического развития. За 2017—2019 гг. данный статус получили: «Бакал», «Верхний Уфалей», «Озерск» и «Снежинск», и «Миасс» 19 апреля 2019 г. также был признан ТОСЭР. К сожалению, по разным причинам, резидентов ТОЭСР в Челябинской области на 2019 г. — 13 предприятий: Бакал (пять резидентов), Верхний Уфалей (четыре), Снежинск (два) и Озерск (два). Одной из основных причин, по мнению предпринимателей Челябинской области, являются сложности с представлением большого количества документации для предоставления статуса резидента ТОСЭР, претендент должен предоставить бизнес-план своей предпринимательской деятельности. Кроме этого, основными требованиями к резиденту ТОСЭР являются: минимальный объем инвестиций в течение одного года 2,5 млн рублей и количество созданных рабочих мест — 10. Налоговые льготы, которые получают резиденты ТОСЭР, весьма значительны: освобождение от налога на прибыль, от уплаты налога на имущество и на землю, а также уменьшение ставки на обязательным платежам.

Анализ финансирования инновационной деятельности предприятий Челябинской области показал, что основным источником инноваций является собственные средства предприятий (табл. 7).

Как показывает анализ данных ежегодного статистического сборника Челябинской области, собственные средства организаций, используемые для финансирования инновационной деятельности, сокращаются. Из-за недостатка финансовых ресурсов на покупку оборотных средств, а также для простого воспроизводства предприятиям Челябинской области не хватает ресурсов на создание инновационных продуктов и технологий. Предприниматели в большей степени предпочитают получить безвозвратные средства из федеральных и региональных бюджетов, нежели тратить на это собственные ресурсы. Крупные проекты, охватывающие полный цикл работ, становятся для отечественных предприятий все более дорогостоящими и недоступными. Увеличение средств из федерального

Таблица 7

Затраты на технологические инновации по источникам финансирования*

Источники финансирования	2013		2014		2016		2018	
	млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%	млн руб	%
Собственные средства организаций	12 606,6	71,3	8762,0	36,2	16 558,9	85,4	9091,0	32,1
Федеральный бюджет	1082,2	2,0	730,8	3,0	2080,6	10,7	17 546,6	61,9
Фонды поддержки научной, научно-инновационной деятельности	—		—		—		19,2	0,1
Бюджет субъекта РФ и местные бюджеты	—		—		—		107,7	0,4
Иностранные инвестиции	—		—		—		2,9	0,0
Прочие	13 411,8	49,4	14 694,3	60,8	738,4	3,8	1559,6	5,5
Всего	27 118,7	100	24 190,4	100	19 391,6	100	28 327,0	100

* Статистический ежегодник по Челябинской области : стат. сб. Челябинск : Челябинскстат, 2018. 494 с.

бюджета в 2018 г. на финансирование инновационной деятельности привело к изменению структуры финансирования (удельный вес федерального бюджета составил 61,9 %).

Одним из проблем являются проблемы с финансированием инновационной деятельности, которые испытывают малые предприятия. По мнению С. Л. Парфеновой и А. В. Грибовского, основные причины недоступности государственной финансовой поддержки для инновационных предприятий — это, во-первых, узость выбранных приоритетных направлений науки и техники (многие предприятия, осуществляющие инновации, не входят в этот набор государственных приоритетов); во-вторых, ориентированность господдержки в основном на инновационные предприятия, которые осуществляют полный инновационный цикл производства продукции (от разработки и инжиниринга до выпуска готовой продукции) [16, с. 74].

Одной из основных мер государственного регулирования инновационного развития предприятий в регионах выступает прямая финансовая поддержка инновационных проектов. Основными инструментами такой поддержки выступают фонды. Так, Фондом содействия инновациям в Челябинской области в 2018 г. было профинансировано инновационных проектов на сумму 159 млн руб. Финансирование инновационных предприятий осуществлялось по конкурсу по программам «Умник», «Старт», «Коммерциализация» и «Развитие НТИ». Совместно с АО «РОСНАНО» реализуются 2 проекта с ООО «Русский кварц» и ООО «Энтерно» (выпуск соединительных деталей трубопроводов с использованием наноструктурированных материалов).

Количество профинансированных инновационных проектов за 2015—2018 гг. представлено в табл. 8.

Как показывает анализ, количество выигранных конкурсов инновационных проектов уменьшается с каждым годом, а по программе «Коммерциализация» в 2018 г. не прошло конкурс ни одно инновационное предприятие Челябинской области. Положительным фактором является увеличение инновационных проектов по программе «Старт», а также объемов финансирования реализации проектов Фондом содействия инновациям.

С 2018 г. появился новый конкурс ««Международные программы», который направлен на поддержку российских организаций, участвующих в выполнении инновационных проектов в рамках двусторонних международных программ сотрудничества.

На сайте министерства экономического развития Челябинской области представлены проекты производственных предприятий в сфере технологических инноваций и в сфере нанотехнологий. Данная информация размещена с целью поиска инвестиционных ресурсов инновационных проектов. Так, крупные проекты в области технологических инноваций представлены компаниями: ООО «НТЦ УКМ», ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ООО «Русская приборостроительная корпорация «Системы управления», ООО «Синтез», ООО «ВИКА-ГАЛ». Проекты в области нанотехнологий реализуются ПАО «Челябинским трубопрокатным заводом», ООО «ЭТЕРНО», ООО «РУССКИЙ КВАРЦ», ОАО «Магнитогорский метизно-калибровочный завод «ММК-МЕТИЗ» и др. Анализ финансовой обеспеченности предлагаемых инновационных проектов показывает очень невысокий процент собственных средств, большая часть инновационных предприятий рассчитывает на крупные инвестиционные вливания.

Одной из важнейших задач поддержки инновационных предприятий Челябинской

Количество профинансированных инновационных проектов за 2015—2018 годы*

Программы Фонда содействия инновациям	2015		2016		2017		2018	
	Количество проектов, шт.	Объем финансирования, млн руб.	Количество проектов, шт.	Объем финансирования, млн руб.	Количество проектов, шт.	Объем финансирования, млн руб.	Количество проектов, шт.	Объем финансирования, млн руб.
Программа «Умник»	40	16	31	6	31	6,2	24	12
Программа «Старт»	7	6	5	11	3	6	10	26
Программа «Развитие НТИ»	4	48	2	35	1	19	5	98
Программа «Коммерциализация»	5	37,2	1	10	-	-	2	23
Всего	56	107,2	39	62	35	31,2	31	159

* Отчёт о реализации в 2018 году «Стратегии развития инновационной деятельности в Челябинской области до 2020 года» // Министерство экономического развития Челябинской области. URL: <https://mineconom74.ru> (дата обращения: 01.10.2019).

области власти региона видят в создании и развитии инновационной инфраструктуры. В настоящее время в Челябинской области созданы около 10 технопарковых структур. Наиболее значимыми являются ООО «Технопарк Новатор», ЗАО «Челябинский завод технологической оснастки». Для осуществления консалтинговой и инженерной поддержки инновационных предприятий создан «Региональный Центр инжиниринга».

В настоящее время в Челябинской области работают три индустриальных парка: «ММК — индустриальный парк»; индустриальный парк «Станкомаш»; «Малая Сосновка». Из-за проблем с коммуникациями индустриальный парк «Малая Сосновка» не работает в полную силу. Власти региона обещали достроить системы водоснабжения и водоотведения к 2020 г. С 2016 г. ведет работу технопарк в сфере высоких технологий ООО «Технопарк “Роботехника”».

Резиденты некоторых технопарковых структур представлены в табл. 9.

Нужно сказать, что для такого промышленного субъекта Федерации, как Челябинская область, такое количество объектов инновационной инфраструктуры крайне мало.

Сегодня у бизнеса возникает путаница, в каком фонде или центре можно получить консультационно-информационные услуги и содействие в привлечении федерального финансирования [8, с.132]. Необходимо комплексная и адресная поддержка инновационной инфраструктуры в различных направлениях: информацион-

ном, консультационном, обучающем, прогнозно-аналитическом, финансовом, имущественном [2, с. 62].

Различные меры государственной поддержки инновационной деятельности предприятий имеют разную эффективность. Министерствами экономического развития и департаментами экономики многих регионов проводятся опросы предприятий по поводу выбора наиболее приоритетных методов государственной поддержки. Так, инновационные предприятия многих регионов, в частности Воронежской области, выделяют приоритет государственной поддержки, заключающийся в стимулировании спроса на инновационную промышленную продукцию [17].

Большое значение в Челябинской области имеет образование промышленных кластеров (территориальных инновационных кластеров Челябинская область не имеет). В настоящее время в области создано четыре промышленного кластера. 1 октября 2019 г. Министерством промышленности и торговли РФ в реестр промышленных кластеров и специализированных организаций внесен южноуральский промышленный кластер специальной экипировки. Участники отобранных кластеров имеют право претендовать на возмещение за счет средств субсидий части затрат при реализации совместных проектов, инициаторами которых они выступают. Так, в 2019 г. губернатором Челябинской области подписан закон об инвестиционном налоговом вычете по налогу

Таблица 9

Резиденты индустриальных парков и технопарков Челябинской области*

Название	Основные резиденты
1. Индустриальный парк «Станкомаш»	8 резидентов: ООО «БВК», ООО «Станкомаш», ООО СП «Конар-Чимолаи», АО «Конор», ООО «Корнет», АО «ТНН», ЭТС, АО «РЕД»
2. Индустриальный парк «ММК-индустриальный парк»	12 резидентов: ООО «НПО Металлэнерго», ООО «СТАГМА», ООО «Химтек», ООО «Стальмонтаж», ЗАО «Магнитогорскгазстрой», ООО «Теплоприбор Экспресс Анализ», ООО «ММК Втормет», ООО «Металлист», ООО «Объединенная сервисная компания», ООО «Аксель Групп», ООО «Ремонтно-механический завод «ЭнергоПромМеталл», ООО «ИНТЕХПРОМ»
3. ООО «Технопарк Новатор»	9 резидентов: ООО «Прикладные технологии», ООО «ЭлМетро Групп», ООО «Русское небо», ООО «ИТК «ЭнергоСоюз», ООО «Специальная автоматика», ООО НТЦ «Мэлис» и др.
4. Инновационный технопарк ЗАО «Челябинский завод технологической оснастки»	8 малых предприятий, в ом числе ООО «ЧЕЛАВТОТРАНС», ООО ЗТА, ООО «Механик», ООО «Промэнерго и др.

* Составлено автором.

на прибыль, который дает преференции для резидентов промышленных кластеров [11].

Результаты

Таким образом, в результате анализа можно выделить следующие основные проблемы и направления совершенствования государственной поддержки инновационной деятельности.

Изучение показало наличие положительной динамики результативности финансово-экономических механизмов государственного стимулирования инновационной активности. Можно сказать, что в Российской Федерации в целом и в Челябинской области в частности создана инновационная система, основными элементами которой стали: нормативно-правовая база инновационной деятельности, инновационная инфраструктура, финансовые институты (фонды, венчурное финансирование, инвестиционные банки), система образования и научно-исследовательские институты, но созданные механизмы государственной поддержки все же нуждаются в совершенствовании.

Анализ федеральной государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» показал, что на стимулирование инновационного развития приходится только половина бюджета госпрограммы (50,2 %), в том числе на подпрограмму «Создание и развитие инновационного центра Сколково» (12,4 %) [1, с. 47].

Анализ содержания государственной программы «Экономическое развитие и

инновационная экономика Челябинской области» и эффективности ее реализации позволяет сделать следующие выводы: финансирование программы идет по таким направлениям (подпрограммам), как поддержка инвестиционного развития и предпринимательства, развитие международных и межрегиональных связей, поддержка предприятия экономики моногородов Челябинской области. Таким образом, в госпрограмме Челябинской области основной акцент сделан на поддержку инфраструктурных проектов общего назначения, а не инновационных проектов.

Необходимо приведение содержания и структуры государственных программ в соответствие основным положениям Указа Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» 2018 г.

В Челябинской области законодательно недостаточно разработаны механизмы государственной поддержки инновационной деятельности. В частности, в области не разработан закон «Об инновационной деятельности», между тем такие законы есть в перспективных инновационных субъектах Российской Федерации.

В настоящее время банковское кредитование инновационных проектов затруднено тем, что малые инновационные предприятия, находящиеся на посевных или начальных этапах своего развития, не в состоянии представить залоговое обеспечение. О наличии трудностей в получении кредитных

ресурсов свидетельствует увеличение объема выданных государственных гарантий для кредитования инновационной деятельности. Так, объем выданных АО «МСП Банк» гарантий малым и средним компаниям в период с января по июнь 2017 г. вырос в 4 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 5 млрд руб. [7, с. 46].

В Челябинской области необходимо совершенствовать организационный механизм поддержки и регулирования инновационной деятельности. Вопросы поддержки инноваций в субъекте курирует Министерство экономического развития РФ, между тем отдел по инновациям был упразднен в 2016 г. Таким образом, в настоящее время в Челябинской области не создан инновационный центр — координационный законодательный орган инновационной деятельности. Между тем, например, в перспективном инновационном регионе Республика Татарстан в министерстве экономики республики вопросы инноваций курирует Управление инвестиционной и инновационной деятельности (отдел инновационной деятельности). В Томской области вопросы государственной поддержки инновационной деятельности занимается целый Департамент по развитию инновационной и предпринимательской деятельности, в Тюменской области в Департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства включен отдел государственной поддержки инновационной деятельности. В Свердловской области вопросы инноваций курирует министерство промышленности и науки (отдел науки и инноваций). В 2019 г. в Челябинской области появилось министерство промышленности, новых технологий и природных ресурсов Челябинской области, которому, по всей видимости, по аналогии с Свердловской областью передадут функции государственной поддержки инновационной деятельности.

В области необходимо как увеличить количество предприятий (проектов), участвующих в конкурсах Фонда содействия инновациям, Фонда поддержки малого предпринимательства и других фондов, так и увеличить объем финансового обеспечения фондов. Для этого необходимо проработать механизмы организационной и консультативной поддержки начинающих инновационных предпринимателей.

В налоговой поддержке инновационного предпринимательства необходимо расширить перечень субъектов, имеющих право

на данную поддержку. Например, в льготы по земельному налогу можно включить в перечень субъектов, занимающихся инновационной деятельностью, бизнес-инкубаторы, а также субъекты малого и среднего предпринимательства.

Заключение

Таким образом, для совершенствования новаторской деятельности предприятий и улучшения их инновационного потенциала, а соответственно, обеспечения экономического роста Челябинской области необходимо согласованное участие всех элементов инновационной системы: государственных органов и ведомственных организаций, научно-технических фондов, инновационного предпринимательства, вузовского сектора и научно-исследовательских организаций, а также потребителей инновационной продукции.

Совокупная реализация мер по развитию в Челябинской области законодательной базы, регламентирующей осуществление инновационной деятельности, совершенствование налоговой поддержки инновационных предприятий и амортизационного стимулирования новаторской активности, дальнейшее развитие национальной инновационной инфраструктуры, формирование в стране и субъектах РФ полноценного работающего механизма венчурного финансирования призваны повысить качество и результативность инновационной политики Челябинской области.

1. Абдикеева Н. М., Тютюкина Е. Б., Богачев Ю. С., Морева Е. Л. Оценка эффективности финансово-экономических механизмов государственного стимулирования инновационной активности в России // *Финансы: теория и практика*. 2018. № 5. С. 40—48.

2. Антонюк В. С., Корниенко Е. Л., Шмидт А. В. Стимулирование инновационной активности в регионе (на примере Челябинской области) // *Экономика и управление: теория и практика*. 2018. Т. 4, № 4 (ч. 2). С. 58—66.

3. Адилбек У. Ж. Государственная поддержка инновационной деятельности // *Наука и инновационные технологии*. 2018. № 9 (9). С. 120—122.

4. Буторина О. С. Анализ инновационной активности Челябинской области // *Социум и власть*. 2015. № 3 (53). С. 99—107.

5. Головач Л. Г. Регулирование инновационных процессов в регионе / Л. Г. Головач, Г. А. Краюхин. СПб. : СПбГИЭА, 1997.

6. Дорош Н. В., Артеменко В. Б., Трещевская Н. Ю. Инновационное развитие региона: проблемы и решения (на примере Воронежской области) // Вестник ВГУ. Серия: экономика и управление. 2015. № 3. С. 92—102.

7. Зайцева Т. В., Симонян Л. Г. Механизм банковского участия в системе государственной финансовой поддержки инновационной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 2. С. 42—48.

8. Калашникова Ю. А., Пряхин Г. Н. Формирование и развитие инновационной инфраструктуры Челябинской области // Новые тенденции в развитии корпоративного управления и бизнеса : материалы Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2017. С. 130—136.

9. Кузина Г. В. Инновационное развитие: реалии и перспективы (на примере Челябинской области) // Экономика и политика. 2014. № 2 (3). С. 114—117.

10. Лясковская Е. А., Килина И. П. К вопросу управления инновационным развитием региона (на примере Челябинской области) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2014. Т. 8, № 3. С. 35—40.

11. Мамлеева Э. Р. Государственное регулирование инновационной деятельности // Наукосведение. 2016. Т. 8, № 3. С. 1—7. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/30EVN316> (дата обращения: 01.08.2019).

12. Минпромторг аккредитовал четвертый промышленный кластер в Челябинской области // Правительство Челябинской области URL: <https://pravmin74.ru> (дата обращения: 04.10.2019).

13. Никулина О. В., Крстовски Я. Я. Роль и значение государственной поддержки в финансовом обеспечении инновационной деятельности современных компаний // Инновационная экономика. 2019. № 1(53). С. 3—9.

14. Отчет губернатора Челябинской области о результатах деятельности Правительства Челябинской области за 2018 год // Министерство экономического развития Челябинской области. URL: <https://mineconom74.ru> (дата обращения: 05.10.2019).

15. Отчёт о реализации в 2018 году Стратегии развития инновационной деятельности в Челябинской области до 2020 года. // Министерство экономического развития Челябинской области. URL:

<https://mineconom74.ru> (дата обращения: 01.10.2019).

16. Парфенова С. Л., Грибовский А.В. Подход к оценке эффективности государственной поддержки малых инновационных предприятий в России // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 4 (22). С. 73—96.

17. Пигунова М.В. О формах государственной поддержки инновационных работ, выполняемых в ходе реализации инвестиционных проектов в отраслях промышленности // Наукосведение. 2015. Т. 7, № 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/21EVN415> (дата обращения: 01.10.2019).

18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 : стат. сб. М. : Росстат, 2018. 1162 с.

19. Рейтинг инновационных регионов России 2017 // АИРР. Ассоциация инновационных регионов России — 2018. URL: <http://i-regions.org/presssluzhba/novosti/rejting-innovacionnyh-regionovrossii-2017> (дата обращения: 01.10.2019).

20. Реймер В. В. Государственное регулирование инновационной деятельности // Дальневосточный аграрный вестник. 2014. № 3 (31). С. 54—57.

21. Тихонова А. Р. Система налоговых льгот, направленных на стимулирование инновационной деятельности в Челябинской области // Вопросы российской юстиции. 2019. № 6. С. 419—430. URL: <http://injust-journal.ru/2019/06/> с. (дата обращения: 01.10.2019).

22. Чистова М. В. Государственная поддержка инновационной деятельности (опыт регионов) // Вестник АГУ. 2017. Вып. 2 (200). С. 44—52.

References

1. Abdikeeva N.M., Tyutyukina E.B., Bogachev YU.S., Moreva E.L. (2018) *Finansy: Teoriya i praktika*, no. 5, pp. 40—48 [in Rus].

2. Antonyuk V.S., Kornienko E.L., Shmidt A.V. (2018) *Ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika*, vol. 4, no. 4 (part 2), pp. 58—66 [in Rus].

3. Adilbek U.Zh. (2018) *Nauka i innovacionnye tekhnologii*, no. 9 (9), pp. 120—122 [in Rus].

4. Butorina O.S. (2015) *Socium i vlast'*, no. 3 (53), pp. 99—107 [in Rus].

5. Golovach L. G., Krayuhin G. A. (1997) *Regulirovanie innovacionnyh processov v regione*. St. Petesburg, SPbGIEA [in Rus].

6. Dorosh N. V., Artemenko V. B., Treshchevskaya N. YU. (2015) *Vestnik VGU. Seriya: ekonomika i upravlenie*, no. 3, pp. 92—102 [in Rus].

7. Zajceva T.V., Simonyan L.G. (2018) *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Seriya: Ekonomika i upravlenie, no. 2, pp. 42—48 [in Rus].

8. Kalashnikova YU. A., Pryahin G. N. (2017) Formirovanie i razvitie innovacionnoj infrastruktury Chelyabinskoy oblasti // *Novye tendencii v razvitii korporativnogo upravleniya i biznesa. Yekaterinburg, Ural'skij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet*, pp. 130—136 [in Rus].

9. Kuzina G.V. (2014) *Ekonomika i politika*, no. 2 (3), pp. 114—117 [in Rus].

10. Lyaskovskaya E.A., Kilina I.P. (2014) *Vestnik YUUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment*, vol. 8, no. 3, pp. 35—40 [in Rus].

11. Mамлеева E.R. (2016) *Naukovedenie*, vol. 8, no. 3, pp. 1—7. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/30EVN31>, accessed 01.08.2019 [in Rus].

12. Minpromtorg akkreditoval chetvertyj promyshlennyj klaster v Chelyabinskoy oblasti. Available at: <https://pravmin74.ru>, accessed 01.08.2019 [in Rus].

13. Nikulina O.V., Krstovski Ya.Ya. (2019) *Innovacionnaya ekonomika*, no. 1 (53), pp. 3—9 [in Rus].

14. Otchet Gubernatora Chelyabinskoy oblasti o rezul'tatah deyatel'nosti Pravitel'stva CHelyabinskoy oblasti za 2018 god. Available at: <https://mineconom74.ru>, accessed 01.08.2019 [in Rus].

15. Otchyot o realizacii v 2018 godu Strategiya razvitiya innovacionnoj deyatel'nosti v Chelyabinskoy oblasti do 2020 goda. Available at: <https://mineconom74.ru>, accessed 01.08.2019 [in Rus].

16. Parfenova S.L., Gribovskij A.V (2016) *Nauka. Innovacii. Obrazovanie*, no. 4 (22), pp. 73—96 [in Rus].

17. Pigunova M.V. (2015) *Naukovedenie*, vol. 7, no. 4. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/21EVN415>, accessed 01.08.2019 [in Rus].

18. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2018. Moscow, Rosstat, 1162 p. [in Rus]

19. Rejting innovacionnyh regionov Rossii 2017 // AIRR. Associaciya innovacionnyh regionov Rossii — 2018. Available at: <http://i-regions.org/presssluzhba/novosti/rejting-innovacionnyh-regionovrossii-2017>, accessed 01.08.2019 [in Rus].

20. Rejmer V.V. (2014) *Dal'nevostochnyj agrarnyj vestnik*, no. 3 (31), pp. 54—57 [in Rus].

21. Tihonova A. R. (2019) *Voprosy Rossijskoj Yusticii*, no. 6, pp. 419—430. Available at: <http://injust-journal.ru//2019/06/s>, accessed 01.08.2019 [in Rus].

22. Chistova M.V. (2017) *Vestnik AGU*, iss. 2 (200), pp. 44—52 [in Rus].

For citing: Buryanina O.A. The main trends in state supporting enterprises innovative activities in the regional aspect (as exemplified by the Chelyabinsk region) // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (81). С. 74—89. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-74-89.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-74-89

UDC 338.24

THE MAIN TRENDS IN STATE SUPPORTING ENTERPRISES INNOVATIVE ACTIVITIES IN THE REGIONAL ASPECT (AS EXEMPLIFIED BY THE CHELYABINSK REGION)

Oksana A. Buryanina,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk Branch, Cand. Sc. (Economics),
The Russian Federation, 454071,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26,
E-mail: buba.79.79@mail.ru

Abstract

Introduction. The author considers state support for innovative activity, points out the forms of supporting innovative business.

The aim of the study. The article is focused on the problem of improving the methods of state regulation of innovations and supporting innovative enterprises in the Chelyabinsk region.

Methods. The author used economic analytics, a statistical and economic method for collecting and processing indicators of the system of innovative regional development, a comprehensive methodological approach to studying the innovative potential of a constituent entity of the Russian Federation, and a comparative method for comparing these indicators on average in the Russian Federation, the Ural Federal District and the Chelyabinsk region.

The information base for the study was the official website of the Federal State Statistics Service; innovation portal of the Ural Federal District; ratings of innovative regions of Russia developed by the Association of Innovative Regions of Russia, etc.

Scientific novelty of the study. The author considers the problems of innovative enterprises development; modern mechanisms to support the innovation activities of enterprises in the Chelyabinsk region in terms of their effectiveness; the author also analyzes experience of promising innovative regions and evaluates the possibilities of applying this experience in the region.

Results. The article outlines the problems that exist in the state regulation of innovation. The actions of state support and stimulation of innovative entrepreneurship are also described and considered as exemplified by the Chelyabinsk region, and the indicators of innovative development of the Chelyabinsk region's enterprises are compared with other regions of the Ural Federal District over the period of 2005—2018.

Conclusions. On the basis of the analysis, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the organizational mechanism for regulating innovative activities at the level of the Chelyabinsk region, in the field of tax and financial support for innovative enterprises, and the development of innovative infrastructure. Relevant conclusions are presented on the basis of the facts and the study on the innovative activity development in the Chelyabinsk region.

Key concepts:

innovative enterprises,
state support mechanisms,
technological innovations,
innovative infrastructure,
tax advantages.

For citing: Tillmanns M. How doing Philosophy with Children enhances Proprioception of Thinking and Emotional Intelligence // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (81). P. 90—95. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-90-95.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-90-95

UDC 101.8 + 101.9

HOW DOING PHILOSOPHY WITH CHILDREN ENHANCES PROPRIOCEPTION OF THINKING AND EMOTIONAL INTELLIGENCE

Tillmanns Maria daVenza,

University of California, San Diego, USA, PhD,
UC San Diego 9500 Gilman Dr. La Jolla, CA 92093
E-mail: davenza@sbcglobal.net

Abstract

The article is a more detailed consideration of the problems that were outlined in the first part of this study, "The Application of the Proprioception of Thinking in Doing Philosophy with Children" (*Socium and Power*, 2019, no. 4). This time, the author pays attention to the characterization of thinking as a process in the practice of philosophizing with children, justifying the effectiveness of this practice, which forms the awareness of actions and develops emotional intelligence. The author contrasts static abstract thinking with the dynamics of a tacit concrete process of thought. Philosophizing with children in a dialogue form completely engages in the thought process, focuses on the very thinking, which is constantly developing taking into account different points of view, is complicated and deepens the understanding on an emotional level.

Key concepts:

philosophy with children
proprioception
sensual and rational,
abstract thinking vs. implicit concrete thought
process,
emotional intelligence.

Introduction

Philosophy with children often focuses on abstract reasoning skills, but as David Bohm points out the "entire process of mind" consists of our abstract thought as well as our "tacit, concrete process of thought." Philosophy with children should address the "entire process of mind." Our tacit, concrete process of thought refers to *the process* of thought that involves our actions such as the process of thought that goes into riding a bicycle. Bohm contends that we need to develop an awareness or proprioception of thinking as well.

When Socrates enters into dialogue with his interlocutors, he equally shows the limitations of purely abstract thought by leading them to admit that they really "don't know." But, of course, they know. We know what bravery is or what love is, even though we can never "explain" these concepts in abstract terms. Life has taught us through experience what these concepts mean and we have developed an understanding of them. We can recognize when a person acts bravely.

This is where I see the link between our tacit, concrete process of thought and emotional intelligence. We need emotional intelligence to *learn how* to be brave, to *learn how* to love, and be just in the way we act in the world. Knowing what justice is abstractly does not make us act justly.

We have to develop awareness of our actions in order to develop the skills necessary to act the part. This is also where emotional intelligence comes in. In the bulletin of the play *Romeo and Juliet*, director Barry Edelstein wrote the following: "To perform Romeo and Juliet, actors need a series of skills... they must have the emotional and psychological awareness and openness of uncommon depth; they must listen with acuteness, they must possess an imagination of real suppleness and subtlety..." [5] An abstract portrayal would not bring these characters to life.

We can surely agree — abstractly — that racism is destructive, but still act racist, without being even slightly aware of it. So how do we become aware? In *The New York Times* article "The Big Business of Unconscious Bias," Nora Zelevansky addresses how traditional sensitivity training can not only be ineffectual but also breed resentment [9]. My contention is that while our abstract sense of racism has evolved, our tacit, concrete knowledge has not, which explains that racism is for the most part still rampant, even though we know abstractly that it is wrong.

So how do we educate and develop the awareness of the tacit, concrete knowledge that informs our actions, and develop the emotional intelligence to give a depth of understanding to what we know and believe abstractly.

Proprioception of Thinking

In *On Dialogue*, David Bohm makes the case that while proprioception is generally associated with body movement and the self-perception of body movement, it can also be made to apply to the "movement" of thinking: "Proprioception" is a technical term — you could also say "self-perception of thought," "self-awareness of thought," or "thought is aware of itself in action." Whatever terms we use, I am saying: thought should be able to perceive its own movement, be aware of its own movement. In the process of thought there should be the awareness of that *movement*, of the *intention* to think, and of the *result* which the thinking produces" [1, p. 79].

Proprioception refers to the physical knowledge acquired in the process of doing a particular activity, such as riding a bicycle. Likewise, Bohm suggests, we can become aware of our thinking in the process of thinking. For Bohm, to see the process of thinking as a "movement," of which we can become aware, opens the door to an understanding of thinking as a process we do with "our entire being." We are after all, thinking beings. And while we may not be aware of it, thinking also informs our emotions and actions on a tacit, concrete level. Is the thinking we do abstractly consistent, or as Bohm would say, "coherent" with the thinking that takes place on the tacit, concrete level of thought that informs our emotions and actions?

Imposing the abstract knowledge of knowing what it is to be brave does not enable one to be so. The question is: do we have the emotional depth of understanding to act bravely as well? Socrates makes this point as well indicating that philosophy is the art of *understanding* the nature of something, the nature of what it means to be courageous in *Laches*, or the nature of friendship in *Lysis*, with the notion that along with this deeper understanding you are able to act on what it means to be courageous or what it means to be a friend. He makes a clear distinction between knowledge and understanding. He understands the limitations of abstract knowledge and in that way knows that he does not know. In the *Symposium* he brings in Diotima who, at the hand of a myth, provides us an understanding of love, after everyone else has tried to define love abstractly [7].

Understanding does not have these limitations. The "openness of uncommon depth" at which we can understand something is endless. It is in constant movement and with every breath can become deeper and fuller. But how do we teach for this kind of "emotional and psychological awareness and openness of uncommon depth," so we can enact what we believe abstractly.

Developing Understanding through Proprioception

In other words, developing an understanding of what it means to act bravely has to take place in the tacit, concrete process of thought, which guides our actions. "This tacit, concrete process is *actual* knowledge... In the case of riding a bicycle, if you don't know how to ride, then the knowledge isn't right — the tacit knowledge is not coherent in the context of trying to ride the bike, and you don't have the intended result. The incoherence becomes clear — you fall when you want to ride. Physically, tacit knowledge is where the action is coming from. And physical change depends on changing the tacit response. Therefore, changing the abstract thought is one step, but unless it also changes the way the body responds, it won't be enough... You need the tacit knowledge which you get by *actually riding ...*" [1, p. 78-79] Tacit knowledge of racism, for example, has to be "coherent" in the context of knowing racism abstractly. To *tell* people not to be racist without teaching them how not to *act* racist changes little if anything.

Making children aware of themselves as thinking beings at a young age, when they are still predominantly operating from a tacit, concrete knowledge basis as opposed to one driven by abstract knowledge, is why doing philosophy with children is so crucial. Doing philosophy with children *engages* them as thinking beings and not solely as abstract (critical) thinkers. We engage children in the *process* of thinking.

Dr. Maria Montessori developed a method of teaching based on providing young children with concrete experiences of the teaching tools she devised from which they could then better understand abstract concepts. For example, some of her teaching tools give children sensory experiences of the alphabet, having children trace a letter 'a,' for example, made of sandpaper with their fingers while pronouncing the letter. She also created small bars of glass beads so children could feel the beads while counting them out loud. Essentially, she developed teaching tools, which served to educate the concrete, tacit process of thinking before introducing abstract concepts. In this way, children are actively engaged and emotionally engaged in the *process* of learning. In doing philosophy with children, children who think with their "entire being" are also actively engaged in the process of thinking, as a process.

The Importance of Doing Philosophy with Children

Philosophy with children dialogues *engages* children as *whole beings*. Children's opinions are

not solely abstract opinions; they are *lived* opinions. In the process, they experience that *they* matter; their thoughts and feelings are taken seriously, and as a result they learn to take themselves and their own thoughts and feelings seriously as well — they learn that they matter to themselves as well.

In our philosophy discussion groups, I always give children what I call “thinking time,” and allow the children to ponder how to articulate what they feel and think into words. They need to use their complete mind, not just their abstract mind. Thinking with one’s whole being takes time and children learn the importance of respecting that time. Teachers I have worked with have also commented on the fact that they appreciate how I give children enough time, without fear of losing control of the group discussion. When they have “thought things through,” they are ready to talk and share their ideas with the group. If they need more time, I come back to them later or may even ask a friend to help them out, because sometimes, the friend can offer ideas that help the child formulate what they want to say.

It is interesting to note that some children who otherwise rarely speak up in class feel comfortable doing so in our philosophical discussion groups. Focusing on thinking as a movement creates a space for thinking to accommodate, to listen to other points of view and to integrate these into one’s own thinking as it evolves, while trying to develop a deeper understanding of the complexity involved. Children readily change their minds, when they hear someone else’s opinion that makes more sense to them. Thinking as a movement accommodates other points of view similar to how our eyes accommodate and adjust the optics of the eye to keep an object in focus. Doing philosophy with children focuses on thinking that is constantly evolving with the input of other points of view, as thinking that increases in complexity and emotional depth of understanding.

Emotional Intelligence and “Suspension” of Thought

“Emotional life grows out of the brain called the limbic system, specifically the amygdala. The amygdala processes fear and anger, delight and disgust. It reacts to immediate impulses. Much later the neocortex was added which processes longer-term interests, enabling us to learn, plan and remember. The more connections between both the limbic system and the neocortex, *the more emotional responses are possible*” (emphasis added) [3].

The article goes on to say that, “if there is a cornerstone to emotional intelligence on which

most other emotional skills depend, it is the sense of self-awareness.... Once an emotional response comes into awareness — or physiologically, *is processed through the neocortex — the chances of handling it appropriately improve*. Scientists refer to “metamood,” the ability to pull back and recognize that “what I am feeling is anger,” or sorrow, or shame” (emphasis added) [3, p. 63]. For clarification, “metamood” is distinctly different from the idea of “meta-cognition,” in that the former refers to one’s ability to “pull back” in the moment.

While scientists talk about the “ability to pull back,” David Bohm talks about the need for “suspension.” “The human race doesn’t do a great deal of suspension of this sort... Our development has been more toward a kind of immediate impulsive response...” [1, p. 74] Bohm goes on to say: “Is it possible for thought to similarly observe itself, and see what it is doing, perhaps by awakening some other sense of what thought is, possibly through attention? In that way, thought may become proprioceptive. It will know what it is doing and will not create a mess... And clearly, when thought does not know what it is doing, then such a mess arises. So let us look further — first at suspension, then at proprioception” [1, p. 75—76].

Both Bohm’s notion of developing one’s ability for “suspension” and the skill to develop “metamood” create the self-awareness necessary to exercise greater self-control, without suppressing the feelings so necessary for increased understanding of the world we participate in. In *HR Matters Magazine*, Linda Elders has an article, “Becoming a Critic of Your Own Thinking”. In her article she states, that “a popular way of conceptualizing the mind is to separate thinking from emotions.” But this conceptualization, she argues, is just not true, that we need to be very aware of both our emotions and our thoughts and how, more importantly, they interrelate. Critical thinkers take command of their emotions. They grasp the root of their own thought and emotion [2, p. 4—5].

Emotional Intelligence and Developing Deeper Understanding

And as noted earlier, the more connections between the limbic system and the neocortex, the more emotional responses are possible. We come to see that “our way” of seeing things is perhaps just “one way” as opposed to “the way.” Emotional intelligence then is the ability to navigate and *consider the many possibilities and respond accordingly*. Bohm made a similar point when he stated, “there is *movement* in that tacit knowledge, which is that it is *exploring possibilities*” (emphasis added) [1, p. 79], constantly

“accommodating” our thinking to the world around us.

In her *New York Times* article “To Help Students Learn, Engage the Emotions” Jessica Lahey quotes Dr. Immordino-Yang: “It is neurologically impossible to think deeply about things you don’t care about... When students are emotionally engaged, we see activations all around the cortex, in regions involved in cognition, memory and meaning-making, and even all the way down into the brain stem” [4]. Meaningful learning happens when teachers create an emotional connection to what might otherwise remain abstract concepts, ideas or skills and is marked by deep mastery and durable learning.

Emotionally, children are flexible thinkers and don’t feel the need quite as adults do to defend their position and find the best arguments to do so. They are more curious and their thinking can travel in all directions, not just the ones they have staked out for themselves. The concepts they have of the world around them are attached to their imagination and not fixed ideas. Their imagination loves to travel. Imagination is curious, not defensive.

In *The Atlantic*, Andrew Simmons wrote an article “Literature’s Emotional Lessons” — grappling with the way books make students feel — not just analytical skills — should be part of the high-school English curriculum. If we want to focus on developing good decision-making skills, we cannot do so in a vacuum. Decision-making skills involve skills related to knowing how to *act* in real life situations. To make these decisions intelligently, we need to develop the children’s awareness of their entire thinking process. Simmons also makes the following point: “In my experience teaching and observing other teachers, students spend a lot of time learning academic skills and rarely talk about emotional reactions they have to what they read — even when stories, as they often do, address dark themes” [6].

Dr. Jana Mohr-Lone, Founder of the Philosophy Learning and Teaching Organization (PLATO) at the University of Washington, in Seattle, responded to a question from Chris Weller in “Schools aren’t teaching the most important subject for kids” in *Business Insider* by stating the following: “Occasionally, I’ll have parents say to me ‘You know, I think it might be too early for my kid to be thinking about racial identity,’ ... And I always say ‘Well, your kid must be white,’ because if you grew up as a child of color, by the time you’re seven or eight years old nobody needs to teach you about racial identity. You’re already thinking about it” [8]. To help students cope with real life, unpleasant and disturbing portions of reality have to be included in classroom discussions on a personal, political, or societal level. I have had occasions where a child

would cry during one of our philosophical discussion groups and friends would rally around her to comfort and console her. The teacher and I deliberately chose not to intervene to make the child “feel better.” It is important that the child knows she is safe and it is safe to cry. Crying is not a negative experience. It is not a happy one, but not a negative one. Adults tend to make it such.

When children are given the space to experience their feelings in deeply moving ways, they are given the opportunity to get in touch with them and deal with them in constructive ways, thereby also learning about who they are. Children are resilient and eager to learn about the world they live in. How else will they learn to navigate a world of hope and dreams (I want to be a scientist when I grow up) but replete of injustice, strife and hardship as well. How can we educate students to be more conscientious citizens, when we discuss serious topics only from a “safe” and superficial standpoint as not to “rock the emotional boat.”

To enable more connections to be made between both the limbic system and the neocortex, and to increase our ability for proprioception and awareness of thinking in the process of thinking, and how it affects our feelings and “metamood,” Bohm suggests that we engage in what he calls “participatory thought,” which in my view is precisely what doing philosophy with children does. “Participatory thought sees that everything partakes of everything. It sees that its own *being* partakes of the earth... literal thought tends to fragment, while participatory thought tends to bring things together” [1, p. 84]. Philosophy for and with children invites what Bohm calls “participatory thought.” All are engaged in thinking together, “those implicit, tacit thoughts that are the foundation of consciousness are shared by all” [1, p. 93].

“Incoherence” and Disassociated Thought

If we only educate the *abstract mind* and not the *thinking being*, we become “incoherent” thinkers, as Bohm points out, disconnected from the world we *live* in, from other people, and from ourselves as well. This has dangerous consequences. Disassociated abstract thought can allow us to do the most horrible things to the environment, other life forms, and other people, and provide justifications for it. When abstract thought takes over, without the awareness of the tacit process of thinking, “incoherence” in thinking takes place and with it the problem of ‘transference’ of abstract thought to real life situations (as many teachers and university instructors are aware of).

Incoherence in thinking is a result of what Bohm calls the paradox in thinking and feeling: "Thus, it is now more urgent than ever that we give attention ... to the inward dullness and non-perceptiveness which allows us to go on failing to notice the paradox in thinking and feeling... A mind caught in such paradox will inevitably fall into self-deception, aimed at the creation of illusions that appear to relieve the pain resulting from the attempt to go on with self-contradiction" [1, p. 66—67]. "In essence, therefore, what is needed is to go on with life in its wholeness and entirety, but with sustained, serious, careful attention to the fact that the mind, through centuries of conditioning, tends, for the most part, to be caught in paradoxes, and to mistake the resulting difficulties for problems" (emphasis added) [1, p. 68].

Bohm contends that thought creates feelings. "Well, I had the impulse to think. I thought something, and then came the feeling. It was caused in that way, and therefore that is all it means." *But if you get the feeling that it does not come from thought, then it will tacitly be taken to mean a direct perception of reality* (emphasis added) [1, p. 81]. "Well, I have deep gut feelings about this, which must really be valid." *That's a failure of proprioception in thought* [1, p. 80].

Let's use racism or any kind of 'ism' as an example. Whether or not I am aware of my thinking less of someone because of their race, ethnicity, gender, etc., my tacit thought will generate feelings of fear, anger, contempt, etc. These feelings, then, in turn, generate a sense that these feelings are valid and therefore also true. In Bohm's words: "[they are] taken to mean a direct perception of reality." "But thought doesn't treat itself as a movement. It treats itself as truth — as just being there, telling you the way things are" [1, p. 81]. In other words, self-deception creeps in when thoughts that generate certain feelings are conceived of as a direct perception of reality and therefore as true. Since these feelings are considered true, my reactions to these valid feelings are therefore justified. This is a perfect example of circular thinking.

Self-deception, then, comes from believing these self-generated "truths" are actually the "way things are" and there is no need to self-reflect or even question oneself. This explains why so little has changed regarding racism or sexism, even though we have come to grips with much of it, yet strictly on the level of abstract thought.

Throughout history, shifts brought about by historical events such as the civil war, the civil rights movement and women's suffrage, do affect the tacit, concrete process of thought. But change comes slowly, painstakingly, and incurs

much sacrifice. It is indeed a failure of proprioception, if we are not aware of the "truths" we create.

In order to deal with this incoherence in thinking — Bohm suggests, that perceptiveness or proprioception can help us to "see" both thoughts simultaneously, meaning while operating from our assumptions, we are aware of them as well. "There is, however, some self-reference built into the whole system. There is what is called proprioception, or "self-perception... Thought lacks proprioception, and we have got to learn, somehow, to observe thought. In the case of the body, you can tell that somehow observation is taking place — even when there is no sense of a distinct observer [1, p. 75—76].

Through proprioception, a space is created for thinking to move again, instead of being stuck in the non-moving thought/assumption, simply reacting to its triggers. Proprioception of thought liberates our thinking from the reflexes of thinking — the reflexes we have been educated (conditioned) into believing to be truths about the world we live in.

Reflexes of thought get in the way of thinking! Bohm states that when we treat thought as truth rather than as a movement we get stuck in the "truths," which obstruct the movement of thinking. In doing philosophy with children, we concentrate on thinking as a movement, thereby developing the child's capacity for coherent living, where thoughts, feelings and actions cohere.

The Iceberg and the Entire Mind

To me, explaining the world we live in abstract, rational terms, resembles the tip of the iceberg, whereas what we understand but cannot explain the same way exists below the surface. To describe what exists below the surface we use metaphors, analogies, poetry, music or scientific explanations such as space-time or the Higgs boson.

What is below is certainly as real as what exists above the surface. To believe that it is not as real has led to many catastrophic crashes throughout history. Abstract thought does not have the capacity for movement. And while we can engage in thought experiments and develop good reasoning and meta-cognitive skills, it lacks the ability for movement and therefore also the ability for proprioception of thought in action.

And since abstract thought does not originate within the *living self* it can never become aware of itself in the way that the tacit, concrete process of thought can. Awareness involves one's entire being which includes emotional awareness. This is also why abstract thought

alone fails to transfer to real life lived experiences in life. It lacks the basis for transference, because it does not exist in *lived relationship* to reality. Abstract thought builds on what is known, whereas the tacit, concrete process of thought builds on what is not known... as does philosophy. Learning how to ride a bike involves riding it while not knowing how. We develop the ability to ride a bike in the process of riding it. Likewise, we can develop proprioception and awareness of thinking in the process of thinking.

Too much of our thinking (and philosophical thinking) takes place on the level of abstract thought, and this is where we go wrong and where we end up living a life that's "incoherent." It is out of sync. And while we think we can "impose" abstract thought to establish coherent functioning, there is nothing further from the truth. It only leads to further incoherent living, which furthers layers of self-deception and miscommunication.

Hanging banners in the classroom stating we need to respect each other, or be kind to each other can surely help as reminders, but cannot do the *job* of showing respect or kindness. This has to come from knowing what respect and kindness is at a tacit, concrete level and a deep emotional level. It has to come from a place of awareness.

In doing philosophy with children at a young age, we enhance children's awareness of their thinking, feeling, i.e. entire being. When children are encouraged to think with their entire being over the course of their education, functioning on a "coherent" level is enhanced. To be ecologically minded will mean to start acting ecologically as well.

1. Bohm D. (1996) *On Dialogue*. New York, Routledge [in Eng].

2. Elders L. (2011) *HR Matters Magazine*, iss. 15, July [in Eng].

3. Gibbs N. (1995) *Time*, vol. 146, no. 14, Oct. [in Eng].

4. Lahey J. (2016) *The New York Times*, May 4 [in Eng].

5. Meninger K. (1942). *Love Against Hate*. New York, A Harvest Book, Harcourt, Brace & World, Inc. [in Eng].

6. Simmons, A. (2015) *The Atlantic*, Apr. 5 [in Eng].

7. *The Collected Dialogues of Plato* (1962). New Jersey, Princeton University Press [in Eng].

8. Weller Ch. (2016) *Business Insider*, Aug. 27 [in Eng].

9. Zelevansky, N. (2019) *The New York Times*, Nov. 20 [in Eng].

Для цитирования: Тиллманнс М. Как философствование с детьми способствует развитию проприоцепции мышления и эмоционального интеллекта // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 90—95. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-90-95.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-90-95

УДК 101.8 + 101.9

КАК ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ С ДЕТЬМИ СПОСОБСТВУЕТ РАЗВИТИЮ ПРОПРИОЦЕПЦИИ МЫШЛЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Тиллманнс Мария да Венза
(*Tillmanns Maria daVenza*),

доктор философии, Калифорнийский университет (Сан-Диего, США)
UC San Diego 9500 Gilman Dr. La Jolla, CA 92093
E-mail: davenza@sbcglobal.net

Аннотация

Статья представляет собой более подробное рассмотрение тех проблем, которые были намечены в первой части данного исследования «Применение проприоцепции мышления в философствовании с детьми» («Социум и власть», 2019, № 4). На этот раз автор уделяет внимание характеристике мышления как процесса в практике философствования с детьми, обосновывая эффективность данной практики, которая формирует осознанность действий и развивает эмоциональный интеллект. Автор противопоставляет статичное абстрактное мышление динамике неявного конкретного мыслительного процесса. Философствование с детьми в диалоговой форме всецело вовлекает в мыслительный процесс, фокусируется на самом мышлении, которое постоянно развивается с учетом разных точек зрения, усложняется и на эмоциональном уровне углубляет понимание.

Ключевые понятия:

философия с детьми, проприоцепция, чувственное и рациональное, абстрактное мышление vs неявный конкретный мыслительный процесс, эмоциональный интеллект.

Для цитирования: Тиллманнс М.

Как философствование с детьми способствует развитию проприоцепции мышления и эмоционального интеллекта // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 96—103. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-96-103.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-96-103

УДК 101.8 + 101.9

КАК ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ С ДЕТЬМИ СПОСОБСТВУЕТ РАЗВИТИЮ ПРОПРИОЦЕПЦИИ МЫШЛЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА¹

Тиллманнс Мария да Венза (Tillmanns Maria daVenza),

доктор философии, Калифорнийский университет (Сан-Диего, США)
UC San Diego 9500 Gilman Dr. La Jolla, CA 92093
E-mail: davenza@sbcglobal.net

Аннотация

Статья представляет собой более подробное рассмотрение тех проблем, которые были намечены в первой части данного исследования «Применение проприоцепции мышления в философствовании с детьми» («Социум и власть», 2019, № 4). На этот раз автор уделяет внимание характеристике мышления как процесса в практике философствования с детьми, обосновывая эффективность данной практики, которая формирует осознанность действий и развивает эмоциональный интеллект. Автор противопоставляет статичное абстрактное мышление динамике неявного конкретного мыслительного процесса. Философствование с детьми в диалоговой форме всецело вовлекает в мыслительный процесс, фокусируется на самом мышлении, которое постоянно развивается с учетом разных точек зрения, усложняется и на эмоциональном уровне углубляет понимание.

Ключевые понятия:

философия с детьми, проприоцепция, чувственное и рациональное, абстрактное мышление vs неявный конкретный мыслительный процесс, эмоциональный интеллект.

¹ Перевод с англ. выполнен С. В. Борисовым в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Введение

Философия с детьми часто фокусируется лишь на развитии способностей к абстрактному мышлению, но, как указывает Дэвид Бом, «целостный мыслительный процесс» включает в себя не только абстрактное мышление, но и наш «неявный конкретный мыслительный процесс» (*tacit concrete process of thought*). Следовательно, философия с детьми также должна соответствовать «целостному мыслительному процессу». Наше неявное конкретное мышление представляет собой мыслительный процесс, включающий в себя наши действия и процессуальное мышление, наподобие навыка езды на велосипеде. Бом утверждает, что необходимо развивать такую осознанность или, иными словами, проприоцепцию мышления.

Когда Сократ ведет диалог со своими собеседниками, он также показывает ограниченность абстрактного мышления, заставляя их признать, что они действительно «не знают» того, что на самом деле — знают. Мы знаем, что такое храбрость или что такое любовь, хотя мы никогда не сможем «объяснить» это с помощью абстрактных терминов. Жизненный опыт научил нас значениям этих слов, развил их понимания. Мы ведь без труда определим смелый поступок среди других человеческих действий.

Именно здесь я вижу связь между нашим неявным конкретным мышлением и эмоциональным интеллектом. Нам нужен эмоциональный интеллект, чтобы научиться тому, как быть смелым, как любить, как совершать поступки. Абстрактное знание того, что такое справедливость, не сделает нас справедливыми.

Мы должны развить в себе осознанность наших действий, чтобы сформировались необходимые навыки. Здесь также огромную роль играет эмоциональный интеллект. Некогда на страницах сценария «Ромео и Джульетты» режиссер Барри Эдельштейн написал следующее: «Чтобы сыграть этот спектакль, актерам нужен ряд навыков... Они должны обладать эмоциональной и психологической осознанностью, а также открытостью необычайной глубины; они должны обладать острым слухом, уметь представить все нюансы реальности...» [5] Абстрактная точность исполнения не смогла бы вселить жизнь в эти персонажи.

Мы, безусловно, можем согласиться — абстрактно — с тем, что расизм деструктивен, но все равно будем действовать расистски, даже не осознавая этого. Итак, как же можно достичь осознанности? В статье

в журнале «New York Times» под название «Большие последствия бессознательного предубеждения» Нора Зелевански рассказывает о том, как наше традиционное воспитание толерантности может быть не только неэффективным, но и оскорбительным (*resentment*) [9]. Я утверждаю, что, хотя наше абстрактное понимание расизма эволюционировало, наше неявное конкретное знание этого осталось прежним, что объясняет то, что расизм все еще процветает, несмотря на то, что мы абстрактно знаем, что это недопустимо.

Итак, суть проблемы в том, насколько эффективно, обучая, мы развиваем неявное конкретное мышление, которое придает осознанность действиям, и как мы развиваем эмоциональный интеллект, чтобы способствовать глубокому пониманию того, что человек знает и во что верит абстрактно.

Проприоцепция мышления

В книге «О диалоге» Дэвид Бом утверждает, что, хотя проприоцепция обычно связана с движением тела и самовосприятием этого движения, она также может применяться к «движению» мысли: «“Проприоцепция” — это чисто технический термин — вы с равным правом можете сказать “самовосприятие мысли”, “самосознание мысли” или “мысль, осознающая себя в действии”. Какие бы термины мы ни использовали, я говорю: мысль должна быть в состоянии воспринимать свое собственное движение, осознавать его. В процессе мышления должно быть осознано его *движение*, *намерение* и тот *результат*, к которому мышление приводит» [1, р. 79].

Проприоцепция относится к фактическим знаниям, полученным в процессе выполнения определенной деятельности, например, езды на велосипеде. Точно так же, предполагает Бом, мы можем осознавать свое мышление как процесс. Согласно Бому, восприятие мышления как «движения», которое мы можем осознавать, открывает дверь к пониманию мышления как процесса, осуществляемого «всеми нашим существом». Мы ведь мыслящие существа. И хотя мы можем до поры до времени не осознавать этого, наше мышление пронизывает и наши эмоции, и действия на неявном конкретном уровне. Согласуется ли наше абстрактное мышление с тем, что мы делаем, или, как сказал бы Бом, является ли «согласованным» наше мышление, которое происходит на неявном конкретном уровне, пронизывающем наши эмоции и действия?

Навязывание абстрактного знания о том, что значит быть смелым, не дает возможности быть смелым. Вопрос в том, обладаем ли мы достаточной эмоциональной глубиной понимания, чтобы действовать смело? Сократ также подчеркивает это, указывая на то, что философия — это искусство *понимания* природы чего-либо, природы того, что значит быть храбрым в «Лакете», или природы дружбы в «Лисиде»: именно это глубокое понимание, что значит быть смелым или что значит быть другом, делает нас способными совершать поступки. Сократ проводит четкое различие между пониманием и пониманием. Он видит ограничения абстрактного знания и таким образом осознает, что не знает. В «Пире» это видно на примере Диотимы, которая, благодаря мифу, выражает свое понимание любви, после того как все остальные ораторы попытались определить любовь абстрактно [7].

Понимание не имеет границ. «Необычайная глубина» нашего понимания бесконечна. Ему свойственна постоянная динамика и с каждым погружением на эту глубину наше понимание может становиться все полнее. Но как мы можем научиться пребывать в таком «эмоциональном осознании необычайной глубины», чтобы на деле осуществить то, во что мы абстрактно верим?

Развитие понимания через проприоцепцию

Другими словами, развитие понимания того, что значит действовать смело, должно происходить в неявном конкретном мыслительном процессе, направляющем наши действия. «Этот неявный конкретный процесс является фактическим знанием ... В случае езды на велосипеде, если вы не знаете, как ездить, тогда ваши знания не соответствуют реальности. Неявное знание не является согласованным в контексте попытки ездить на велосипеде, если вы не достигаете ожидаемого результата. Несогласованность становится понятной, когда вы падаете, пытаетесь ехать. Фактически неявное знание — это то, откуда исходит действие. А фактические изменения зависят от изменения этого неявного ответа. Таким образом, изменение абстракции — это один шаг, но если это не изменит реакцию организма, этого шага будет недостаточно... Вам нужны неявные знания, которые вы реализуете только тогда, когда фактически едете» [1, р. 78—79]. Например, неявное осознание расизма должно быть «согласовано» с контекстом абстрактного знания о нем. *Призыв*

не быть расистами, мало что изменит, если не научить людей тому, как не *вести* себя расистски.

Дать детям возможность осознавать себя мыслящими существами в том возрасте, когда они пользуются преимущественно неявным конкретным, а не абстрактным знанием, определяет важность философии с детьми. Заниматься философией с детьми значит *вовлекать* их в мышление всем существом, а не только воспринимать их как абстрактных (критических) мыслителей. Мы активизируем их в мыслительный процесс.

Как известно, Мария Монтессори разработала метод обучения, основанный на конкретном опыте маленьких детей, с помощью которого они стали лучше понимать абстрактные понятия. Например, некоторые из ее обучающих средств дают детям сенсорные ощущения алфавита, когда дети произносят букву «А», сделанную из бархатистой бумаги, и сопровождают произнесение этой буквы тактильными ощущениями. Она также создала стеклянные бусины разных размеров для закрепления навыков счета. По сути, перед тем как вводить абстрактные понятия, она разработала обучающие инструменты, которые способствовали конкретному неявному мыслительному процессу. Таким образом, дети действительно и эмоционально вовлекаются в образовательный процесс. Философствовать с детьми также значит добиваться того, чтобы дети «всем своим существом» активно вовлекались в мышление как процесс.

Важность философствования с детьми

Философствование с детьми в диалоговой форме *всецело вовлекает* их в мыслительный процесс. Суждения детей не является исключительно абстрактными; это их *живые* мнения. Благодаря этому процессу *дети верят в свою значимость*; к их мыслям и чувствам относятся серьезно, и в результате этого они также учатся относиться серьезно к себе, к своим мыслям и чувствам — они осознают свою собственную значимость.

В наших дискуссионных философских группах я всегда предоставляю детям, как я это называю, «мыслительное время» (*thinking time*), даю им возможность как следует обдумать, как можно выразить словами то, что они чувствуют. Они используют свой разум во всей полноте, а не только абстрактное мышление. Размышление «всем своим существом» требует времени, и дети учатся тому, как важно бережно относиться к этому

времени. Учителя, с которыми я работала, также отмечают тот факт, что очень ценно уделять детям достаточное время, не боясь потерять контроль над групповой дискуссией. Когда дети всё основательно «промыслили» (*thought things through*), они готовы говорить и делиться своими идеями с группой. Если кому-то нужно больше времени, я даю возможность возвратиться к этому вопросу вновь или советую обратиться за помощью к товарищу, потому что иногда другой может предложить именно те идеи, которые помогут ребенку лучше сформулировать то, что он хочет высказать.

Интересно отметить, что некоторые дети, которые редко говорят на обычных школьных занятиях, чувствуют себя комфортно в наших философских дискуссионных группах. Сосредоточение внимания на мышлении как процессе открывает для них необходимый простор, появляется возможность приспособиться к нему, прислушаться к другим точкам зрения и интегрировать их в свое собственное мышление, и по мере его развития одновременно приходит осознание глубины мыслительного процесса. Дети с готовностью изменяют свое мнение, когда они слышат мнение другого человека, которое имеет для них больше смысла. Мышление как процесс учитывает другие точки зрения, аналогично тому, как наши глаза, приспособившись, регулируют оптику, чтобы фокусироваться на объекте. Философствование с детьми фокусируется на самом мышлении, которое постоянно развивается с учетом разных точек зрения, как мышление, которое усложняется и на эмоциональном уровне углубляет понимание.

Эмоциональный интеллект и «приостановка» мысли

Н. Гиббс отмечает: «Эмоциональная жизнь проистекает из того участка мозга, который называется лимбической системой, в частности из миндалевидного тела (*amygdale*). Миндалина отвечает за страх и гнев, восторг и отвращение. Она реагирует на кратковременные импульсы. Несколько позже подключается неокортекс (*neocortex*), который служит долгосрочным интересам организма, позволяя нам учиться, планировать и запоминать. Чем больше связей между лимбической системой и неокортексом, тем более разнообразны эмоциональные реакции» (выделение автора) [3].

Далее в этой статье Гиббс пишет, что «если искать краеугольный камень эмоционального интеллекта, от которого зависит

большинство других эмоциональных навыков, то это будет чувство самосознания...» Как только эмоциональный ответ начинает осознаваться — или физиологически, *обработываясь через неокортекс, соответственно улучшаются шансы на то, чтобы справиться с ним*. Ученые ссылаются на «мета-настроенность» (*metamood*), способность отстраняться (*pull back*) и признавать, что, например, «то, что я сейчас чувствую, — это гнев», или печаль, или стыд» (выделение автора) [3, р. 63]. Для пояснения следует отметить, что «мета-настроенность» явно отличается от «мета-познания» тем, что первое относится к способности человека «отстраняться» в определенный момент времени.

Аналогично тому, что ученые говорят о «способности отстраняться», Дэвид Бом говорит о необходимости «приостановки» (*suspension*). «Человеческая раса не уделяет большого внимания приостановке... Скорее наше развитие связывают с незамедлительным импульсивным ответом» [1, р. 74]. «Возможно ли, — продолжает Бом, — чтобы мысль одновременно наблюдала за собой и осознавала то, что она делает? Думаю, стоит обратить внимание на это новое понимание мышления. Таким образом, мысль может стать проприоцептивной. Она будет знать, что она делает, а значит, не будет создавать беспорядок... Ведь ясно, что когда мысль не знает, что она делает, такой беспорядок и возникает. Итак, давайте смотреть глубже — сначала на приостановку, а уже затем на проприоцепцию» [1, р. 75—76].

Идея Бома о развитии способности к «приостановке» и умению развивать «мета-настроенность» является базой для самосознания, для лучшего самоконтроля, без подавления чувств, столь необходимой для более глубокого понимания мира, в котором мы живем. В журнале «HR Matters Magazine» Линда Элдерс опубликовала статью «Стать критиком своего собственного мышления». В этой статье она отмечает, что «популярным способом концептуализации разума является отделение мышления от эмоций». Но эта концептуализация, как она утверждает, не соответствует действительности, поскольку нам нужно хорошо осознавать как наши эмоции, так и наши мысли, и что самое важное, осознавать, как они взаимосвязаны между собой. Критическое мышление позволяет нам контролировать наши эмоции, и мы начинаем лучше понимать истоки своего мышления [2, р. 4—5].

Эмоциональный интеллект и развитие глубинного понимания

Как отмечалось ранее, чем больше связей между лимбической системой и неокортексом, тем более разнообразны эмоциональные реакции. Следовательно, «наш способ» видения вещей, скорее всего, является лишь «одним из многих способов», а не единственно возможным. Эмоциональный интеллект — это способность ориентироваться и осмысливать множество возможностей и реагировать на них. Бом высказывает аналогичную точку зрения, заявляя, что «неявное знание представляет собой процесс, *исследующий возможности*» (выделение автора) [1, р. 79], постоянно «приспосабливая» наше мышление к окружающему миру.

В статье в «New York Times» под названием «Чтобы помочь учиться, нужно задействовать эмоции» Джессика Лахи цитирует доктора Иммордино-Янга (*Immordino-Yang*): «С неврологической точки зрения невозможно глубоко думать о вещах, которые вас не волнуют... Когда обучающиеся эмоционально вовлечены, активирована вся кора головного мозга, а не только области, связанные с познанием, памятью и осмысливанием; активируется даже ствол головного мозга» [4]. Действительно значимое обучение происходит тогда, когда преподавателям удается установить эмоциональную связь с тем, что могло бы просто оставаться абстрактными понятиями, а именно, идеями или навыками, что, несомненно, есть свидетельство их высокого профессионального мастерства и длительной практики.

В эмоциональном плане дети — очень гибкие мыслители; в отличие от взрослых, они не чувствуют потребности в том, чтобы все время защищать свою позицию и находить для этого наилучшие аргументы. Они более любознательны, и их мышление может развиваться во всех направлениях, а не только в тех, которые заранее предписаны. Их представления об окружающем мире связаны с их воображением, а не с набором фиксированных идей. Их воображение любит путешествовать. Оно наступает, а не обороняется.

В журнале «The Atlantic» была опубликована статья Эндрю Симмонса «Эмоциональные уроки литературы», в которой рассказывается о том, как чтение книг помогает обучающимся лучше разбираться в своих чувствах, а не только развивать аналитические навыки. Думаю, такие уроки следует сделать частью школьной программы

изучения английского языка. Если мы хотим сосредоточиться на развитии навыков принятия решений, мы не можем делать это в вакууме. Навыки принятия решений связаны со знанием того, как действовать в реальных жизненных ситуациях. Для того чтобы научить детей принимать разумные решения, нам нужно развить у них понимание многообразия мыслительного процесса. «По моему опыту преподавания и наблюдения за другими учителями, — отмечает Симмонс, — можно установить, что обучающиеся проводят много времени, закрепляя академические навыки, и редко рассказывают о своих эмоциональных реакциях на то, что они прочитали, даже тогда, когда эти истории, касаются весьма запутанных тем» [6].

Доктор Яна Мор-Лоун (*Jana Mohr-Lone*), основатель Организации изучения и преподавания философии (PLATO) Вашингтонского университета в Сиэтле, в ответ на вопрос Криса Веллера в статье «В школах не преподают самый важный для детей предмет» в журнале «Business Insider», заявляет следующее: «Иногда, когда родители говорят мне: “знаете, я полагаю, что моему ребенку еще слишком рано думать о расовой идентичности”, я всегда им отвечаю: “ваш ребенок, должно быть, белый”, потому что, если вы растете цветным ребенком, к тому времени, когда вам исполнится семь или восемь лет, никто уже не сможет научить вас расовой идентичности. Вы уже думаете и действуете, исходя из нее» [8]. Чтобы помочь обучающимся справиться с проблемами реальной жизни, все неприятные и тревожные ее проявления должны быть включены в обсуждение в классе на личном и общественно-политическом уровне. У меня были случаи, когда детям доводилось плакать во время философских дискуссионных групп, и другие члены группы, проявляя участие, пытались успокоить и утешить их. При этом мы, учителя, сознательно решили не вмешиваться. Самое важное, чтобы ребенок знал, что он в безопасности и ему можно беспрепятственно выражать свои эмоции, например плакать. Плач не является чем-то «плохим» или «запретным». Конечно, в этом нет радости, но в этом нет и ничего предвзвешенного. Только вмешательство взрослых, как правило, придает этому опыту такой «запретительный» смысл.

Когда детям предоставляется возможность прожить свои чувства во всей глубине, у них появляется возможность согласовывать и изучать их, а затем и управлять ими. Дети обладают весьма гибким интел-

лектом и стремятся активно познавать мир, в котором живут. Как еще они научатся ориентироваться в мире, в котором их ждут не только приятные надежды и мечты («когда я вырасту, я стану ученым»), но который также полон несправедливости, конфликтов и лишений? Как мы можем научить их быть добросовестными гражданами, обсуждая с ними серьезные темы только с «безопасной», по сути, поверхностной точки зрения, только чтобы не «раскачивать эмоциональную лодку»?

Чтобы появилась возможность установления большего количества связей между лимбической системой и неокортексом, а также, чтобы повысилась наша способность к проприоцепции и осознанию мыслительного процесса, а также того, как это влияет на наши чувства и «мета-настроенность», Бом предлагает инициировать «соучастное мышление» (*participatory thought*), что, на мой взгляд, и означает философствование с детьми. «Соучастное мышление осознает связь всего со всем. Осознает причастность собственного *бытия* всему, что только есть на свете... Буквальная мысль имеет тенденцию к фрагментации, в то время как соучастное мышление стремится к интеграции». Полагаю, что философствование с детьми побуждает к тому, что Бом называет «соучастным мышлением». Все интегрировано в этот процесс, ведь «неявное молчаливое мышление, является основой любого знания» [1, р. 93].

«Несогласованность» (incoherence) и разобщенное мышление

Если мы обучаем только *абстрактному уму*, а не *мыслящему бытию*, мы учим мыслить «несогласованно», как указывает Бом, мы становимся оторванными от мира, в котором живем, от других людей, а также от самих себя. Это влечет за собой опасные последствия. Разобщенное абстрактное мышление может позволить нам совершать самые ужасные поступки по отношению к окружающей среде, другим формам жизни и другим людям и находить для этого оправдания. Когда абстрактное мышление господствует без осознания неявного мыслительного процесса, имеет место мыслительная «несогласованность», и вместе с этим возникает проблема «переноса» (*transference*) абстрактного мышления на реальные жизненные ситуации (о чем знают многие преподаватели школ и университетов).

Несогласованность в мышлении является результатом того, что Бом называет пара-

доксом в соотношении мышления и чувств: «Таким образом, сейчас как никогда прежде важно уделить внимание <...> внутренней тупости и невосприимчивости, которая позволяет нам продолжать не замечать парадокс в соотношении мышления и чувств... Ум, попавший в ловушку этого парадокса, неизбежно впадет в самообман, порождает иллюзии, которые, как кажется, ослабляют боль, возникающую в результате попытки продолжать жить с этим внутренним противоречием» [1, р. 66—67]. «Следовательно, необходимо воспринимать жизнь во всей ее полноте и целостности, но с постоянным серьезным и внимательным отношением к тому факту, что ум, несмотря на свое развитие, имеет тенденцию к тому, чтобы попадать в ловушку парадоксов и *принимать свои ошибки за проблемы реального мира*» (выделение автора) [1, р. 68].

Бом утверждает, что именно мысль порождает чувства. «Прежде всего у меня был импульс подумать. Я подумал о чем-то, и только после этого пришло чувство. Этим все обусловлено, и, следовательно, в этом весь смысл. *Но если вы почувствуете нечто, что не исходит от мысли, то это подразумевает прямой контакт с реальностью*» (выделение автора) [1, р. 81]. «Итак, у меня есть глубокие интуитивные чувства по поводу чего-то, которые являются для меня реальностью». *Но именно это утверждение приводит к сбою проприоцепции в мышлении*» [1, р. 80].

Давайте возьмем в качестве примера расизм или какой-нибудь другой «-изм». Знаю ли я, что я думаю пренебрежительно о ком-то из-за его расы, этнической принадлежности, пола и т. д.? Мое неявное мышление поддерживает во мне чувство страха, гнева, презрения и т. д. Эти чувства, в свою очередь, порождают ощущение реальности и, следовательно, также правдивы. По словам Бом, *«это подразумевает прямой контакт с реальностью»*. «Однако здесь мышление не рассматривает себя как процесс. Оно относится к себе самому как к истине в последней инстанции — как к тому, что есть, и просто свидетельствует о реальности» [1, р. 81]. Другими словами, самообман заключается в том, что мысли, порождающие определенные чувства, воспринимаются как прямой контакт с реальностью и, следовательно, как истина. Поскольку эти чувства считаются истиной, мои реакции на эти чувства становятся оправданными. Это прекрасный пример порочного круга.

Таким образом, самообман исходит из веры в то, что эти «истины», которые мы сами породили, на самом деле являются «такими, какими они нам являются», и поэтому нет необходимости в рефлексии над ними или в постановке вопроса об их правомерности. Это объясняет, почему мало что изменилось в отношении расизма или сексизма, даже если мы постоянно толкуем об этом на уровне абстрактного мышления.

На протяжении истории изменения, вызванные теми или иными событиями, такими как гражданская война, движение за гражданские права и избирательное право женщин, действительно повлияли на неявный конкретный мыслительный процесс. Но эти изменения происходят медленно, исподволь и сопряжены с большими жертвами. Свидетельство сбоя проприоцепции проявляется в том, что мы не в силах выработать осознанное отношение к тем «истинам», которые сами же выдумали.

Для того чтобы справиться с этой непоследовательностью в мышлении, согласно Бому, нужно, чтобы восприимчивость или проприоцепция помогли нам «увидеть» несколько мыслей или предположений одновременно, чтобы мы стали лучше их осознавать. «Всегда существует некая отсылка, встроенная во всю систему. Существует то, что называется проприоцепцией, или «самовосприятием». Мысли не хватает проприоцепции, мы должны каким-то образом научиться наблюдать за мыслью. Например, в случае со своим телом мы можем сказать, что каким-то образом наблюдение за ним ведётся, *даже если при этом нет ощущения присутствия самого наблюдателя*» [1, р. 75—76].

Через проприоцепцию создается пространство для постоянного движения мышления вместо того, чтобы просто застревать в неподвижной мысли/предположении, реагируя на привычные триггеры. Проприоцепция освобождает наше мышление от мыслительных рефлексов — рефлексов, которые мы в себе сформировали, чтобы верить в то, что мы являемся носителями истин о мире, в котором живем.

Мыслительные рефлексы встанут на пути мышления! Бом утверждает, что, когда мы рассматриваем мысль как истину, а не как процесс, мы застреваем в этих «истинах», что препятствует мыслительному процессу. Философствуя с детьми, мы концентрируемся на процессе мышления, тем самым развивая способность ребенка к согласованной жизни, где мысли, чувства и действия взаимосвязаны.

Айсберг и целостный разум

Для меня объяснение мира, в котором мы живем, в абстрактных, рациональных терминах, напоминает верхушку айсберга, тогда как то, что мы понимаем, но не можем объяснить, находится под водой. Чтобы описать то, что существует в глубине, мы используем метафоры, аналогии, поэзию, музыку или научные концепты, такие как пространственно-временной континуум или бозон Хиггса.

Безусловно, то, что внизу, так же реально, как и то, что существует на поверхности. Вера в нереальность этого приводит ко многим катастрофам, память о которых хранит история. Абстрактная мысль не способна к движению. И хотя мы можем, вовлекаясь в мысленные эксперименты, хорошо рассуждать и развить в себе метакогнитивные навыки, нашему мышлению всегда будет не хватать способности к движению, т. е. способности проприоцепции.

И поскольку абстрактная мысль не возникает *внутри живого*, она никогда не сможет осознать себя так, как это может сделать неявный конкретный мыслительный процесс. Осознание происходит всем бытием, которое включает в себя и эмоциональный план. Это также объясняет то, что абстрактная мысль не может передать реальный жизненный опыт. Ей не хватает основы для переноса, потому что она не находится в *живом отношении* с реальностью. Абстрактная мысль опирается на известное, тогда как неявный конкретный мыслительный процесс опирается на неизвестное, как и философия. Научиться ездить на велосипеде — значит ездить на нем, даже не зная, как это объяснить. Мы развиваем свою способность ездить на велосипеде в процессе езды. Аналогично мы можем развивать проприоцепцию и осознавать мышление в его процессе.

Слишком много внимания в нашем мышлении (в том числе философском) мы уделяем абстракции, и именно здесь мы ошибаемся, в результате получаем жизнь, которая «несогласованна», несинхронизирована. И хотя мы думаем, что можем «навязать» абстрактное мышление, чтобы тем самым установить его согласованное функционирование, мы еще дальше уходим от истины. Это приводит нас к дальнейшему пребыванию в несогласованной жизни, полной самообмана и бессвязности.

Развешивание баннеров в классе о том, что мы должны уважать друг друга или быть

добрыми по отношению друг к другу, безусловно, может служить хорошим напоминанием, но не может быть реальным *делом*, демонстрирующим уважение или доброту. Это должно происходить от знания того, что такое уважение и доброта на молчаливом, конкретном и глубоко эмоциональном уровне. Это должно быть осознанно.

Философствуя с детьми, мы повышаем их осведомленность о мышлении, чувствах, то есть обо всем самом важном. Когда детей поощряют мыслить всем своим существом на протяжении всего обучения, их мышление совершенствуется, становясь «согласованным». В этом проявляется особая экология сознания, ведь мыслить экологически означает прежде всего экологически действовать.

1. Bohm D. On Dialogue / ed. N. Lee. New York : Routledge, 1996.

2. Elders L. Becoming a Critic of Your Own Thinking // HR Matters Magazine. 2011. Iss. 15. July.

3. Gibbs N. The EQ Factor // Time. 1995. Vol. 146, no.14. Oct.

4. Lahey J. To Help Students Learn, Engage the Emotions // The New York Time. 2016. May 4.

5. Meninger K. Love Against Hate. New York : A Harvest Book, Harcourt, Brace & World, Inc., 1942.

6. Simmons A. Literature's Emotional Lessons // The Atlantic. 2015. Apr. 5.

7. The Collected Dialogues of Plato. New Jersey : Princeton University Press, 1962.

8. Weller Ch. Schools aren't teaching the most important subject for kids : interview with Dr. Jana Mohr-Lone // Business Insider, 2016, Aug. 27.

9. Zelevansky N. The Big Business of Unconscious Bias // The New York Times. 2019. Nov. 20.

References

1. Bohm D. (1996) On Dialogue. New York, Routledge [in Eng].

2. Elders L. (2011) *HR Matters Magazine*, iss. 15, July [in Eng].

3. Gibbs N. (1995) *Time*, vol. 146, no. 14, Oct. [in Eng].

4. Lahey J. (2016) *The New York Times*, May 4 [in Eng].

5. Meninger K. (1942). *Love Against Hate*. New York, A Harvest Book, Harcourt, Brace & World, Inc. [in Eng].

6. Simmons, A. (2015) *The Atlantic*, Apr. 5 [in Eng].

7. *The Collected Dialogues of Plato* (1962). New Jersey, Princeton University Press [in Eng].

8. Weller Ch. (2016) *Business Insider*, Aug. 27 [in Eng].

9. Zelevansky, N. (2019) *The New York Times*, Nov. 20 [in Eng].

For citing: Tillmanns M. How doing Philosophy with Children enhances Proprioception of Thinking and Emotional Intelligence // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (81). P. 96—103. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-96-103.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-96-103

UDC 101.8 + 101.9

HOW DOING PHILOSOPHY WITH CHILDREN ENHANCES PROPRIOCEPTION OF THINKING AND EMOTIONAL INTELLIGENCE

Tillmanns Maria daVenza,

University of California, San Diego, USA, PhD,
UC San Diego 9500 Gilman Dr. La Jolla, CA 92093
E-mail: davenza@sbcglobal.net

Abstract

The article is a more detailed consideration of the problems that were outlined in the first part of this study, "The Application of the Proprioception of Thinking in Doing Philosophy with Children" (*Socium and Power*, 2019, no. 4). This time, the author pays attention to the characterization of thinking as a process in the practice of philosophizing with children, justifying the effectiveness of this practice, which forms the awareness of actions and develops emotional intelligence. The author contrasts static abstract thinking with the dynamics of a tacit concrete process of thought. Philosophizing with children in a dialogue form completely engages in the thought process, focuses on the very thinking, which is constantly developing taking into account different points of view, is complicated and deepens the understanding on an emotional level.

Key concepts:

philosophy with children
proprioception
sensual and rational,
abstract thinking vs. implicit concrete thought
process,
emotional intelligence.

Для цитирования: Дядык Н. Г.
 Концептуальное искусство
 как способ философствования:
 живопись вместо философии //
 Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 104—115.
 DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-104-115.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-104-115

УДК 7. 01

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК СПОСОБ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: ЖИВОПИСЬ ВМЕСТО ФИЛОСОФИИ

Дядык Наталья Геннадьевна,
 Южно-Уральский государственный
 гуманитарно-педагогический университет,
 доцент кафедры философии и культурологии,
 кандидат философских наук.
 Российская Федерация, 454080,
 г. Челябинск, пр. Ленина, д. 69.
 E-mail: djadykng@cspsu. ru

Аннотация

Введение. Данная статья посвящена исследованию области пересечения современного искусства и философии. Современное искусство представляет собой полиморфное образование, внутри которого существует множество индивидуальных стилей и направлений, однако за этим многообразием всегда стоит определенная философия искусства. Философия современного искусства состоит в отказе от развития традиционных художественных методов и приемов. Произведение становится объектом интеллектуального познания, а не эстетического восприятия. Познавательная функция искусства становится приоритетной, а искусство в целом и концептуальное искусство в частности становятся способами познания мира, что представляет интерес для философского осмысления.

Цель. Провести философский анализ концептуального искусства с целью выявления его философских источников и содержания.

Методы. Общенаучные методы: анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. При анализе произведений концептуального искусства мы использовали герменевтический и феноменологический методы, семиотический подход.

Научная новизна. Концептуальное искусство рассматривается как форма философствования. Выявлено, что в произведениях художников-концептуалистов идея оказывается важнее ее художественного воплощения, идея, то есть концепт, сам по себе может быть произведением искусства. При этом концепты художников схожи с концептами философов, поскольку целью обоих является познание мира и схватывание бытия. Концептуализм в искусстве нами понимается широко не только как направление авангардного искусства 1960—1970-х гг., имеющее целью интеллектуальное осмысление арт-объекта, но также основные направления авангардного искусства XX—XXI в. от абстракционизма до поп-арта понимаются нами как концептуальные, поскольку в основе их находится идея художника, погружающая реципиента в состояние философской рефлексии.

Результаты. В ходе исследования концептуализм был рассмотрен как философия современного искусства, с другой стороны, были выявлены философские истоки самого концептуализма: постмодернистское философское сознание, экзистенциализм, психоанализ и философия языка.

Выводы. Концептуальное искусство является визуальной формой философского вопрошания о сути самого искусства, экзистенции, о мире в целом. Онтологическая неопределенность, актуализирующая личный экзистенциальный и культурный опыт реципиента, является одним из главных условий философствования при восприятии концептуального искусства. В основе работ художников-концептуалистов находятся философские проблемы: смысла и значения, соотношения сознательного и бессознательно-го, рационального и иррационального, проблема заброшенности и одиночества человека, проблема «смерти автора» и отчуждения творца от своего произведения, идея невозможности объективного познания действительности.

Ключевые понятия:

концептуальное искусство,
 авангард,
 симулякр,
 истина,
 онтологическая неопределенность.

Введение

Искусство — это особая знаковая система, особый язык, при помощи которого художник пытается сказать что-то важное для него. Художник отражает в своем искусстве определенную картину мира, свойственную для той или иной эпохи. Так, например, средневековая живопись и живопись раннего Ренессанса еще тесно связана с религиозной картиной мира, поэтому основными темами живописи данной эпохи являются религиозные сюжеты. Художник Средневековья и Ренессанса пишет картины на заказ, он являет скорее тип художника-ремесленника, и ему не надо быть философом. С появлением авангардного искусства, которое стремится преодолеть академизм, художник постепенно становится философом. Художник-авангардист вынужден стать философом, поскольку он неизбежно размышляет о сути искусства в целом, о том, что является искусством, что нехарактерно для академической живописи, механически варьировавшей в сотнях различных произведений одни и те же темы и ничего нового не порождая. «Подлинная и важнейшая функция авангарда заключалась не в “экспериментировании”, а в поиске пути, следуя которому можно было обеспечивать развитие культуры в условиях идеологического смятения и насилия», — так оценивает появление авангардного искусства теоретик абстрактного экспрессионизма К. Гринберг в своем эссе «Авангард и китч» (1939) [2]. Авангардное искусство интересно не только разнообразием методов создания произведения искусства, но прежде всего новой картиной мира, которая требует философского осмысления. Отличительной особенностью современного искусства становится то, что арт-объект перестает быть объектом созерцания, он становится средством коммуникации.

Современное искусство часто становится предметом острых дискуссий как в научной, так и в зрительской среде. Происходит это в силу того, что художественные приемы и техники, используемые художниками-авангардистами, принципиально отличаются от классического искусства, что затрудняет понимание концептуального искусства зрителем. Современное искусство тяготеет к абстрактности и концептуальности, часто являясь средством интеллектуальной провокации зрителя. Под концептуальным искусством мы понимаем не только концептуализм как художественное течение 1960—1970-х гг., представители которого считали идею автора важнее его материального во-

площения, но, по нашему мнению, все современное искусство носит концептуальный характер. Концептуализм — это направление в искусстве, обращающееся к интеллектуальному осмыслению произведения, что роднит его с философией. Арт-объект в концептуализме имеет своей целью передать ту или иную идею художника, которая зачастую претендует на статус философской. Родоначальник американского концептуализма художник Д. Кошут в своём эссе «Искусство после философии» писал: «Все искусство (после Дюшана¹) — концептуально по своей природе, потому что искусство и существует лишь в виде идеи» [8, с. 545]. Если для современного искусства идея художника становится важнее его живописной техники, то оно превращается в особый способ размышления о мире, который требует философской рефлексии, чему и посвящена данная статья.

История визуального искусства XX—XXI в. предстает как процесс исследования его границ и возможностей. Возникает вопрос, что же вообще считать живописью? Если понимать живопись в традиционном ключе как картину, исполненную масляными красками на холсте, натянутом на подрамник, то история живописи XX в. лишится самых ярких имен. Из нее придется вычеркнуть американского художника Д. Поллока, снявшего холст с подрамника и положившего его на пол, который для создания своих картин использовал технику дриппинга², а вслед за ним и всех абстрактных экспрессионистов; лидера поп-арта Э. Уорхолла, использовавшего вместо масляных красок шелкографию; французского художника-концептуалиста И. Клейна, писавшего картины телами натурщиц вместо кистей; лидера фовизма А. Матисса, использовавшего для создания своих картин технику коллажа, и многих других. Эстетические эксперименты современных художников, связанные с преодолением академической живописи, обусловлены, по нашему мнению, концептуальным характером современного искусства.

В XX—XXI в. для того, чтобы создавать произведения искусства, недостаточно быть хорошим рисовальщиком. Технический прогресс способствовал тому, что живопись больше не интересует реалистическое изображение действительности. Идея живописца, которая может заключаться в выражении внутреннего мира художника

¹ Марсель Дюшан — французский художник-дадаист, являющийся предтечей концептуализма.

² Дриппинг — неконтролируемое накапывание и набрызгивание краски на поверхность.

(абстрактный экспрессионизм), в выражении в искусстве его подсознания (сюрреализм), в преодолении устоев классического искусства (поп-арт и концептуализм), оказывается важнее классической техники изображения, тем самым творчество становится способом философствования. Живопись как философия — так можно определить различные художественные практики современного искусства: абстракционизм, сюрреализм, кубизм, поп-арт, концептуализм в различных его проявлениях¹.

Концептуализм как философия искусства

Термин «концептуальное искусство» стал использоваться в 1960-х. Так называли искусство, в котором концепция или идея, лежавшая в основе произведения, была для художника важнее живописной техники.

В основе концептуального искусства находится понятие концепта, под которым мы понимаем содержание понятия, смысловое значение знака, которое отличается от самого знака и его предметного значения. Художественный образ по сути — это концепт — многоуровневое смысловое образование, имеющее эксплицитный и имплицитный смыслы, требующие процесса интерпретации. На сегодняшний день концептуализм является одним из наиболее приоритетных направлений современного искусства в целом², безусловно, имеющим философское содержание, хотя бы потому, что для восприятия произведения концептуального искусства необходимо применить интеллектуальное усилие, проделать герменевтический анализ созданного художником произведения, актуализируя весь свой культурный и экзистенциальный опыт. Истоки современного концептуализма следует искать в дадаизме начала двадцатого века.

Программа дадаизма вполне соответствует постмодернистскому философскому

сознанию: никаких программных пунктов, никаких твердых и незыблемых положений, никаких эстетических систем и никакого стиля, художник занимается разрушением ценностей, идей и верований, приветствуются любые иррациональные приемы, любые логические аномалии — все то, что помогает нарушать нормы европейской цивилизации и показывать их неприменимость и несостоятельность. Пионером концептуализма в искусстве является французский художник-дадаист Марсель Дюшан (1887—1968), начиная с которого идея художника становится важнее, чем его способность реалистически отображать действительность. Дюшан открывает принципиально иной способ создания произведения искусства, когда художник может вообще не писать картины, он может сделать произведением искусства любой предмет, наделив его идеей и поместив его в культурный контекст [15]. Таков «Фонтан» Марселя Дюшана — одно из самых известных произведений дадаизма — перевернутый писсуар с подписью «R. Mutt 1917», положивший начало такому направлению современного искусства, как реди-мэйд [16]. Реди-мэйд (англ. ready-made) — «готовые продукты» — так Дюшан называл предметы фабричного производства, которые он наделял концептуальным смыслом, посредством чего они становились произведениями искусства. Художественные эксперименты Дюшана открывают новый тип искусства, основанный на отчуждении автора от его произведения, что явилось предтечей постмодернистской идеи «смерти автора». Идея реди-мэйда, «готовой вещи», предложенная М. Дюшаном, оказала огромное влияние на развитие живописи в 1960—1970-е гг. Идея отчуждения автора от произведения выразилась в заимствовании чужой образности (поп-арт), чужой техники (фотореализм), чужих стилей и направлений (концептуализм, постмодернизм).

Современные художники зачастую закупают свои произведения на фабриках, используют предметы реди-мэйда для создания инсталляций и образы массовой культуры (поп-арт и соц-арт). Так, американские минималист Дональд Джадд (1928—1994) создает прогрессии из металлических и деревянных конструкций, которые он заказывает на фабрике. Особенностью данного произведения искусства является то, что оно не функционально, его нельзя использовать как утилитарный предмет, произведением искусства в данном случае становится цвет, форма, прогрессия, пустое пространство между джаддовскими объектами, их опре-

¹ Соц-арт, или коммунальный поп-арт, следует рассматривать как разновидность концептуализма, на наш взгляд. Искусство XX в. в целом концептуально, но также можно выделить концептуализм как отдельное художественное направление, отличительной особенностью которого является игра с текстами и знаками, традиционные тексты надо деконструировать с целью познания окружающей действительности.

² Помимо концептуальной живописи можно говорить о концептуальном кинематографе, о чем мы писали в статье: Дядык Н. Г., Конфедерат О. В. Концептуальный фильм как форма философствования (экзистенциальная проблематика фильмов В. Вендерса) // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 95—106.

деленный ритм, что в целом характерно для минимализма в искусстве. «Концептуальное искусство создается для того, чтобы привлечь ум зрителя, а не его взгляд или эмоции. <...> Все, что привлекает внимание и вызывает интерес к материальности, уводит нас от понимания идеи и используется как экспрессивное средство. Концептуальный художник будет стремиться к тому, чтобы свести к минимуму акцент на материальной стороне произведения либо представить эту сторону парадоксальным способом (обратить ее в идею). Этим видом искусства следует заниматься с предельной экономией средств. <...> Идеи могут также быть выражены в часах, фотографиях, словах или любым иным способом по выбору художника, при этом форма будет не важна», — писал в 1967 г. Сол Левитт — один из лидеров американского концептуализма [11].

Поп-арт, по нашему мнению, так же следует рассматривать как манифестацию концептуализма в искусстве. В основе поп-арта находится такой концепт, как «общество потребления», которое одновременно является предметом критики, иронии и восхищения художников поп-артистов. Американский поп-артист Энди Уорхолл (1928—1994) создает искусство, основанное на образах современной американской массовой культуры, предметом искусства в данном случае становится тиражированное изображение консервной банка супа «Кэмпбэл», серия раскрашенных портретов М. Монро и других икон стиля, этикетки товаров массового потребления, фотографии автокатастроф из средств массовой информации. Смысл подобных произведений искусства состоит в демократизации самого искусства, искусство должно быть понятно всем, в критике и одновременно поэтизации общества потребления, в создании реальности симулякров. Поп-арт, развив идею реди-мэйда М. Дюшана, делает предметом искусства готовые объекты — фотографии звезд, этикетки, упаковки — все то, что ранее считалось китчем, недостойным высокого искусства, наделяя их концептуальным смыслом и вводя важное для постмодернизма понятие симулякра. Произведения поп-артистов — это пустые оболочки, знаки, оторванные от предметов, которые они означают.

Абстракционизм также, по нашему мнению, в основе своей концептуален. Художники-абстракционисты отказываются в своих работах от изображения предметного мира с различными целями. Концептуальным содержанием абстракции может являться стремление к выражению духовного,

попытка вывести формулу мироздания, как в случае с супрематизмом К. Малевича. Абстрактное искусство может быть выплеском подсознательных импульсов художника, как в случае с абстрактным экспрессионизмом Д. Поллока и М. Ротко. Абстракция концептуально может быть попыткой разложить живопись на составляющие ее элементарные частицы, высвободив новую энергию искусства. «Художники приходят к абстрактному искусству в поисках абсолютного. Авангардист пытается подражать Богу, создавая нечто имеющее смысл только на своих собственных условиях, так же как природа ценна сама по себе и как эстетически ценен реальный пейзаж — а не картина, его изображающая. <...> Однако ценности, во имя которых авангардист взывает к абсолюту, — относительны, это эстетические ценности. Поэтому оказывается так, что он подражает не Богу, а самой дисциплине (искусству), его процессам. <...> Отворачиваясь от смысла работы, художник приходит к средствам своего ремесла. Средства живописи становятся ее содержанием», — писал по поводу сущности абстрактного искусства Гринберг [2]. Абстрактное искусство, таким образом, всегда концептуально нагружено, поэтому его следует рассматривать как разновидность концептуализма.

Концептуальное искусство, как следует из вышесказанного, нужно рассматривать как способ визуального философствования, в чем искусство сближается с философией. Философствование может быть вербальным, оперирующим философскими категориями «бытие», «экзистенция», «материальное» и «идеальное» и пр., но оно может быть и визуальным. В случае с визуальным философствованием мы говорим о философствовании посредством визуальных образов или концептов. Произведение концептуального искусства предполагает, что в основе находится философский смысл или идея, которую необходимо интерпретировать. Философы осмысливают мир при помощи философских концептов, но и художники могут мыслить концептами, и тех, и других сближает одна цель — познание действительности. Если философия, по мнению Делеза и Гваттари, — это познание мира при помощи ментальных концептов, то живопись — это способ выразить свое видение мира посредством художественных образов, которые представляют собой также концепты — многоуровневые смысловые образования, являющиеся способом абстрагирования бытия, способом «схватывания» бытия с целью его познания [3].

У философов свои концепты, как-то вещь-в-себе у Канта, монады у Лейбница, сказ у Хайдеггера, а у художников-авангардистов свои концепты, которые помогают им познавать окружающую действительность. Визуальный концепт может быть символом, цветом, линией, наконец, он может быть пустотой, отсутствием изображения. Так, например, концептом становится понятие «пустота» в творчестве японского художника Он Кавара и в современном искусстве в целом, речь идет о воле к пустоте в минимализме Д. Джадда, в «Черном квадрате» К. Малевича, в геометрических абстракциях 1960-х гг. Пример концептуализации понятия «пустота» продемонстрировал французский художник Ив Клейн в 1958 г. на выставке «Пустота», представляющей абсолютно пустой зал, наполненный, по мысли автора, духовной, нематериальной сущностью искусства. Концептуальное искусство ищет принципиально новые способы создания живописи. «Коль скоро под живописью понимается придание эстетической ценности цветам, женщинам, эротике, повседневности, искусству, дада, психоанализу и войне во Вьетнаме, то мы не живописцы», — такой текст сопровождал одну из выставок группы художников-концептуалистов БМПП в 1967 г. [10, с. 24].

Рассмотрим концептуализм в искусстве на примере живописи современного японского художника Он Кавара (1933—2014), проект которого «Один миллион лет» состоит из холстов с нанесенными на них датами, иллюстрирующими каждый прожитый им день [10]. Иногда вместо дат Он Кавара вводит в картины запись реальных событий: «Сидел на Тайм-сквер», «Тазко поцеловала меня», «Я все еще жив». Герменевтический анализ данных произведений искусства демонстрирует, что художник хочет сказать зрителю, что каждый день неповторим, необходимо ценить каждое его мгновение, быть здесь и сейчас. Каждый отдельно взятый холст художника — отдельно прожитый им день. Таким образом, Он Кавара превращает свою жизнь в проект, в художественный жест, в герменевтический текст, посвященный экзистенциальным темам времени и смысла жизни.

В России концептуализм как направление современного искусства, по нашему мнению, формировался в два этапа. Первый этап связан с супрематизмом К. Малевича и абстракционизмом В. Кандинского, художественные искания которых приходится на 1920-е гг. Супрематизм и абстракционизм — это новые типы художественной изобрази-

тельности, которые концептуальны по своей сути. «Черный квадрат» К. Малевича — это концептуальное произведение искусства; так, произведением искусства в данном случае становится идея пустоты, взрыва искусства, его обнуления. Абстрактные композиции В. Кандинского — это концептуальное искусство, так как для художника важнее передать свое эмоциональное состояние, чем изобразить реальный объект действительности, и вызвать ответные ментальные реакции у зрителя. Второй этап формирования российского концептуализма собственно как художественного направления приходится на 1960-е—1970-е гг. и продолжается по настоящий момент. После выставки современного западного искусства в Манеже в 1962 г., на которой Н. С. Хрущев критически отозвался о современном искусстве, российское искусство разделилось на два лагеря: первый — это соцреализм, отобравший идеологию через советскую действительность, и второй — русский авангард, который был против официальной идеологии. Художники-авангардисты 1960-х заложили русский концептуализм, известный как коммунальный поп-арт или соц-арт, ярким образцом которого является творчество И. Кабакова.

Произведения концептуального искусства часто вызывают неоднозначные реакции у зрителей в силу того, что в основе их находится определенная интеллектуальная провокация — для того чтобы их понять, необходимо приложить ментальные усилия. Это свойство мы обозначим как онтологическую неопределенность, которая является условием, инициирующим акт философствования, о чем мы писали ранее: «Встречаясь с произведением концептуального искусства, мы вместо ожидания того, что к нам обратятся на понятном нам языке, испытываем противоположное чувство “непонятности”, онтологической неопределенности, которое становится одним из главных условий философствования» [4, с. 97]. Онтологическая неопределенность — это ментальное состояние, вызываемое у реципиента произведением искусства, которое характеризуется неопределенностью смысла, трудностью в интерпретации, стимулирует интеллектуальные усилия; для того чтобы понять концептуальное искусство, необходимо обратиться к своему экзистенциальному опыту, тем самым инициируя акт философствования [6].

Таким образом, под концептуальным искусством мы понимаем не только направление живописи 1960—1970-х гг., мы понимаем концептуализм в искусстве более

широко как такую эстетическую установку в искусстве XX в., когда идея художника оказывается важнее его художественного выражения, в этом отношении все современное искусство оказывается концептуальным. «Самое “чистое” определение концептуального искусства заключается в том, что это исследование основ понятия “искусство” и того, что оно стало означать», — пишет в своем эссе «Искусство после философии» Д. Кошут [8]. Концептуализм в искусстве тесно связан с философией, интеллектуальный вид искусства, который своими истоками уходит в постмодернистское философское сознание, психоанализ, экзистенциализм и философию языка.

Концептуальное искусство как манифестация постмодернистского философского сознания

Концептуальное искусство является манифестацией постмодернистского художественного сознания, оперирующего отчужденными изобразительными языками. Первым образцом подобной манифестации является искусство поп-арта, оперирующего симулякрами массовой культуры. Натурой для картин поп-артистов служит реальность, уже опосредованная масс-медиа: рекламой, фотографией, телевидением, а значит, реальность симулякров. Теория массовых коммуникаций и семиотика стали философской основой поп-арта. Под симулякром мы вслед за Ж. Бодрийаром понимаем знак, не имеющий означаемого объекта в реальности [1]. Рекламный образ и образы массовой культуры являются типичными примерами симулякров, поскольку они создают некую гиперреальность, мифы, стереотипы поведения и установки, которым старается соответствовать массовый человек. Симулякр в сфере социальной реальности становится одним из способов манипуляции массовым сознанием.

Постмодернизм как эстетика симулякра отличается искусственностью, поверхностностью и отсутствием глубинного смысла. В её центре — объект, а не субъект (художник), избыток копирования, а не уникальность оригинального. Иллюстрацией данного тезиса является поп-арт в целом и творчество Энди Уорхолла в частности. В основе поп-арта находится обыгрывание образов современной массовой культуры, целью которого является демонстрация смерти автора. Суть идеи «смерти автора» заключается в следующем: человек несвободен,

поскольку наше сознание и наши действия определены текстуальным и культурным составом нашего «Я». Человек, с точки зрения постмодернизма, представляет собой сумму унаследованных моделей поведения и способов восприятия действительности. Это распространяется и на автора, который творит произведение искусства не из своего субъективного внутреннего мира, а от имени всей громадной и уходящей в глубины веков совокупности текстов. Таким образом, любой творческий процесс с точки зрения философии постмодернизма есть скрытая цитация и рекомбинация уже созданного. В этом отношении поп-арт является хорошей иллюстрацией идеи «смерти автора». Концепция «смерти автора» реализуется в том, что Уорхолл не создает свои произведения живописно, он создает только концепцию художественного произведения, а само произведение может быть изготовлено ассистентами или даже на фабрике, из произведения искусства уходит идея рукотворности и уникальности, художник творит только идею произведения или концепт, а способы его материализации не имеют особого значения. Главным приемом творчества Энди Уорхолла становится серийность изображений. Его произведения состоят из ряда одинаковых изображений, своей длинной и монотонностью напоминающих полки супермаркетов: банок консервированного супа «Кэмпбелл», фотографий Мэрилин Монро или гигантских вырезанных по контуру фигур Элвиса Пресли. «Чем больше вы смотрите на совершенно одинаковые вещи, тем скорее исчезает их значение. Вы опустошены, и это хорошо», — так Э. Уорхолл комментировал свое творчество [10, с. 12]. Таким образом концепт «пустота» имеет важное значение в творчестве Э. Уорхолла: пустота — это реальность симулякров, созданная обществом потребления, но пустота — это также метафизическая категория, заимствованная из восточной философии и означающая возможность наполнения, восприятие картин поп-арта, следовательно, дает возможность обнуления сознания, превращаясь в своеобразную медитативную практику.

В основе современного искусства, по нашему мнению, находится также постмодернистская идея невозможности объективного познания действительности и отсутствие критериев достоверности. Современное искусство трудно для восприятия в том числе и потому, что оно больше не отражает прекрасный и гармоничный мир, как классическое искусство. «У нового художника, художника XX в., нет и быть не

может единственной и исключительной концепции истины и красоты», он оказывается «закоренелым релятивистом, для которого постоянно только изменение и действительна лишь относительность», — пишет искусствовед А. К. Якимович [14, с. 14]. Идеолог постмодернизма в философии Ж. Деррида называет всю западную «логоцентрическую традицию», заключающуюся в идеалах истины, красоты, прогресса, справедливого общества, не более чем «совокупностью идеологием и мифов» [13]. Новое мироощущение в живописи и философии обусловлено эпистемологическим кризисом и осознанием провала проекта Просвещения. Сравним современную живопись с живописью эпохи Возрождения. Мир, отображенный на полотнах мастеров Возрождения и Просвещения, — это мир гармоничный, человек находится в гармонии с природой и миром. Современный мир — мир плюральный и дисгармоничный. После мировых войн, массового террора и геноцида становится как-то неловко говорить языком искусства о гармонии, добродетели и разуме, о морали и красоте. Кроме того, на современное искусство огромное влияние оказывают информационные технологии, которые прочно вошли в наше повседневное бытие. Мир, который хотят выразить художники языком искусства, — это совсем другой мир: плюралистический, дисгармоничный, мир, в котором стираются этические, межполовые, межкультурные границы, — отсюда вытекает то разнообразие эстетических экспериментов, призванных его концептуализировать.

Отличительной чертой классического искусства, как следует из концепции Ж. Лиотара, является господство в нем идеологий, объединяющих людей. Ж. Лиотар выделяет в истории традиционного и индустриального общества метанарративы платонизма, христианства, новоевропейского рационализма и Просвещения [5]. Для постмодернистской философии и современного искусства характерно переосмысление концепций прошлого и возможностей познания. Переоценка всех ценностей, а как следствие, недоверие к метарассказам отличает новую картину мира. «Сегодня, — пишет Лиотар, — мы являемся свидетелями раздробления, расщепления “великих историй” и появления множества более простых, мелких, локальных “историй-рассказов”» [5, с. 215]. Современное искусство, таким образом, так же как постмодернистская философия, использует метод деконструкции как способ познания реальности. Визуальным проявлением деконструкции являются такие

художественные направления современного искусства, как кубизм, абстракционизм, супрематизм, концептуализм. Иллюстрацией деконструкции великих идей является, например, деконструкция советской идеологии в соц-арте.

Соц-арт — симбиоз социалистического реализма и поп-арта. Если в западном обществе существует перепроизводство товаров, реакцией на которое был поп-арт, то в СССР наблюдалось перепроизводство идеологии, реакцией на которую становится соц-арт, главным методом которого стала ироническая игра с советской символикой. Главной темой творчества И. Кабакова, одного из главных представителей соц-арта и русского концептуалиста, является критика советской идеологии посредством иронии и деконструкции советских идеологических текстов. Кабаков, известный как создатель тотальных инсталляций, в своей самой известной работе «Человек, улетевший в космос из своей коммунальной квартиры» (1986) подвергает иронии быт советских коммунальных квартир, переизбыток советской идеологии, от которой хочется вырваться прямо в космос. Главной метафорой творчества И. Кабакова является советская коммунальная квартира, населенная множеством разнообразных обитателей — своеобразная модель советского общества. Часто картины и арт-объекты Кабакова окрашиваются в специфический цвет советских подъездов и коммунальных кухонь и имитируют стелды и доски объявлений (например, «Лопата» или «Выписка из приложения...»), в чем обнаруживается игра с текстом — один из главных приемов концептуализма. Как следует из вышесказанного, концептуализм в искусстве опирается на главный тезис постмодернистской философии о том, весь мир — культура, история, личность, в том числе и наше представление о себе, являемся лишь текстом, сложными семиотическими системами, которые необходимо деконструировать.

Экзистенциализм, психоанализ и философия языка как философская основа концептуального искусства

Из предыдущих наших рассуждений мы установили, что все современное искусство концептуально по своей сути, поскольку в основе его находится идея живописца, то есть концепт, который может выражаться различными художественными средствами от цвета и линии до использования объек-

та рэди-мэйда. В абстракционизме способами передачи концепта становится линия и цвет, в сюрреализме — художественный образ, построенный на абсурде, в поп-арте — симулякр, в концептуализме — текст и предметы рэди-мэйда. Причиной для объединения столь разных художественных стилей и направлений под термином «концептуальный» является, по нашему мнению, тот факт, что все они в той или иной степени связаны с философией, чего не наблюдается у традиционного искусства, основной функцией которого является эстетическая. Современное искусство, по нашему мнению, тесно связано с философией, в основе его мы выделили следующие философские истоки помимо постмодернизма: экзистенциализм, психоанализ и философию языка.

1. *Связь концептуального искусства с экзистенциализмом и психоанализом.*

Современное искусство отображает постмодернистское понимание бытия, семиотической моделью которого становится ризом, или лабиринт со множеством входов и выходов, в котором легко потеряться. Европейские мыслители, такие как А. Камю, Ж.-П. Сартр, А. Бергсон, З. Фрейд, М. Вебер, описывая экзистенцию современного человека, также указывают на лабиринтные ситуации, в которых он оказывается: «Мысль начинающегося XX в. описывает человека, с одной стороны, как венец бытия, <...> как хозяина и демиурга Вселенной, а с другой стороны, как жертву своих достижений — задерганного и сбитого с толку, а оттого и опасного невротика, даже полусумасшедшего, то и дело сталкивающегося с неизвестными ему и невыносимыми, странными и чуждыми силами» [14, с. 7]. Смерть, бесполезность человеческих усилий, отчужденность людей друг от друга, состояние тревожного одиночества — вот основные экзистенциальные мотивы, прослеживающиеся в большинстве авангардных течений европейского искусства: в кубизме, в абстрактном экспрессионизме, в сюрреализме, в абстракционизме, в концептуализме. «Авиньонские девицы» П. Пикассо, пустые дома и улицы Э. Хоплера, метафизическая живопись Д. Кирико и К. Карра — все эти произведения искусства объединяет стремление передать «заброшенность» человеческого бытия. Живопись XX в. генетически связана с экзистенциализмом, поскольку передает мироощущение человека, пережившего опыт мировых войн и утрату чувства собственной идентичности. «Количество зла, которое может быть причинено вполне добрым человеком, достойно удивления.

Десятеро закоренелых негодяев за ним не угонятся», — писал английский писатель Р. Олдинг в своей книге «Смерть героя» (1929) [14, с. 6]. Искусство и философия не могли не отреагировать на это новое трагическое для человечества мироощущение — в философии появляется экзистенциализм, искусство в целом и живопись в частности отражает экзистенциальные мотивы смерти, заброшенности, одиночества, поиска смысла жизни. «Герника» П. Пикассо (1937) явилась квинтэссенцией ужасов войны. «Три этюда к фигурам у подножия распятия» (1944) английского художника-абстракциониста Фрэнсиса Бэкона, написанные под влиянием Пикассо, также передают ощущение художника от только что закончившейся Второй мировой войны. Картина представляет собой триптих, на котором изображены три сильно искаженные фигуры, некие биоморфные существа, которые являются для художника символами Эриний — богинь-мстительниц из древней мифологии, которые в трагедии Эсхила «Эвмениды», преследовали Ореста за убийство матери. Концепцией, объединяющей все эти три картины в единый триптих, является метафизический образ крика, когда все тело как бы выходит через рот, концепт «крик» является ключевым концептом для всего творчества Ф. Бэкона. Крик у Ф. Бэкона напоминает о «Крике» Э. Мунка (1893), на картине которого изображена кричащая в отчаянии человеческая фигура на фоне кроваво-красного неба, предвещающие для искусства XX в. темы одиночества, отчаяния и отчуждения. Как рефлексия по поводу Первой мировой войны возникает психоанализ, который показывает, что до человеческого и животного начало в человеке в конечном итоге пересиливает все усилия культуры и человечности.

С начала 1920-х гг. на авансцене радикального авангарда господствует сюрреализм. Говорить правду о человеке — значит показывать его чудовищность, не пытаюсь исправить или морально осудить ее — вот программный тезис сюрреализма, философским истоком которого становится психоанализ. Стремление показывать в документально достоверном и гипнотически-иллюзорном виде такие вещи, которые прежде приписывались фантазии, бреду и сумасшествию — вот основа сюрреализма как концептуального искусства. Реальность, представленная на картинах Д. Кирико и К. Карра, С. Дали, представляет собой странное пространство, восприятие которого вызывает у зрителя тревожное ожидание. Сюрреализм как

концептуальное искусство подрывает устои культурной картины мира, обнаруживая в своих произведениях иррационалистические, абсурдистские и параноидальные смыслы. Сюрреалист-концептуалист исходит из того, что искусство выйдет из тупика и найдет в себе новые силы, когда поймет, что творит искусство не контролирующее реальность Я, а растворенное в ней Оно. Случайные, интуитивные методы создания произведения искусства, такие как фроттаж, граттаж, дриппинг, помогали художникам-сюрреалистам исключать контроль со стороны рационального сознания. В дальнейшем данные методы были заимствованы абстрактными экспрессионистами (Д. Поллок и М. Ротко), французским художником-концептуалистом И. Клейном, родоначальниками советского авангарда А. Зверевым и В. Янкилевским. Целью художника-концептуалиста при таком творческом подходе является спонтанное выражение внутреннего мира, подсознания, в хаотических формах, не организованных логическим мышлением.

2. Связь концептуального искусства с философией языка.

Концептуальное искусство также тесно связано с философией языка и аналитической философией в частности, что констатирует один из теоретиков концептуализма Д. Кошут в эссе «Искусство после философии». Он пишет, что так же, как Л. Витгенштейн изменил всю современную философию, совершив лингвистический поворот в ней, М. Дюшан совершил поворот в искусстве в сторону его концептуализации [8]. Дюшан придал искусству его идентичность, тенденцию к постепенной самоидентификации искусства можно увидеть, начиная с Мане и Сезанна и вплоть до кубизма, но именно М. Дюшан начинает создавать искусство принципиально новым способом, декларируя, что объектом искусства может стать любая вещь, если поместить ее в контекст искусства. По сути, концептуальное искусство имеет дело с игрой смыслов, оно опирается на многозначность и метафоричность языка, переносит фокус внимания с визуального в область означаемого, и здесь мы действительно имеем дело уже с философией языка. Примечательно в этом отношении программное произведение Д. Кошута «Три стула» (1965) из серии «Искусство как идея», которое уравнивает в правах реальный предмет (стул), его словесное описание (словарная статья) и визуальный образ (фотография). «Работа» сводится к языковому трюку, который устроен как закрывшийся

цветок, чьи лепестки указывают своими кончиками в его собственную сердцевину, — это и зовется аутореференцией или отсылкой к самому себе», — пишет о творчестве Кошута Новоженова [9]. Вместо традиционных образов изображаемого художники-концептуалисты используют тексты и знаки. «Субъект концептуального исследования — это смысл определенных слов и выражений, а не сами по себе предметы или состояния дел, о которых мы говорим, используя данные слова и выражения», — пишет один из представителей концептуализма Г. Х. фон Райт. Концептуальное искусство, по мнению Кошута, больше не связано с эстетикой, как это принято в традиционном искусстве. Действительно, если мы посмотрим на полотна художников XX в., то большинство из них не доставляет эстетического чувства в отличие от полотен, например, фламандских живописцев, где каждый изображаемый объект вызывает эстетическое наслаждение. Эстетическая или декоративная функция уходит в концептуальном искусстве на задний план, важнее становится смысловое содержание произведения искусства. По этому поводу Кошут определяет произведение искусства как «некое предложение или высказывание (proposition), представляющее в контексте искусства как комментарий к искусству» [8]. Для оценки и понимания концептуального искусства необходима предварительная информация о развитии искусства и о концепциях конкретного художника, необходимо быть готовым к интеллектуальному осмыслению увиденного.

Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что концептуальное искусство является способом визуального философствования. Произведение концептуального искусства предполагает, что в основе находится концепт или идея, которую необходимо интерпретировать. Концептуальное искусство является специфической формой познания мира. В условиях постмодернистского философского сознания оно становится околным путем философствования, визуальным способом всматривания в бытие, инициирующим акт философского вопрошания. Философскими истоками концептуализма являются постмодернизм, философия языка, экзистенциализм и психоанализ. Концептуальное искусство является манифестацией постмодернистского философского сознания, а именно идеи «смерти автора», метода деконструкции, идеи невозможности объективного познания действительности, идеи симулякра.

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула : Тульский полиграфист, 2013. 204 с.

2. Гринберг К. Авангард и китч. URL: <https://www.photographer.ru/cult/theory/3000.html> (дата обращения: 06. 01. 2020).

3. Делез Г., Гваттари Ф. Что такое философия? М. : Институт экспериментальной социологии, 1998. 288 с.

4. Дядык Н. Г. , Конфедерат О. В. Концептуальный фильм как форма философствования (экзистенциальная проблематика фильмов В. Вендерса) // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 95—106.

5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 256 с.

6. Конфедерат О. В. Непонимание как онтологическая необходимость. Предельная интерпретация в условиях технического отчуждения реальности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 26—29.

7. Конфедерат О. В. Прозрачный кадр. Концептуальный фильм как опыт нерелективной антропологии. Челябинск : Энциклопедия, 2009. 312 с.

8. Кошут Д. Искусство после философии // Искусствознание. 2001. №1. С. 543—563.

9. Новоженова А. Понимать концептуальное искусство. О творчестве Кошута // «Искусство кино», 2015, № 5. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2015/05/ponimat-kontseptualnoe-iskusstvo-o-tvorchestve-koshuta> (дата обращения: 06. 01. 2020).

10. Обухова А. Е, Орлова М. В. Живопись без границ от поп-арта к концептуализму. Альбом. М. : Галарт : Олма-Пресс, 2001. 176 с.

11. Сол Левитт. Параграфы о концептуальном искусстве. URL: http://contemporary-artists.ru/Paragraphs_on_Conceptual_Art.html (дата обращения: 06. 01. 2020).

12. ФлинтГ. Концептуальноеискусство: эссе. URL: http://contemporary-artists.ru/henry_flynt_concept_art.html (дата обращения: 06. 01. 2020).

13. Цендровский О. Ю. Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. // Человек и культура. 2011. № 5. С. 1—57.

14. Якимович А. К. Реализмы двадцатого века. М. : Галарт : Олма-Пресс, 2001. 176 с.

15. Duvé Th. de. The Definitively Unfinished Marcel Duchamp. Halifax : Nova Scotia College of Art and Design ; Cambridge : MIT Press, 1991. 488 p.

16. Fontaine. C. Ready-Made Artist and Human Strike: a few Clarifications. URL: http://www.ubu.com/papers/Fontaine_Readymade.pdf (дата обращения: 06.01.2020).

17. Graham L. Duchamp & Androgyny: Art, Gender, and Metaphysics. Berkeley : No-Thing Press, 2003. 88 p.

18. Greenberg C. Art and Culture : critical Essays. Beacon Press, 1961. 278 p.

19. Greenberg C. Homemade Esthetics: Observations on Art and Taste. Oxford : Oxford University Press, 1999. 220 p.

20. Kachur L. Displaying the Marvelous: Marcel Duchamp, Salvador Dali, and Surrealist Exhibition. Cambridge : MIT Press, 2001. 259 p.

References

1. Bodrijjar Zh. (2013) Simuljakry i simuljacija. Tula, Tul'skij poligrafist, 204 p. [in Rus].

2. Grinberg K. Avangard i kitch. Available at: <https://www.photographer.ru/cult/theory/3000.html>, accessed 06.01.2020 [in Rus].

3. Delez G., Gvattari F. (1998) Chto takoe filosofija? Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii, 288 p. [in Rus].

4. Djadyk N. G., Konfederat O. V. (2019) *Socium i vlast'*, no. 3 (77), pp. 95—106 [in Rus].

5. Il'in I. P. (1996) Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Moscow, Intrada, 256 p. [in Rus].

6. Konfederat O. V. (2011) *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija*, vol. 9, iss. 3, pp. 26—29 [in Rus].

7. Konfederat O. V. (2009) Prozrachnyj kadr. Konceptual'nyj fil'm kak opyt nerefektivnoj antropologii. Chelyabinsk, Jenciklopedija, 312 p. [in Rus].

8. Koshut D. (2001) *Iskusstvoznanie*, no. 1, pp. 543—563 [in Rus].

9. Novozhenova A. (2015) *Iskusstvo kino*, no. 5. Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/2015/05/ponimat-kontseptualnoe-iskusstvo-o-tvorchestve-koshuta>, accessed 06.01.2020 [in Rus].

10. Obuhova A. E, Orlova M. V. (2001) *Zhivopis' bez granic. Al'bom*. Moscow, Galart, Olma-Press, 176 p. [in Rus].

11. Sol Levitt. Paragrafy o konceptual'nom iskusstve. Available at: http://contemporary-artists.ru/Paragraphs_on_Conceptual_Art.html, accessed 06.01.2020 [in Rus].

12. Flint G. Konceptual'noe iskusstvo. Available at: http://contemporary-artists.ru/henry_flynt_concept_art.html, accessed 06. 01. 2020 [in Rus].

13. Cendrovskij O.Yu. (2011) *Chelovek i kul'tura*, no. 5, pp. 1—57 [in Rus].

14. Jakimovich A. K. (2001) *Realizmy dvadcatogo veka*. Moscow, Galart, Olma-Press, 176 p. [in Rus].

15. Duve Th. de. (1991) *The Definitively Unfinished Marcel Duchamp*. Halifax, Nova Scotia College of Art and Design, Cambridge, MIT Press, 488 p. [in Eng].

16. Fontaine. C. *Ready-Made Artist and Human Strike: a few Clarifications*, available at: http://www.ubu.com/papers/Fontaine_Ready-made.pdf, accessed 06.01.2020. [in Eng].

17. Graham L. (2003) *Duchamp & Androgyny: Art, Gender, and Metaphysics*. Berkeley, No-Thing Press, 88 p. [in Eng].

18. Greenberg C. (1961) *Art and Culture: Critical Essays*. Beacon Press, 278 p. [in Eng].

19. Greenberg C. (1999) *Homemade Esthetics: Observations on Art and Taste*. Oxford, Oxford University Press, 220 p. [in Eng].

20. Kachur L. (2001) *Displaying the Marvelous: Marcel Duchamp, Salvador Dali, and Surrealist Exhibition*. Cambridge, MIT Press, 259 p. [in Eng].

For citing: Dyadyk N.G. Conceptual art as a way of philosophizing: painting instead of philosophy // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (81). С. 104—115. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-104-115.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-104-115

UDC 7. 01

CONCEPTUAL ART AS A WAY OF PHILOSOPHIZING: PAINTING INSTEAD OF PHILOSOPHY

Natalia G. Dyadyk,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: djadykng@cspu. Ru

Abstract

Introduction. The article is focused on studying the intersection of contemporary art and philosophy. Contemporary art is a polymorphic formation, within which there are many individual styles and directions, however, this diversity always has a certain philosophy of art. The philosophy of modern art consists in rejecting the development of traditional artistic methods and techniques. The work of art becomes an object of intellectual knowledge, and not aesthetic perception. The cognitive function of art becomes a priority, and art in general and conceptual art in particular, become ways of knowing the world, which is of interest for philosophical reflection.

The aim of the study is to make a philosophical analysis of conceptual art in order to identify its philosophical sources and content.

Methods. General scientific methods: analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. When analyzing the works of conceptual art, we used hermeneutic and phenomenological methods, a semiotic approach.

Scientific novelty of the study. Conceptual art is seen as a form of philosophizing. It was revealed that in the works of conceptual artists, an idea is more important than its artistic embodiment, an idea, that is, a concept, in itself can be a work of art. Moreover, the concepts of artists are similar to the concepts of philosophers, since the goal of both is to know the world and grasp life. We understand conceptualism in art not only as a direction of avant-garde art of the 1960-1970s, with the goal of intellectual understanding of the art object, but also the main directions of avant-garde art of the 20th and 21st centuries from abstract art to pop art, we understand as conceptual, because their basis is the idea of the artist, immersing the recipient in a state of philosophical reflection.

Results. In the course of the study, conceptualism was considered as a philosophy of modern art; on the other hand, the philosophical sources of conceptualism itself were identified: postmodern philosophical consciousness, existentialism, psychoanalysis and the philosophy of language.

Conclusions. Conceptual art is a visual form of philosophical questioning about the essence of art itself, existence, about the world as a whole. Ontological uncertainty, actualizing the personal existential and cultural experience of the recipient, is one of the main conditions for philosophizing in the perception of conceptual art. The works of conceptual artists are based on philosophical problems: meaning, correlation of conscious and unconscious, rational and irrational, problems of a person's abandonment and loneliness, the problem of "the author's death" and alienation of the creator from his work, the idea of the impossibility of objective knowledge of reality.

Key concepts:
conceptual art,
avant-garde,
simulacrum,
true,
ontological uncertainty.

Для цитирования: Нехамкин В. А.
Структура теории в современном
историческом познании
(на примере концепций причин
поражения РККА в начальный период
Великой Отечественной войны):
философско-методологический анализ //
Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 116—127.
DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-116-127.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-00-00

УДК 167.7; 930.2

СТРУКТУРА ТЕОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИЙ ПРИЧИН ПОРАЖЕНИЯ РККА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ): ФИЛОСОФСКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
Московский государственный технический
университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию отдельных концепций причин поражения Красной Армии в 1941 г., сформировавшихся в историографии СССР, России и за их пределами с XX в. по настоящее время. Данные теории изучаются как разновидности научно-исследовательских программ И. Лакатоса, имеющие базовые положения («твердое ядро») и состоящий из гипотез «защитный пояс». Выявляется эвристический потенциал каждой концепции, ее сильные и слабые стороны в методологическом плане.

Цель. Рассмотреть концепции причин поражения РККА 1941 г. в современной историографии на базе модели научно-исследовательских программ И. Лакатоса; сопоставить между собой данные теоретические конструкции.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ. Применяется модель научно-исследовательской программы И. Лакатоса. Как средство познания привлекается контрфактическое моделирование прошлого.

Научная новизна исследования. Концепции причин поражения РККА в 1941 г. исследованы на базе модели научно-исследовательской программы И. Лакатоса. Реконструированы «твердое ядро» или базовые положения данных теорий, «защитный пояс» и составляющие его гипотезы. Анализируется структура как официальной доктрины «вероломного нападения», так и альтернативных ей теоретических конструкций. Сравнение концепций позволяет увидеть связь их «твердого ядра» и «защитного пояса». **Результаты.** В современной историографии выявлен ряд теорий поражения РККА в 1941 г.: официальная доктрина «вероломного нападения», «упреждающего удара», ментальная, «сознательного разгрома», экономико-ментальная. Данные теоретические конструкции выступают как противоположности друг друга в мировоззренческом и идеологическом плане. Однако теоретико-методологический анализ и сопоставление данных концепций позволил выявить наличие у каждой из них общей методологической основы. Это набор базовых положений и состоящий из гипотез «защитный пояс». Между данными элементами в каждой теоретической конструкции выявлен сложный комплекс взаимодействий. Отмечена позитивная роль взаимной критики теорий как средства, препятствующего догматизму познания. **Выводы.** Концепции поражения РККА летом 1941 г. пока только ищут точки соприкосновения. Тезис подтверждает факт преемственности в каждой из них некоторых базовых положений. В теориях присутствует сильный элемент конспирологии. Гипотезы из «защитного пояса» часто формируются на базе квантора всеобщности. Это заставляет сомневаться в их истинности в случае эмпирических проверок. Причинно-следственные связи не всегда обоснованно экстраполируются из одного периода прошлого в другой. Допускается преувеличение роли И. В. Сталина в происходивших событиях. Указанные теории демонстрируют плюрализм позиций по обсуждаемому вопросу. Анализ показал, что данные концепции нуждаются в дальнейшем теоретико-методологическом совершенствовании. Примечательно, что модель научно-исследовательской программы И. Лакатоса, созданная преимущественно на примерах из естествознания, работает и в гуманитарных науках.

Ключевые понятия:

научно-исследовательская программа, «защитный пояс», «твердое ядро», концепции причин поражения РККА в 1941 г., теория.

Введение

После завершения Великой Отечественной войны прошло почти 75 лет, но споры вокруг ее неудачного для СССР начала 22 июня 1941 г., огромных человеческих и материальных потерь, отступления РККА вплоть до столицы страны Москвы ведутся и по сей день. Эта война, по признаю К. М. Сиимова, «такой вдавила след, и столько на-земь положила», что осмыслить ее беспристрастно, спокойно, еще долго будет сложно. Конечно, ответить на вопрос «как получилось, что вермахт, несмотря на подготовку СССР к войне, захватил его огромные территории менее чем за полгода?» пытались и сами участники событий с обеих сторон и по «горячим следам». В мемуарах советских политиков (Н. С. Хрущев, А. И. Микоян) и военных (А. В. Горбатов, Г. К. Жуков и другие) вина возлагалась на И.В. Сталина или «обстоятельства непреодолимой силы» (не успели отмобилизовать войска, воссоздать танковые корпуса, полностью оснастить РККА новым вооружением и т. д.). Однако в 1960—1970-е гг. полемика велась в условиях цензуры, достаточно закрытых архивов, минимизации западных точек зрения (хотя мемуары некоторых полководцев вермахта, например, Г. Гудериана, Ф. Меллентина и др. в СССР в 1950-е гг. издали). В результате возникает официально одобренная доктрина, объясняющая поражение СССР в начальный период войны «вероломным нападением» Германии, мобилизованностью вермахта, упреждением РККА в развертывании и тому подобными факторами. Ее можно условно назвать концепцией «неожиданного удара».

Особенно ожесточенными дискуссии стали в заключительный период перестройки (1988—1991 гг.) и после ее завершения, уже в РФ. Открытие части архивных данных, отмена цензуры (выразившаяся в т. ч. в издании в подлинном виде мемуаров советских военачальников, особенно Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, А. Е. Голованова и др.), участие в полемике западных ученых и бывших соотечественников (включая В. Суворова), политизация вопроса, вынесение дискуссии на страницы газет и журналов — факторы, обусловившие остроту прений как среди специалистов, так и обычных людей.

В итоге в 1990—2000-е гг. в отечественной публицистике и научном познании оформились следующие теории, объясняющие поражение СССР летом—осенью 1941 г. Прежде всего речь идет о теории «упреждающего удара», который вермахт якобы нанес по СССР в данный период.

Суть позиции: СССР готовился начать наступление первым в июле 1941 г., но Третий Рейх его опередил. Именно так объясняло миру нападение на СССР германское правительство в Ноте своего МИД советскому правительству 21 июня 1941 г. [Цит. по: 5, с. 45], некоторые немецкие военачальники (Э. Манштейн), часть офицеров (Г. У. Рудель). Однако превратить тезис в теорию смог живший на Западе бывший майор советской военной разведки В. Б. Резун (писавший под псевдонимом В. Суворов) в работах «Ледокол», «День-М», «Последняя республика». В 1990-е гг. в РФ и бывших республиках СССР у него нашлось немало сторонников (И. Бунич и др.). В указанный период теория В. Суворова вызвала дискуссию среди отечественных ученых и публицистов [см., напр.: 1; 8; 11]. Поэтому нуждается не только в фактологическом, но и теоретико-методологическом анализе.

Однако если СССР готовился наступать первым, то почему он все-таки проиграл начальный период войны? Если РККА была сильной, то она должна была даже после неожиданного нападения дать отпор вермахту, выбить врага со своей территории. Раз этого не произошло, то исток поражений лежит где-то в другой плоскости. Например, в психологической. Такую теорию предложил М. С. Солонин. Он полагает, что причиной поражения РККА летом 1941 г. выступает <...> нежелание большинства ее солдат сражаться за режим большевиков и лично И. В. Сталина. Данную теорию можно назвать «ментальной».

Третья концепция причин поражения СССР еще более своеобразна, перекаладывая вину за катастрофу 1941 г. на одного человека. И. В. Сталин как главнокомандующий вооруженными силами делал все, чтобы подставить РККА под удар вермахта, по простой причине: дабы страна и ее политическая элита перестала «грезить» идеями «мировой революции». Назовем ее теорией «сознательного (осознанного) разгрома». Она изложена в работе Б. Н. Шапталова [20].

Четвертая теория причин поражения СССР предложена А. А. Захаревичем. Он считает таковыми объективный (несовершенство экономической системы СССР) и субъективный (перманентную ущербность, косность мышления офицеров РККА, ведущую к большим потерям) факторы. Назовем ее «экономико-ментальной» концепцией.

В итоге ныне имеется ряд теорий, объясняющих причины поражения СССР летом 1941 г.: официальная доктрина «неожиданного удара (вероломного нападения) на

СССР»; «упреждающего удара Германии» (В. Суворов и др.); ментальная (М. С. Соловьев); «осознанного разгрома» (Б. Н. Шапталов); экономико-ментальная (А. А. Захаревич).

В сложившихся условиях необходимо попытаться провести ревизию базовых положений данных концепций, сферы их применимости (какие факты объясняют или нет), каковы составляющие их обоснованные /необоснованные гипотезы. Кроме того, назрел период перехода в анализе данных теоретических конструкций от позиции отдельных авторов к реконструкции теорий в целом. Для решения задачи кроме общих методов (моделирования, сравнительного и структурно-функционального анализа) целесообразно воспользоваться и специфическим средством. По мнению автора, таковым может быть модель научно-исследовательских программ (НИП) И. Лакатоса. «У всех исследовательских программ есть “твердое ядро”. <...> Мы должны напрягать нашу изобретательность, чтобы <...> развивать уже имеющиеся или выдвигать новые “вспомогательные гипотезы”, которые образуют *защитный пояс* вокруг этого ядра... Защитный пояс должен выдержать главный удар со стороны проверок; защищая таким образом окостеневшее ядро, он должен приспособливаться, переделываться или заменяться, если речь идет об интересах обороны» [7, с. 80—81]. Соответственно, у каждой исследуемой концепции можно найти «твердое ядро» (базовые положения) и «защитный пояс».

Подобный опыт может быть полезен и в методологическом плане. Ведь эвристические возможности НИП демонстрировались преимущественно к естественнонаучным теориям (классической механике И. Ньютона, теории относительности А. Эйнштейна), здесь же они будут применены для реконструкции концепций из гуманитарного (исторического) познания.

Наконец, в методологическом плане автору придется обращаться к контрфактическому моделированию прошлого [9; 10]. Ибо создатели указанных теорий часто апеллируют к описанию потенциального прошлого как средству обоснования собственной позиции, создают его сценарии. Последние служат важным источником Альтернативной истории как дисциплины [9]. Кроме того, на примере изучаемых концепций видны некоторые *общие* особенности (тенденции) построения теоретических конструкций в современном историческом познании, которые целесообразно зафиксировать.

Теория «неожиданного удара» 22 июня 1941 г. как причина поражения СССР

Теория «неожиданного удара» формируется в СССР сразу после начала Великой Отечественной войны. Руководству страны требовалось объяснить причины стремительного отступления РККА населению, настроенному ранее пропагандой в оптимистическом духе. Отсюда по выступлениям И.В. Сталина можно проследить эволюцию концепции [см.: 6, с. 275—276].

На торжественном заседании Московского Совета трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г. (когда вермахт находился в пределах Московской области), глава СССР выделял такие причины отступления РККА. Во-первых, больший (в сравнении с РККА) опыт ведения боевых действий противником. «Наша армия и наш флот еще молоды, они воюют всего 4 месяца, они еще не успели стать вполне кадровыми, тогда как они имеют перед собой кадровый флот и кадровую армию немцев, ведущих войну уже два года» [цит. по: 15, с. 138].

Во-вторых, отсутствие «второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск», т. е. армий США и Великобритании на европейском континенте, что позволяет нацистам единолично сосредотачивать силы на Востоке [15, с. 139].

В-третьих, недостаток «у нас танков и авиации», причем количественный (по качеству подготовки танкистов и летчиков РККА ситуация виделась позитивной), который объяснялся работой на немцев промышленности Европы. Причем «без этого обстоятельства Красная Армия давно разбила бы немецкую армию» [15, с. 140].

Примечательно, что только в приказе Народного комиссара обороны № 55 от 23 февраля 1942 г. появляется новая причина поражений РККА — вероломство врага. «В первые месяцы войны ввиду *неожиданности и внезапности* (курсив мой — В. Н.) немецко-фашистского нападения Красная Армия оказалась вынужденной отступить, оставить часть советской территории» [15, с. 151]. Потом она станет «стержнем» объяснительных конструкций для данного периода.

После XX съезда КПСС, сделанного здесь доклада Н. С. Хрущева «О культе личности И. В. Сталина и его последствиях» виновником поражений 1941 г. стал бывший глава СССР. Причины трагедии лета 1941 г. искались и в игнорировании им предупреждений

разведки/зарубежных политиков (У. Черчилль) о грядущем нападении, и в сознательном запрете на перемещение промышленности в тыловые районы до начала войны, а войскам — на переход к обороне перед угрозой вражеского вторжения и т. д., но главным образом — в репрессиях среди военных 1937—1941 гг. «Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело ...обстоятельство, что на протяжении 1937—1941 гг., в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям, истреблены <...> многочисленные кадры командиров... На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоев командных кадров (курсив мой — В. Н.), начиная от роты, батальона, до высших центров... А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры... Многие из таких командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидела (курсив мой — В. Н.)» [21].

Вместе данные объективные и субъективные причины обуславливали набор базовых положений теории «неожиданного удара». РККА не ждала нападения вермахта 22 июня 1941 г., а потому встретила врага не в лучшем техническом и моральном состоянии, с приказами, запрещающими оказывать ему сопротивление, в стадии переоснащения вооруженных сил на новые виды техники. Это обстоятельство наложило на меньший боевой опыт советских войск, чем имелся у врага, воевавшего с 1939 г., меньшее количество артиллерии, танков, авиации (в т. ч. утраченной в ходе отступления летом 1941 г.), отсутствие действенной помощи США и Великобритании на фронте. С 1956 г. причины поражения РККА стали искать и в действиях И.В. Сталина, т. е. перешли на субъективный уровень.

Защитный пояс теории «неожиданного удара» строится на базе некоторых положений, использующих контрфактическое моделирование прошлого и специфическую интерпретацию фактической истории.

Во-первых, демонстрация на эмпирических примерах исключительной стойкости РККА с замалчиванием иных фактов (дезертирства, массовой сдачи в плен некоторых красноармейцев, самовольного перемещения в тыл групп военнослужащих и т. д. [12, с. 34—36]).

Во-вторых, акцентирование преувеличенно негативного влияния на действия РККА приказов военного и политического руководства «не поддаваться на провокацию» из-за опасений спровоцировать вермахт на ответные действия. (В частно-

сти, речь идет о Сообщении ТАСС 14 июня 1941 г. о том, что Германия не собирается нападать на СССР [5, с. 41—42], якобы полностью деморализовавшем бойцов РККА, поверивших: войны не будет.) Здесь «виновным» после 1956 г. объявлен И. В. Сталин.

В-третьих, сравнением количества сил союзников на Западном фронте и СССР на Восточном. На этом основании вывод: РККА отступала в 1941 г. из-за отсутствия действенной помощи США и Великобритании в Европе (игнорируя при таком подходе поставки в СССР по ленд-лизу).

В-четвертых, утверждение о техническом отставании РККА от вермахта.

В-пятых, тезис о преувеличенном значении репрессий в РККА 1937—1941 гг. для ее боеспособности перед вермахтом. Поскольку на XX съезде КПСС Н. С. Хрущевым объявлено, что И. В. Сталиным уничтожены лучшие военачальники, то уместен вывод: они бы и выиграли войну «малой кровью». Приведем пример изложения подобной гипотезы в художественной литературе. В поэме Р. Г. Гамзатова «Люди и тени» (1962 г.) предлагается такое «виртуальное» начало войны:

«Бойцам запаса розданы повестки,
Пехота немцев лезет напролом
(?! курсив мой — В. Н.).

Поторопитесь, маршал Тухачевский,
Предстань войскам в обличе боевом.
Пусть *гений* ваш *опять блеснет* в *приказе*
(курсив мой — В. Н.)

И удивит ошеломленный мир
Федько *пусть шлет* к вам *офицеров связи*¹
(?! курсив мой — В. Н.)

И о делах радирует Якир
Но их, приговоренных к высшей мере,
Не воскресить и Богу, а пока
В боях невозместимые потери
Несут *осиротелые войска*
(курсив мой — В. Н.)».

Казалось бы, поэту можно остановиться, сказав: если бы не казненные полководцы, то РККА воевала бы гораздо лучше летом 1941 г. Однако Р. Г. Гамзатов идет дальше. По его мнению, места М. Тухачевского,

¹ Комментировать контрфактические «рассуждения» Р. Г. Гамзатова сложно. Почему вермахт, склонный к маневренной войне, вдруг «лезет напролом»? Видимо, в войсках И. Федько радиосвязи нет, но почему ее тогда используют в частях И. Якира? Странный сценарий ведения войны. У В. Суворова в «Ледоколе», например, он гораздо более обоснован.

И. Федько, И. Якира заняли непрофессионалы, что тоже обусловило поражения РККА.

...Еще года расплаты будут долги
И обернутся множеством невежд
(курсив мой — В. Н.)
И горьким отступлением до Волги,
И отдаленьем брезжущих надежд.

С подобным тезисом согласиться еще сложнее. Место казненных в 1937—1941 гг. военачальников заняли новые, включая Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, А. В. Горбатов и других, которых к «невеждам» отнести нельзя. Далеко не все они подверглись репрессиям в 1930-е гг.

Естественно, что тиражирование гипотезы о том, что сохраненные в 1937 г. военачальники не допустили бы врага до Волги, породило ответную, не менее категоричную реакцию. В. Суворов пишет в 1998 г. работу «Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию?» [18], где доказывает, что «невежды» — как раз казненные в 1937 г. и позже военачальники, а сменившие их люди потому и смогли выиграть войну с немцами, что были образованнее и талантливее.

В целом в теории «неожиданного удара» начали сомневаться еще в 1960-е гг. «Какая такая была «внезапность», — ... не моего ума дело. Когда за стенкой гости придут, на стол собирают, и то людям слышно! А как это так, чтоб под боком целое войско собрали — и не слышать, не знаю!», — говорит один из героев романа К. М. Симонова «Живые и мертвые» (1959 г.). Слабые места этой теории в 1990-е гг. вызвали волну критики, ее «твердое ядро» в условиях плюрализма мнений на какой-то период перестало вырабатывать новые гипотезы для «защитного пояса». Данное обстоятельство вызвало переход отдельных ученых и публицистов к противоположной концепции, когда отступление РККА в 1941 г. объяснялось провалом ее собственных агрессивных планов.

«Упреждающий удар» Германии 22 июня 1941 г. как причина поражения СССР

«Твердое ядро» теории «упреждающего удара» (и вытекающих из нее причин поражения СССР в 1941 г.) в версии В. Суворова [16; 17; 19] может быть сформулировано в следующих положениях.

1. СССР готовился к захвату Европейских стран с 1920-х гг. Для этого требовалось, чтобы данные государства были предварительно лишены самостоятельности, порабо-

щены одной державой. Тогда СССР автоматически становился освободителем Европы от нацистской тирании.

2. Требовалась страна, которая сможет осуществить подобные тайные планы СССР. (Провал похода в Польшу Красной Армии в 1920 г. показал, что добровольно ни одно государство ее в Европу не «пустит», тезис лишней раз подтвердили события осени 1938 г. вокруг Чехословакии). Поскольку после поражения в I Мировой войне, реванша активно жаждала Германия, постольку ей И. В. Сталиным и была отведена роль подобного «Ледокола», «подминающего» остальные государства, выходящего в итоге к границам СССР.

3. Руководство СССР в 1930-е гг. делало все возможное (например, препятствовало через Коминтерн созданию единого фронта между социал-демократами и коммунистами в Германии), чтобы привести в стране к власти нацистов в лице А. Гитлера. Кроме того, еще в 1920-е гг. в СССР готовили немецких военных специалистов (ибо в Германии имелись запреты, вызванные Версальским договором 1919 г.): летчиков, танкистов и т. д.

4. При тайной помощи И. В. Сталина СССР и нацисты к осени 1939 г. нейтрализовали иные государства Европы и после пакта Молотова — Риббентропа (23 августа 1939 г.) совместно разделили Польшу. У СССР и Третьего Рейха появилась общая граница, что делало войну неизбежной [16—17].

5. Еще до заключения пакта (с 19 августа 1939 г.) руководство СССР начало формирование новых пехотных, танковых, авиационных дивизий, что тоже делало столкновение с Германией необратимым к лету 1941 г. Без начала войны «лишних» солдат бы просто пришлось распускать по домам [16, с. 246; 17].

6. СССР и РККА готовились только к наступательной войне. Для обороны же не делалось ничего или почти ничего [16, с. 250; 325—326].

7. Наступление вермахта 22 июня 1941 г. опередило аналогичные действия РККА «буквально на две недели» [16, с. 333]. СССР без атаки врага нанес бы удар 6 июля 1941 г. (операция «Гроза», о ее разработке см. [17]).

8. Поскольку ни организационно, ни тактически, ни стратегически РККА не был готов к обороне, он терпел поражения летом 1941 г.

Кроме базовых положений, концепция упреждающего удара В. Б. Резуна-Суворова включает и защитный пояс. Он состоит из ряда гипотез. Во-первых, о сокрушительном

для вермахта характере удара по нему РККА, ибо в отличии от советских вооруженных сил немцам отступить было некуда. Обоснованию утверждения служит написанная в «Ледоколе» в духе альтернативной истории заключительная глава «Война, которой не было» [16, с. 333—339], исходящая из предположения о переносе германского вторжения в СССР на 22 июля 1941 г. Во-вторых, тезис об исключительно оптимистичном для РККА характере боевых наступательных действий, базирующийся на своеобразной закономерности. «Ведь внезапность нападения действует ошеломляюще... Всегда ведет за собой целую цепь катастроф, каждая из которых тянет за собой другие» [16, с. 335]. Менее чем через полтора месяца после удара по врагу, в августе 1941 г., РККА уже проводит Висло-Одерскую наступательную операцию, успешно двигаясь к Берлину. (Позицию разделяют некоторые писатели, например, О. Герантиди в романах «На чужой территории», «Малой кровью, могучим ударом!»). В-третьих, тезис о поражении СССР в Мировой войне, ибо он в 1945 г. не смог уничтожить капиталистическое окружение вокруг себя. А потому якобы обречен на конечное поражение (ибо советские люди, имевшие возможность сравнения преимуществ капитализма и реального социализма, к 1991 г. выбрали первый). Отсюда вхождение в СССР «последней республики» (страны) выступало залогом существования социализма в будущем.

Впрочем, в теории «упреждающего удара» «ядро» тоже породило не всегда «тяжелые» для преодоления критикой гипотезы. Их опровержение достигается эмпирическим путем. В качестве «Ледокола» Германию первыми начали использовать англичане и французы, не препятствовавшие захвату немцами Рейнской демилитаризованной зоны еще в 1936 г. Вооружали вермахт в 1930-е гг. и концерны США, боровшиеся так с экономическим кризисом, начавшимся в 1929 г. Где пределы экспансии РККА в Европу 1941 г.? Тезис о захвате «всего мира» СССР можно вообще не обсуждать как фантастический. Конечно, по количеству вооружений РККА превосходила вермахт, но качество их, а главное — слаженность подразделений (даже не подвергшихся первому удару) оставалась низкой. Для В. Суворова вопрос решается экстраполяцией: «Всего этого (разгрома немцев РККА — В. Н.) не было? ...Нет, это было! Правда, не в сорок первом году — в сорок пятом!» [16, с. 339]. На самом деле немцы при гипотетическом ударе РККА летом 1941 г.

не имели бы у себя в тылу силы союзных войск (как в 1944—1945 гг.), а потому могли нанести РККА, лишенной боевого опыта, серьезные потери и даже затормозить ее продвижение [4]. Так что обороняться все равно бы пришлось. Подобные сомнения в адекватности «защитного пояса» позволяют усомниться и в состоятельности «ядра» (базовых положений) концепции.

22 июня 1941 г. как «ментальное поражение»

Концепцию о поражении СССР летом 1941 г. как преимущественно психологическом явлении развивает М. С. Солонин. «Твердое ядро» позиции обобщим в следующих тезисах:

1. Синтез положений о подготовке СССР наступательной войны и тезиса официальной доктрины о внезапности нападения, но в новой интерпретации. Оказывается, И. В. Сталин и посвященное в замысел руководство РККА готовило провокацию, аналогичную инциденту в ноябре 1939 г., с которого началась атака СССР на Финляндию. Для этого в ряде приграничных районов ВВС РККА намеренно понизили перед 22 июня их боеготовность, чтобы якобы германские самолеты (на самом деле — советские) нанесли им максимальный урон. В реальности же эта «разбалансировка» ВВС РККА и пришлась на германское нападение, вызывая легенду о нападении врага на «мирно спящие аэродромы» [13, с. 170—171]. По сути, в методологическом плане такое предположение остается созданной по аналогии гипотезой, которую М. С. Солонин документально подтвердить не может. Однако оно отвечает на распространенную в СССР точку зрения, что «запреты сверху» на открытие огня по врагу стали важной причиной поражения РККА 22 июня 1941 г.

2. М. С. Солонин отвергает и с цифрами в руках опровергает положения как концепций «вероломного нападения», так и «упреждающего удара» о катастрофических поражениях РККА именно в первые дни войны с Третьим Рейхом. Причина проста: более 90 % ее личного состава и техники располагалась вне зоны действия германских ВВС, танков, пехоты. Иронизируя над теорией В. Суворова, М. С. Солонин сравнивает германские бомбардировщики с Валькирией, ибо каждый из них смог уничтожить «по одному советскому артиллерийскому полку» [13, с. 15].

3. Однако если РККА сохранили потенциал после удара вермахта, то что стало причиной ее отступления до Москвы? М. Соло-

нин отвечает четко: нежелание ее бойцов воевать за власть большевиков и И. В. Сталина. Этим объясняется большое количество исправной и брошенной техники, миллионы сдавшихся в плен красноармейцев. Только отказ в 1941 г. руководства Третьего Рейха помочь им вступить на «путь борьбы с большевизмом» и привел нацистов в 1945 г. к краху. **Значит, причина поражения РККА лежит в ментальности ее солдат.** «Ответ на вопрос о причине поражения может быть сведен к трем словам: АРМИЯ НЕ ВОЕВАЛА (выделено М. Солониным)» [14, с. 27].

В «защитном поясе» теории ментального поражения появляется, как и в концепции «упреждающего удара», обращение к Альтернативной истории. М. Солонин указывает (не развивая его подробно) и иной сценарий развития войны на Восточном фронте, если бы нацистское руководство оценило данный фактор: массовое нежелание бойцов РККА воевать за Советскую власть. Немцы могли бы: провозгласить независимость Украины; «распустить по домам всех военнопленных, а тех, у кого дом остался по другую сторону фронта, кормили бы бифштексами...»; немедленно распустить «колхозы и пообещать освободить всех узников ГУЛАГа после победы Германии и изгнания Сталина»; создать «антибольшевистскую русскую добровольческую армию и альтернативное русское правительство» [13, с. 482—483]. В реальности же уничтожение пленных РККА в нацистских концлагерях привело к ожесточенному сопротивлению немцам на поле боя остальных красноармейцев. Население же СССР, не получив от нацистской власти демократических свобод («антисталинское правительство»), поддержало режим большевиков как меньшее из зол.

На мой взгляд, нацисты на Восточном фронте искали прежде всего ресурсы для продолжения борьбы на Западном. Поэтому и не распустили колхозы, откуда продовольствие реквизируют удобнее, чем у крестьян-единоличников. М. Солонин призывает массово кормить бифштексами военнопленных РККА в немецких лагерях. Вопрос: **где «лишние» бифштексы брать, если их не хватало в самой Германии?** К тому же, как долго будут послушны немцам бойцы «антибольшевистской русской добровольческой армии» показал опыт РОА А. А. Власова в Праге в мае 1945 г.: до первого серьезного поражения.

Вместе с тем М. С. Солонин прав в том, что нацистское руководство плохо воспользовалось и не оценило в должной мере фак-

тор «ментального поражения», который тоже действовал в июне 1941 г. (хоть и не в столь гипертрофированных формах).

Кроме того, вызывает вопрос и фактическое обоснование теории «ментального поражения». Как ее верифицировать? Количество пленных — не показатель. Каждый попадал туда своим путем. Сложно определить здесь главный мотив поведения человека. Военную технику бойцы РККА «бросали» на полях боев 1941 г. из-за отсутствия горючего, боеприпасов, для выхода из окружения, по иным причинам. Здесь тоже нельзя доказать исключительно «ментально-антисоветский» след таких поступков. Кроме того, есть немало фактов, когда летом 1941 г. бойцы РККА стояли насмерть в буквальном смысле слова. Так что и здесь вопросов больше, чем ответов.

В плане методологии составляющие защитный пояс гипотезы не предотвращают критики ядра теории. Первая из них сомнительна в принципе и невозможна к реализации, что признает сам М. С. Солонин [13, с. 482]. Вторая — не верифицируема.

22 июня 1941 г. как «осознанный разгром»

Подобная концепция выглядит достаточно логичной на фоне предыдущих. Теории «неожиданного удара», «упреждающего удара», «ментального поражения» возлагают вину за отступление лета 1941 г. на И. В. Сталина. Значит, закономерен вывод: он специально привел страну и РККА к поражению. Реконструируем базовые положения позиции.

1. Трехфакторный характер причин поражения РККА: техническая неготовность РККА к боевым действиям (РККА — «полуфабрикат», из которого предстояло «испечь» нормальную армию); антисталинские настроения в РККА, приведшие к частичной неустойчивости войск; намеренные «странные действия Сталина», облегчившие вермахту его победы [20, с. 24]. Заметим: первый фактор — важная составляющая теории «неожиданного удара», второй — «ментального поражения», но именно последний фактор — главный среди них.

Б. Н. Шапталов полагает, что И. В. Сталин с соратниками **намеренно проводили мероприятия по дезорганизации вооруженных сил СССР накануне Великой Отечественной войны, чтобы привести его к поражению** [20, с. 20]. Например, план немедленного создания новым начальником Генерального штаба РККА Г. К. Жуковым

20 механизированных корпусов, что «полностью срывало подготовку бронетанковых войск к войне» [20, с. 31], скученность советских самолетов на аэродромах Западного ОВО в июне 1941 г., «милитаристское» выступление И.В. Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий (якобы провоцирующее агрессию немцев) и др. [20, с. 30—31].

Теорию «упреждающего удара» Б. Н. Шапталов отвергает, но одновременно меняет в ней идеологический вектор. В случае превентивного удара РККА по вермахту в 1941 г. не погибли бы миллионы людей. Более того, «только недруги <...> России могут осуждать Сталина за нежелание воевать на территории врага. Но Сталин не выполнил свой долг правителя. <...> Не спас народы СССР <...> от колоссальных бедствий» [20, с. 20]. У Б. Н. Шапталова И. В. Сталин виноват в том, что позволил вермахту напасть на СССР, а РККА не дал ударить первой!

2. Наделение И. В. Сталина решающей ролью в данной фазе истории. Иные личности (Николай II, М. С. Горбачев) не являлись самостоятельными фигурами, зависели от правящей группы. И. В. Сталин — другое дело. Он «подмял по себя» управленческую элиту и «в значительной мере самостоятельно определял курс государства. Кто не вписывался в его цели — уничтожался». «Мог сделать с обществом практически все, что хотел» [20, с. 22]. А «захотел» И. В. Сталин ни много ни мало, как «подставить» СССР по удар вермахта.

3. И. В. Сталин поступал так странно в 1941 г., ибо «не хотел, чтобы Красная Армия появилась в Европе, и делал все возможное, чтобы этого не произошло» [20, с. 35]. Однако после победы в Великой Отечественной войне в 1945 г. «отвести Красную Армию к прежним границам, ничего не взяв в замен, в Кремле не могли. В результате СССР о казался в геополитической ловушке» [20, с. 36]. Ему пришлось оказывать экономическую помощь «странам социализма» в Европе, пока он не распался, истощив себя. А будучи автономным государством СССР добился значительных успехов в ходе индустриализации 1930-х гг. Отсюда И. В. Сталин таким оригинальным образом (подставив свою армию под удар вражеской) хотел продлить подобный тренд [20, с. 37].

По сути дела, говорить в данном случае о защитном поясе теории нельзя. Альтернативного сценария развития событий здесь нет (хотя его параллельно разрабатывают некоторые писатели: Е. Чижова «Китаист»,

А. Лазарчук «Иное небо», Р. Харрис «Фатерланд» и другие). Концепция, как и у М. С. Солонина, сводится к ментальности, но уже не группы людей, а одного человека — правителя. Впрочем, как спорное допущение можно отметить наделение И. В. Сталина качествами «демиурга» истории, которым (вопреки даже инстинкту самосохранения) овладела определенная самоубийственная идея. В случае опровержения подобной волюнтаристической посылки под угрозой оказывается и «ядро» позиции.

Экономико-ментальная теория причин поражения РККА

Подобная концепция обосновывается А.А. Захаревичем. Она причудливо включает базовые положения иных позиций. Признает теорию упреждающего удара («совершенствуя» ее до приписывания СССР в 1941 г. желания оккупировать не только Европу, но Балканы и Турцию [2, с. 9]. Потенциальному сценарию такой операции посвящена работа А. А. Захаревича «Сталинский поход на Юг» [3]). Более того, согласен белорусский специалист и с тезисом В. Суворова о том, что к «неожиданной» оборонительной войне на своей территории «это государство (СССР — В. Н.) совершенно не было готово» [2, с. 9]. Солидаризируется с теорией «осознанного разгрома» (берется на вооружение положение о том, что оккупированные СССР в 1945 г. территории стали для него обузой, «камнями в почках» [2, с. 548], погубившими «империю»). Отсюда (не фактически, а по людским и материальным затратам, результатам и долгосрочным последствиям конфликта) СССР в данной концепции, как и в теориях «упреждающего удара» и «осознанного разгрома», видится проигравшей II Мировую войну стороной, что и предопределило его крах в 1991 г. [2, с. 545—548]

Позиция фокусируется на тезисе о непрофессионализме, отсутствии интеллекта у военачальников РККА, их привычке побеждать «большой кровью», что лишило страну около 50 млн человек, но исчерпало возможности «агрессивных замыслов» руководства СССР в 1945 г. Причина преодоления катастрофы 1941 г. и в целом перманентно возникавших до 1945 г. для РККА кризисов видится А. А. Захаревичу в помощи СССР со стороны западных союзников: как поставок по ленд-лизу, так и путем организации наступательных операций, оттягивавших с фронта РККА силы врага. Именно такое содействие США, Великобритании и личные ошибки А. Гитлера (вызванные кон-

спирологическими причинами) убергло СССР от разгрома вермахтом в отведенные планом «Барбаросса» сроки: к осени 1941 г.

Почему РККА проигрывала летом 1941 г.? По мнению А. А. Захаревича, главная причина заключалась в том, что у СССР была слабая, «ущербная» экономика, которая не базировалась на рынке. Рыночная же экономика в период политических кризисов «становится самозатягивающейся». Ей просто не надо мешать, она все сделает сама» [2, с. 545].

Отметим входящие в «защитный пояс» теории А. А. Захаревича положения. Это — тезис об априорном превосходстве рыночной экономики над любой иной, о ее саморегулировании перед лицом кризисов. Утверждение, что государство с рыночной экономикой окажется всегда сильнее в военном отношении страны с командно-административной формой хозяйствования. Выборочный разбор операций РККА летом 1941 г., из которого А. А. Захаревич сознательно удаляет ситуации, не соответствующие его пониманию причин поражения СССР (удачный для РККА контрудар под Сольцами против танкового корпуса Э. Манштейна, трехнедельная оборона Полоцка от танковой группы Г. Гота и др.). В итоге картина предстает довольно однобокой, на что автор «выписывает» себе разрешение, заявляя: «я не описывал подробно ход боевых действий» [2, с. 9]. С таким подходом легко создавать потребные картины прошлого, подгоняя решение задач под «правильный ответ» в конце учебника, как любят делать некоторые школьники.

Впрочем, состоятельность подобных гипотез из защитного пояса тоже вызывает возражения уже на эмпирическом уровне. Во-первых, без значительного увеличения доли государственного вмешательства переход экономики любой страны к выпуску военной продукции невозможен. Во-вторых, страны с господством рынка (Польша, Голландия, Франция, да и Великобритания на континенте) были быстро разбиты Германией в 1939—1940 гг., где государственное регулирование экономики с приходом к власти А. Гитлера резко усилилось. В-третьих, почему-то экономика США в период «Великой Депрессии» 1929—1933 гг. не смогла самостоятельно «затянуться», что потребовало государственного вмешательства через политику «Нового курса» правительства президента Ф. Д. Рузвельта. В-четвертых, в начальный период войны на первое место в конкуренции вооруженных сил выходит боевой опыт, а иные факторы (экономические, политические и т. д.) сказываются позднее. Это прекрасно испытали на себе, например,

США и Великобритания в период войны с Японией. Их вооруженные силы в первой половине 1942 г. капитулировали в Сингапуре и на Филиппинах в не меньшем количестве и порой после гораздо менее продолжительной борьбы, чем РККА, скажем, в Крыму в целом и в Севастополе в частности. В-пятых, при проверке теории автор идет лишь по пути верификации, отбирая в качестве иллюстрации подтверждающие ее примеры. Остальные просто игнорируются. Проверки через фальсификацию (при учете опровергающих ее случаев) теории А. А. Захаревича выдержать сложно.

Заключение

Из проведенного анализа вырисовываются следующие особенности исторических теорий.

1. Тяготение к конспирологии и игнорирование простых причин реализации событий. Перефразируя У. Оккама, «сущности умножаются без необходимости». Так, командовавший в июне 1941 г. 9 механизированным корпусом в Киевском особом военном округе К. К. Рокоссовский вспоминал, что он, обеспеченный техникой на 30 % от штатной численности, как «механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать, как штаб КОВО, так и Генеральный штаб» [12, с. 33]. Следовательно, о «превентивном» наступлении на врага в июле 1941 г. речи не шло. Хотя «судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед» [12, с. 32].

2. Гипотезам авторов часто придается квантор всеобщности. В официальной доктрине почти все талантливые офицеры РККА оказались казнены в 1937—1941 гг. и врага встречали преимущественно «невежды». У В. Суворова «всю» РККА не учили вести оборонительные бои и почти все ее запасы уничтожены в первые дни войны, ибо концентрировалось для наступления у границы. У М. С. Солонины опять-таки «вся» РККА не желала воевать. У А. А. Захаревича рыночная экономика всегда превосходит «командную», командиры РККА отбираются исключительно по принципу «тупой и еще тупее», на своих ошибках никогда не учатся. У Б. Н. Шапталова И. В. Сталин полностью подчинил себе систему управления в СССР. В итоге теории строятся на крайне абстрактных обобщениях, что не способствует их адекватной эмпирической проверке.

3. Интересен и «защитный пояс» теорий. Он в не традиционных концепциях причин поражений РККА в 1941 г., как правило, создается ретроспективно, с учетом судьбы СССР в 1991 г., которая в 1945 г. еще не была predetermined.

4. О конкуренции теорий. По И. Лакатосу, взаимная критика научно-исследовательских программ — благо, не дающее «закостенеть», догматизироваться ее базовым положениям («ядру»). Что мы видим в данном случае? Картина весьма противоречива. Яростной критике подвергается официальная версия причин поражения РККА в 1941 г., причем со стороны иных теорий. В остальном идет спор из-за частных деталей.

5. Фиксируется процесс активного проникновения базовых положений одной теории в другую. Даже тезисы из критикуемой иными участниками дискуссии официальной концепции присутствуют в построениях ее оппонентов.

6. Концепции причин поражения РККА 1941 г. тяготеют к преувеличению роли И.В. Сталина в данной ситуации (вплоть до чрезмерного у Б. Н. Шапталова). Баланс же важного персонального фактора и иных, структурных (политических, экономических, стратегических, тактических и т. д.) пока не найден. Примечательно, что сам И. В. Сталин стремился в выступлениях искать факторы, обусловившие поражения армии, а не вину конкретных лиц.

7. Слабая проверка гипотез. Скажем, краеугольным камнем концепции «упреждающего удара» В. Суворова выступают нефтяные поля Плоешти (Румыния) как единственный источник, «питавший» немцев нефтью. Однако в реальности после утраты месторождений в августе 1944 г. вермахт продержался более полугода. «Ментальная теория» поражения РККА М. С. Солонина вообще не верифицируема. В итоге «защитный пояс» оказывается слабым, допускает критику «ядра».

8. Контрфактическое моделирование прошлого в данных теориях выступает не вспомогательным, а одним из главных средств обоснования (доказательства) правильности позиции.

1. Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году? // Другая война: 1939—1945. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 157—184.

2. Захаревич С. С. Большая кровь: как СССР победил в войне 1941—1945 гг. Минск : Современная школа, 2010. 560 с.

3. Захаревич С. С. Сталинский бросок на Юг. Минск : Современная школа, 2011. 464 с.

4. Исаев А. В. Великая Отечественная альтернатива. 1941 в сослагательном наклонении. М. : Яуза : ЭКСМО, 2011. 288 с.

5. История Отечества в документах. 1917-1993 гг. : в 4 ч. Ч. 3. 1939—1945 гг. М. : ИЛБИ, 1995. 192 с.

6. Кулиш В. М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 274—315.

7. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Медиум, 1995. 236 с.

8. Мельтюхов М. И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография. М. : Российск. Гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 488—521.

9. Нехамкин В. А. Источники по Альтернативной истории и их методологическое значение // История. 2017. № 2 (56). URL: <http://history.jes.su/s207987840001059-3> (дата обращения: 04.02. 2020).

10. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 336—352.

11. Печенкин А. А. Была ли возможность наступать? // Другая война: 1939—1945. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 185—211.

12. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М. : Воениздат, 1997. 479 с.

13. Солонин М. С. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М. : ЭКСМО : Яуза, 2005. 512 с.

14. Солонин М. С. Июнь 1941-го. Окончательный диагноз. М. : Яуза : ЭКСМО, 2013. 576 с.

15. Стариков Н. В. Так говорил Сталин: сборник статей. СПб. : Питер, 2015. 240 с.

16. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую Мировую войну? Нефантастическая повесть документ. М. : Новое время, 1992. 352 с.

17. Суворов В. День — М. Когда началась Вторая мировая война? Нефантастическая повесть—документ. Книга вторая. М. : Все для вас, 1994. 256 с.

18. Суворов В. Последняя республика. М. : Добрая книга, 2012. 392 с.

19. Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? М. : АСТ, 2002. 344 с.

20. Шапталов Б. Н. Как организовали «внезапное» нападение 22 июня 1941. Заговор Сталина. Причины и следствия. М. : Центрополиграф, 2015. 351 с.

21. XX съезд КПСС. Доклад Хрущева о культе личности И.В. Сталина. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/XX_sezd_kpss/ (дата обращения: 04.02.2020).

References

- Gor'kov Yu.A. (1996) Gotovil li Stalin uprezhdayushchij udar protiv Gitlera v 1941 godu? // *Drugaya vojna: 1939—1945*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 157—184. [in Rus].
- Zaharevich S.S. (2010) *Bol'shaya krov': kak SSSR pobedil v vojne 1941—1945 gg.* Minsk, Sovremennaya shkola, 560 p. [in Rus].
- Zaharevich S.S. (2011) *Stalinskij brodok na Yug.* Minsk, Sovremennaya shkola, 2011, 464 p. [in Rus].
- Isaev A.V. (2011) *Velikaya Otechestvennaya al'ternativa. 1941 v soslagatel'nom naklonenii.* Moscow, Yauza, EKSMO, 288 p. [in Rus].
- Istoriya Otechestva v dokumentah. 1917—1993 gg.* (1995): v 4 ch. Ch. 3. 1939—1945 gg. Moscow, ILBI, 192 p. [in Rus].
- Kulish V.M. (1996) *Sovetskaya istoriografiya Velikoj Otechestvennoj vojny // Sovetskaya istoriografiya.* Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 274—315 [in Rus].
- Lakatos I. (1995) *Fal'sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel'skih programm.* Moscow, Medium, 236 p. [in Rus].
- Mel'tyuhov M.I. (1996) *Sovremennaya istoriografiya i polemika vokrug knigi V. Suvorova «Ledokol» // Sovetskaya istoriografiya.* Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 488—521. [in Rus].
- Nekhamkin V.A. (2017) *«Istoriya», no 2 (56), p. 10.* Available at: <http://history.jes.su/s207987840001059-3>, accessed 04.02.2020. [in Rus].
- Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. (2018) *Dialog so vremenem*, no. 65, pp. 336—352. [in Rus].
- Pechenkin A.A. (1996) *Byla li vozmozhnost' nastupat'?* // *Drugaya vojna: 1939—1945*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, pp. 185—211. [in Rus].
- Rokossovskij K.K. (1997) *Soldatskij dolg.* Moscow, Voenizdat, 479 p. [in Rus].
- Solonin M.S. (2005) *22 iyunya, ili Kogda nachalas' Velikaya Otechestvennaya vojna.* Moscow, EKSMO, Yauza, 512 p. [in Rus].
- Solonin M.S. (2013) *Iyun' 1941-go. Okonchatel'nyj diagnoz.* Moscow, Yauza, EKSMO, 576 p. [in Rus].
- Starikov N.V. (2015) *Tak govoril Stalin: sbornik statej.* St. Petersburg, Piter, 240 p. [in Rus].
- Suvorov V. (1992) *Ledokol. Kto nachal Vtoruyu Mirovuyu vojnu? Nefantasticheskaya povest' dokument.* Moscow, Novoe vremya, 352 p. [in Rus].
- Suvorov V. (1994) *Den' — M. Kogda nachalas' Vtoraya Mirovaya vojna? Nefantasticheskaya povest'—dokument. Kniga vtoraya.* Moscow, Vse dlya vas, 256 p. [in Rus].
- Suvorov V. (2012) *Poslednyaya respublika.* Moscow, Dobraya kniga, 392 p. [in Rus].
- Suvorov V. (2002) *Ochishchenie: Zachem Stalin obezglavil svoju armiyu?* Moscow, AST, 344 p. [in Rus].
- Shaptalov B.N. (2015) *Kak organizovali «vnezapnoe» napadenie 22 iyunya 1941. Zagovor Stalina. Prichiny i sledstviya.* Moscow, Centropoligraf, 351 p. [in Rus].
- XX s'ezd KPSS. Doklad Hrushcheva o kul'te lichnosti I.V. Stalina. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/XX_sezd_kpss/, accessed 04.02.2020 [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.

The theory structure in modern historical knowledge (as exemplified by the concepts of the causes of the Red Army defeat in the initial period of the Great Patriotic War): philosophical and methodological analysis // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (81). С. 116—127. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-116-127.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-1-116-127

UDC 167.7; 930.2

THE THEORY STRUCTURE IN MODERN HISTORICAL KNOWLEDGE (AS EXEMPLIFIED BY THE CONCEPTS OF THE CAUSES OF THE RED ARMY DEFEAT IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR): PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Valery A. Nekhamkin,

Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119602,
Moscow, ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article considers some particular concepts of the causes of the Red Army defeat in 1941, which have been formed in the historiography of the USSR, Russia and beyond since the 20th century until now. These theories are studied as varieties of I. Lakatos's research programs, which have some basic concepts ("solid core") and consisting of the hypotheses "protective belt". The author points out heuristic potential of each concept, its strengths and weaknesses in the methodological aspect.

The aim of the study is to consider the concepts of the causes of the Red Army defeats in 1941 in modern historiography on the basis of the model of I. Lakatos's research programs; compare these theoretical constructs with each other.

Methods The author uses the following general scientific methods in the study: modeling, structural-functional, systemic and comparative analysis. The model of I. Lakatos's research program is applied. As a means of cognition, counterfactual modeling of the past is involved.

The scientific novelty of the study. The author studies the concepts of the causes of the Red Army defeat in 1941 on the basis of the model of I. Lakatos's research program. The author reconstructs the "solid core" concept or basic concepts of these theories, the "protective belt" and its hypotheses and analyzes the structure of both the official doctrine of the "treacherous attack" and alternative theoretical constructions. Comparing the concepts makes it possible for the author to see the relationship of their "solid core" and "protective belt".

Results. In modern historiography, a number of theories of the Red Army defeat in 1941 are revealed: the official doctrine of "treacherous attack", "preemptive strike", mental, "conscious defeat", economic-mental.

These theoretical constructions act as opposites of each other in the worldview and ideology. However, theoretical and methodological analysis and comparison of these concepts made it possible to state that there is a common methodological basis for each of them. This is a set of basic provisions and a "protective belt" consisting of hypotheses. A complex set of interactions is revealed between these elements in each theoretical construction. The positive role of mutual criticism of theories as a means of obstructing the dogmatism of knowledge is noted.

Conclusions. The concepts of the Red Army defeat in the summer of 1941 are only looking for common ground. The thesis confirms the fact of continuity of some basic provisions in each of them. The theories have a strong element of conspiracy theology. Hypotheses from the "protective belt" are often formed on the basis of the universal quantifier. This casts doubt on their truth in the case of empirical tests. Causal relationships are not always reasonably extrapolated from one period of the past to another. An exaggeration of I.V. Stalin's role in the events. These theories demonstrate pluralism of positions on the issue under discussion. The analysis showed that these concepts need further theoretical and methodological improvement. It is noteworthy that the model of I. Lakatos's research program, created mainly on the examples from the natural sciences, also works in the humanities.

Key concepts:
research program,
"protective belt",
"solid core",
concepts of the causes of the Red Army defeat in 1941,
theory.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board. The articles are to be run through the «AntiPlagiат» system. By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

